

Министерство образования и науки Украины
Николаевский государственный университет
им. В.А.Сухомлинского

И.М. Шкляж, Д.А. Веселков, Ю.П. Хилимов, А.В. Хмиль

Африка: история и современность

Учебное пособие для учителей и студентов

Публикуется согласно решению Ученого Совета
Николаевского государственного университета
им. В.А. Сухомлинского.
Протокол № 8 от 28 февраля 2005 г.

Ответственный редактор:

д.п.н., профессор Пехота Е.А.

Рецензенты:

Тригуб П.Н., доктор исторических наук, профессор (НГГУ им.
П.Могилы)

Черных А.Г., доктор исторических наук, профессор

Степаненко В.В., ст. преподаватель кафедры всемирной
истории НГУ

И.М. Шкляж, Д.А. Веселков, Ю.П. Хилимов, А.В. Хмиль
Африка: история и современность: Учебное пособие для
учителей и студентов. 2005 г. – стр. 268.

Посвящается героям национально-освободительного движения народов Африки

Лучше умереть стоя,
чем жить на коленях

Сегодня об Африке знают значительно больше, чем в то время, когда К.И.Чуковский полушутя-полусерьезно советовал: «не ходите, дети, в Африку гулять...»

Современные средства массовой информации пишут, показывают и рассказывают об экзотических чудесах Черного континента, которых не следует бояться.

Мы рискнули написать учебное пособие, из которого любознательный читатель узнает такое, о чем даже всеведущее телевидение не имеет понятия. Оказывается, в Одессе хранится уникальная коллекция книг, в том числе и по Африке, которую многие десятилетия собирали Воронцовы.

Вы познакомитесь не только со знаменитым семейством, но и пройдете по улицам шумной и многоликой Одессы той поры; узнаете, что интересовало русских книголюбов, и почему Африка в те далекие от нас годы занимала умы талантливых и благородных людей...

Кто бы мог подумать, что вождь небольшого племени зулу – Кетчвайо – нанесет сокрушительное поражение англичанам, вынудит уйти в отставку британское правительство и одной, удачно выпущенной стрелой, покончит с королевской династией... Вы прочтете об этой драматической истории, искренне полюбите необычные зулусские традиции, восхитившись их семейно-брачными отношениями...

Наш николаевский читатель сможет гордиться, узнав, что много лет тому назад его земляки с нетерпением ждали выхода каждого номера местной газеты, в которой публиковались сообщения о ходе англо-бурской войны, будоражившей воображение миллионов. Вы поймете причины неподдельного интереса николаевцев к этому вооруженному конфликту на юге Африки и откроете для себя историю прессы родного города.

Наконец, этот человек на протяжении многих лет считался кумиром свободолюбивых граждан всего мира. Ведь речь идет о Нельсоне Манделе – поистине легендарной личности.

Таким образом, познакомившись с содержанием данного учебного пособия, Вы не только обогатите свою память полезными знаниями, но, как мы надеемся, станете больше интересоваться историей, культурой и традицией разных народов, населяющих нашу Планету.

Для изучающих всемирную историю, этнографию и культуру.

К читателю

Еще каких-то несколько десятилетий тому назад слово «Африка» было у всех на устах. Об этом многострадальном континенте писала вся мировая печать, о его проблемах говорилось по радио, а голубой экран был полон самой разнообразной видеоинформацией: от популярных фильмов из жизни горилл до ожесточенных сражений где-то в дебрях Анголы.

В 60-х годах прошлого столетия шел бурный процесс деколонизации и образования независимых африканских государств. Старая Европа с опаской взидала на пробудившуюся Африку: по какому пути пойдут новые государства?... Колонизаторы знали и чтитли собственную историю и культуру, полностью игнорируя обычаи и традиции своих «подопечных». Какой счет предъявят еще недавно порабощенные ими африканские народы?

Бывшие хозяева страшились не столько финансовых потерь, сколько пробуждения у африканцев национального самосознания. В Лондоне, Париже, Брюсселе... хорошо понимали: племена, лишённые своего прошлого, десятилетия прозябавшие в темноте и невежестве, менее опасны, нежели гордые своей историей народы.

Но что мы – граждане независимой Украины – знаем об истории народов Черного континента, их культуре, обычаях и традициях? К сожалению, очень мало.

Надо признать, что даже университетские курсы всемирной истории, этнографии и географии уделяют Африке, ее многочисленным народам и этническим группам совсем немного места. Еще меньше знают об африканцах наши школьники.

А между тем прошлое африканских народов изучать интересно, оно поучительно и имеет определенное воспитательное значение. Например, некоторых африканских вождей, живших в XIX веке, смело можно сопоставить с видными государственными и военными деятелями Европы. В ссылке угасал Наполеон, а в далеком и неведомом Зулуленде

лишь разгоралась слава Чаки – полководца и администратора, недаром прозванного «черным Наполеоном». Спустя несколько десятилетий хваленная английская армия терпит поражение в битве у холма, затерявшегося среди густых лесов Южной Африки..!

А хуже ли изделия африканских умельцев из слоновой кости, золота и меди, чем произведения ремесленников из других частей света? Современные коллекционеры – знатоки искусства платят огромные деньги за бусы и браслеты, маски и статуэтки из Бенина, Мали, Конго...

И если еще бытует пренебрежительное отношение к африканцам, так это во многом из-за дремучего невежества и низкой культуры. Расизм – опасная болезнь, откуда бы она не исходила. Нельзя допустить, чтобы кто-то подвергался дискриминации по расовому, национальному или религиозному признаку.

Если допустить, что сегодня могут осмеять или даже оскорбить жителя знойной страны, то завтра эти же «блюстителю расовой чистоты» нападут на сограждан, у которых иной родной язык или другая религия...

Межэтнические конфликты опасны для любого государства, жители которого стремятся к процветанию и демократии. Народы Украины, разумеется, не являются исключением. Представители более ста национальностей населяют нашу Родину, и все мы – граждане одного государства, конституция которого гарантирует равные права и обязанности. Этим мы гордимся!

Однако не менее важно воспитать у подрастающего поколения уважение к людям иной расы, нации и культуры. А для этого следует поднять уровень образования нашей молодежи, снабдив ее определенными знаниями по истории и традициям других народов.

К взаимопониманию и терпимости стремятся и авторы данного труда, в котором любознательный читатель обнаружит много нового и интересного материала по истории и культуре все еще загадочного континента.

Кроме того, читатель постигнет важную истину: интерес к Востоку (и к Африке, в частности) всегда имел место среди наиболее образованной части населения Европы. Лучшие государственные умы России многие годы, не жалея усилий и средств, собирали уникальные книги, документы, произведения искусства разных народов, чтобы спустя годы историки могли изучать прошлое и африканских племен в том числе.

Мы – исследователи начала XXI века – понимаем, какую ответственность перед обществом несут публикации по истории или современному положению различных народов. В этих книгах или статьях должны решительно осуждаться расизм, ксенофобия и антисемитизм. Мы глубоко убеждены в том, что искренний интерес к культуре и традициям других народов – ключ к устранению конфликтов не только внутри гражданских обществ, но и государств.

Глава I

История Африки в книжном собрании семьи Воронцовых

Одесса – один из самых примечательных городов. Вся ее история с момента основания и до сегодняшнего дня свидетельствует о неукротимости духа одесситов, их оптимизме и жизнестойкости.

Вместе с тем Одесса – это не только блестящие страницы прошлого и щедрость на великолепные таланты. Далеко не все знают о том, что в городе-герое хранятся редкие книжные собрания, могущие сделать честь любой библиотеке мира.

Как редчайшие издания оказались в Одессе? Каким образом все это интеллектуальное богатство сумело сохраниться, несмотря на перипетии многострадальной истории черноморской жемчужины?

Конечно, исключительно благоприятное географическое положение способствовало не только экономическому, но и культурному процветанию Одессы. Однако, справедливости ради, надо отметить, что городу везло также и на талантливых администраторов...

В этой главе будет рассказано о людях, которые не только много сделали для блага своего Отечества, но и всячески способствовали возвышению города Одессы.

Среди замечательных личностей, коим обязана Одесса, превратившись из захолустного поселения в «Южную Пальмиру», Воронцовы занимают особое место. Еще не так давно об этих администраторах упоминалось как о царедворцах и крепостниках, богатейшей дворянской семье России, то сегодня мы можем воссоздать образы государственных деятелей и дипломатов, военачальников и администраторов.

И все-таки главным героем нашего рассказа является библиотека, собиравшаяся Воронцовыми в течение многих десятилетий. Мы не будем утомлять наших читателей простым перечислением ценных документов и редких книг. В рамках небольшой работы это просто невозможно.

Наверное, лучше объяснить почему те или иные материалы тщательно коллекционировались этими библиофилами.

Наконец, мы приглашаем нашего любознательного читателя совершить небольшую экскурсию по Одессе Воронцовского периода, поскольку такое знакомство поможет лучше уяснить особый характер города едва ли не с первых лет его существования.

Разумеется, данная глава не претендует на всестороннее освещение истории Одессы. Кроме того, вы не найдете описание даже толики того колоссального книжного собрания, которым по праву может гордиться Одесса. В главе рассматриваются лишь те издания, которые представляют для нас профессиональный интерес.

1. Знаменитые книголюбцы.

Возвышение Воронцовых началось в 40-х гг. XVIII в. в царствование дочери Петра I, Елизаветы Петровны (1709-1761). Михаил Илларионович Воронцов (1714-1767) оказался самым удачливым из братьев. Он сумел правильно оценить обстановку и вовремя примкнуть к Елизавете Петровне, когда она после «уговоров» согласилась захватить престол. Императрица не забыла услуг Михаила Илларионовича, ставшего по ее милости Вице-канцлером, а с 1758 по 1762 гг. – канцлером Российской империи. Новоиспеченный сановник не только получил обширные поместья, но прочно укрепил при дворе свои позиции, женившись на двоюродной сестре императрицы, Анне Скавронской.

Незадолго до столь выгодного брака Михаил Илларионович был возведен Карлом VI, императором «Священной римской империи», в графское достоинство. А так как у русского канцлера не оказалось мужского потомства, он добился распространения титула на своих братьев, Романа и Ивана Илларионовичей Воронцовых.¹

Между тем, если бы не счастливое стечение обстоятельств, Михаил Илларионович так бы и остался небогатым

помещиком, владеющим двумя сотнями крепостных. Это вызывало среди недоброжелателей Воронцовых толки, будто их семья не имеет никакого отношения к древнему боярскому роду, среди которых были воеводы и ближайшие советники русских правителей XVI в. Впоследствии С.М. Воронцов даже судился с князем П.В. Долгоруким, издателем «Родословной книги», стремясь доказать древность и знатность своей фамилии².

Надо полагать, что начало коллекционированию рукописей и редких книг положил Михаил Илларионович Воронцов. Правда, он не отличался отменным образованием и утонченным вкусом, свойственными другим представителям этой семьи. Однако канцлер в силу своего высокого положения и богатства не мог отставать от моды. В то время многие состоятельные помещики считали признаком респектабельности приобретать книги, главным образом французские, и обучать своих отпрысков иностранным языкам. Вместе с тем имеются свидетельства, дающие основания считать, что канцлер Елизаветы Петровны любил русскую словесность, переписывался с М.В. Ломоносовым по поводу различных наук. Именно Михаилу Илларионовичу принадлежит заслуга в сохранении и приведении в порядок бумаг Петра I. Кроме того, он советовал императрице купить ценнейшие рукописи и библиотеку А.Д. Кантемира, сына сподвижника Петра I³. В архиве князя Кантемира, по данным Михаила Илларионовича, хранились документы, относящиеся к периоду правления Петра Великого.

Таким образом, характеризуя эту деятельность канцлера и основателя будущей великолепной библиотеки, следует предположить, что ряд уникальных рукописных документов и редких книжных изданий были приобретены Михаилом Илларионовичем Воронцовым.

Старший брат его, Роман (1707-1783), добился высокого положения при Екатерине II (1729-1796), однако снискал известность как взяточник и лихоимец. Тем не менее его

сыновья, Александр и Семен Романовичи, оказались в первой шеренге вельмож конца XVIII в.

На жизни и деятельности этих Воронцовых я позволю себе остановиться более подробно не только потому, что они занимали важные должности. Дело в том, что Александр и Семен Романовичи приложили немало старания и средств для создания книжного собрания и фамильного архива.

Александр Романович Воронцову (1741-1805) повезло. Он начал свою карьеру дипломата в то время, когда его родная сестра, Елизавета, была любовницей императора Петра III (1728-1762). И хотя в 1762 г. в результате дворцового переворота власть перешла Екатерине II, Александр Романович продолжает выполнять свои дипломатические функции. Правда, надо отметить, что в первые годы правления императрицы при дворе у Воронцовых была существенная поддержка. Сестра Александра Романовича, Екатерина Дашкова, пользовалась особым покровительством государыни. В самом деле, двадцатилетний молодой человек вначале направляется в Вену в качестве поверенного в делах, а с 1762-1764 гг. занимал должность полномочного министра (посла) в Лондоне; с 1764-1768 гг. он выполнял те же функции в Голландии.

Надо признать, что Александр Романович был человеком прекрасно образованным, умным, наблюдательным и честным. Может быть, поэтому он осуждал придворную жизнь Екатерины II и ее многочисленных прихлебателей. Как бы то ни было, но Александр Романович с 1773 г. в течение 20 лет занимал ответственный пост президента Коммерц-коллегии. Отдадим должное Екатерине II, которая могла при необходимости отбросить личные предубеждения, если речь шла о государственных интересах. В частности, пример графа А. Воронцова тому подтверждение.

Императрица была информирована, что Александр Романович находится в оппозиции к ее двору. Вместе с тем Екатерина знала, что граф А. Воронцов – человек немалых способностей и главное добросовестный и честный. А такие черты характера

были большой редкостью среди высокопоставленных чиновников.

Так называемая екатерининская эпоха являлась чрезвычайно интересным временем в русской истории. Это был «век созидания и разрушения, торжества разума, ужаса террора и неистовства реакции, высокого расцвета науки и глубоких мистических увлечений...»⁴.

В России тогда много говорили о свободе – и закрепощали сотни тысяч вольных казаков и крестьян; тогда много спорили о правах человека – и продавали крепостные семьи вразброд с «приплодом».

А.Р.Воронцов был, конечно же, человеком своего времени. Он решительно не одобрял крепостное право, расцвет которого пришелся на екатерининскую эпоху, и в то же время был представителем богатейшей помещичьей семьи; высмеивал фаворитизм и чиновничество и вместе с тем рьяно служил тому строю, который не раз осуждал. И все же, если бы Александр Романович ничего в своей жизни не совершил, а только покровительствовал А.Н.Радищеву (1749-1802), он обязательно оставил бы свой след в анналах русской истории.

И коль речь у нас идет о жизни и деятельности Александра Романовича, наиболее энергичного собирателя библиотеки, будет уместным рассказ о взаимоотношениях между этим графом Воронцовым и А.Н.Радищевым, о котором А.С.Пушкин метко сказал: «Радищев, рабства враг, цензуры избежал...»⁵.

В 1777 г. среди новых чиновников Коммерц-коллегии, принятых на службу, был недавно вернувшийся из-за границы А.Н.Радищев. Молодой служащий мог бы просидеть за канцелярским столом десятки лет и выйти в отставку с приличным достатком, но судьбе было угодно, чтобы новый чиновник обрел друга в лице своего грозного начальника и вскоре превратился в опасного «государственного преступника».

Однажды в Коммерц-коллегии рассматривалось дело о пеньковских браковщиках, несправедливо обвинявшихся в

должностных преступлениях. Президент коллегии, а им был А.Р.Воронцов, и все остальные чиновники признали обвинение правомерным. Только младший член Коллегии, Радищев, усомнился в справедливости вынесенного приговора. Более того, Александр Николаевич позволил себе неслыханную дерзость: подать особое мнение, совершенно противоположное тому, которое утвердил граф Воронцов. Вице-президент Беклемишев пытался уговорить своего подчиненного отказаться от собственного мнения, намекая молодому человеку, что его ждут большие неприятности. Однако А.Н.Радищев не испугался, прямо заявил, что он лучше готов подвергнуться гонению и оставить службу, но ни за что не согласится подписать несправедливый приговор⁶.

Трусливые чиновники не решались доложить о происшедшем графу Воронцову.

Возможно, другой начальник незамедлительно принял бы соответствующие меры, а это могло грозить ссылкой или даже тюремным заключением. Но Александр Романович, хотя поначалу рассердился, однако внимательно изучил мнение Радищева и даже пожелал лично выслушать доводы своего подчиненного. И вот, после разговора с А.Радищевым, Воронцов изменил свое решение, и браковщики были оправданы.

Этот случай сыграл немалую роль в судьбе А.Н.Радищева. Как свидетельствует его сын, Николай Александрович, Александр Николаевич Радищев «сделался домашним человеком и, можно сказать, первым советником по делам коммерческим у гр. Воронцова и после сего происшествия получил чин надворного советника, а гр. Воронцов навсегда остался его покровителем»⁷.

Что могло сдружить богатого и знатного вельможу, к тому же в летах, с относительно бедным молодым дворянином? Мне представляется, что графу Александру Романовичу импонировали, прежде всего, свободомыслие и демократизм Радищева, неординарность его суждений. Правда, иной раз и

при дворе можно было услышать сказанные по-французски цитаты из произведений Руссо, Дидро, Вольтера...

Екатерина II могла позволить себе посмеиваться над нравами крепостнической России и даже по-матерински пожуричь иных помещиков за чрезвычайную жестокость. И в то же время она решительно бросала регулярные войска, закаленные в баталиях с иноземными врагами, против крестьян, пытавшихся освободиться от оков рабства.

Младший сын Радищева, Павел Александрович, писал о слухах, будто А.Р.Воронцов «внушил» автору идею написать книгу «Путешествие из Петербурга в Москву»⁸. Надо полагать, что у Александра Романовича было много врагов, любой ценой стремившихся опорочить одного из влиятельнейших представителей рода Воронцовых. Они рассуждали таким образом: раз «крамольная» книга была написана сослуживцем и другом Воронцова, значит и сам граф каким-то образом причастен к этому «преступлению».

Однако письмо А.Н.Радищева, адресованное А.Р.Воронцову, опровергает подобные измышления. «Вам свойственно было прощать и снисходить на странности моей головы и быть к оным терпеливу... Чего же я себе не прошу, то что я попал в беду, в которую бы себя не ввергнул, если бы в сем случае не потаил от вас моего безрассудства. Я не стыжусь в том признаться, а самому пред собой стыдно»⁹.

Конечно, Александр Романович не мог не знать о настроении своего молодого друга, собственно, Радищев и не скрывал своих взглядов, в частности, на общественно-политическое устройство современной ему России. Во всяком случае не без помощи Воронцова Александр Николаевич вошел в кружок княгини Дашковой¹⁰.

Екатерина Романовна, кстати сказать, внесшая определенный вклад в книжное собрание семьи Воронцовых, далеко не всегда соглашалась с идеями Радищева. Например, русский литературовед В.П.Семенников в этой связи утверждал: «В отличие от своего брата, гр. А.Р.Воронцова, либерализм

которого мог простираться даже на крестьянский вопрос, кн. Е.Р.Дашкова была настроена крепостнически»¹¹.

Об этой незаурядной женщине в дальнейшем будет сказано, однако я сомневаюсь в том, чтобы Екатерина Романовна действительно одобряла крепостное право. Но, как бы то ни было, демократические идеи Радищева пугали дворянских либералов.

Автор этих строк, по вполне понятным причинам, не ставит перед собой задачу проанализировать творчество А.Н.Радищева. Это тема специального исследования. Вместе с тем я считаю необходимым в рамках главы, посвященной семье Воронцовых, коротко остановиться на основном труде Александра Николаевича.

По всей видимости, тогдашние «властители дум», французские мыслители-энциклопедисты, явились учителями Радищева. Кроме того, огромное влияние на Александра Николаевича оказала борьба Северной Америки за независимость. Об этом свидетельствуют некоторые его произведения, написанные до издания «Путешествия...», особенно ода «Вольность» (1781-1783).

Пожалуй, это сочинение явилось первым революционным стихотворением в России. Впервые ода «Вольность» была опубликована в отрывках в составе «Путешествия из Петербурга в Москву», и они по праву считаются самыми сильными страницами в этой книге. Недаром, прочитав книгу Радищева, Екатерина II более всего ополчилась против строф оды «Вольность». Она, в частности, нашла что «сами страницы суть криминального намерения»¹².

Впрочем, императрицу можно понять. Во Франции – революция, в России только недавно не без труда подавили бунт Пугачева (1773-1775) и вдруг такие слова:

«Живот и смерть в руке имея,
По воле, – рекл, – щажу злодея;
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется;

Живешь тогда, велю коль жить».

.....
Ликуйте, склепаны народы,
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя...»¹³.

А.В.Храповицкий, секретарь Екатерины II, 26 июня 1790 г., зайдя в кабинет императрицы, застал ее в сильном волнении. В этот день она приступила к чтению анонимно изданной книги «Путешествие из Петербурга в Москву»...

По-видимому, А.Н.Радищев хорошо осознавал последствия, которые его могли ожидать в связи с опубликованием этого сочинения. Иначе, зачем автору было необходимо печатать свой труд в типографии, устроенной у себя дома в Петербурге на Грязной улице (ныне улица Марата).

Как уже отмечалось, Радищев умышленно не посвящал в это предприятие своего покровителя графа Воронцова. Наконец, любопытно письмо, написанное Александром Николаевичем сыну. В нем, в частности, можно прочесть: «...если б я издал свою книгу за десять или пятнадцать лет до французской революции, то вместо ссылки скорее всего был бы награжден, так как в книге есть полезные указания на многие злоупотребления, неизвестные правительству»¹⁴.

«Путешествие...» появилось в начале мая 1790 г., менее года прошло с тех пор, как парижане штурмовали Бастилию. Во Франции революция набрала силу, в то время как в Петербурге с беспокойством следили за событиями, происходившими в Париже. Более того, русское правительство стремилось даже возглавить контрреволюционный альянс ряда европейских государств.

Судя по всему, Александр Николаевич ясно представлял себе взгляд официального Петербурга на международные дела. Не мог он, в самом деле, допустить мысль, что отношение к французским событиям будет таким же, как к борьбе Северной Америки за независимость (1775-1783). Тогда Екатерина продемонстрировала показное сочувствие английским колониям в Северной Америке. Но на это имелись свои

причины: натянутые отношения с правительством Великобритании, желание императрицы все еще слыть «либеральной» и «просвещенной» в глазах великих европейцев того времени, наконец, события эти происходили далеко от России.

Другое дело французская революция (1789-1794): абсолютные монархи всей Европы почуяли опасность своему существованию. И все, что происходило в столице Франции, быстро становилось известно в России, вызывая неоднозначное суждение.

Конечно, Радищев был прав, считая, что французская революция напугала русское правительство. Однако Александр Николаевич наивно полагал, будто при других обстоятельствах его могли бы «наградить». Почти все страницы книги «Путешествие из Петербурга в Москву» пронизаны антикрепостническими идеями, открытым призывом к борьбе против рабства, резким осуждением самодержавия и его проявления – деспотизма.

Так стоит ли удивляться таким замечаниям Екатерины II: «Автор «Путешествия» исполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выищивает все возможное к умалению почтения к властям, к приведению народа в негодование против начальников и начальства. Он едва ли не мартирист или чего подобное...». Коронованный критик сразу заключила, что Радищев «бунтовщик, хуже Пугачева»¹⁵.

Екатерининским властям казалось, что «преступная» книга, как и ее автор, навсегда будут преданы забвению. Однако история распорядилась иначе.

Уже в самом начале первой русской буржуазной революции 1905-1907 гг. появилось любопытное эссе, посвященное А.Н.Радищеву и его творчеству. Автор этой работы Н.Ашешов прав, отмечая: «Книга, арестованная в 1790 г., не появлялась до 1905 г. В царствование Николая I цензура запрещала ее упоминать. В царствование Александра II издание «Путешествия...» было сожжено цензурой. То же самое

случилось в 1903 г. Таким образом, Радищев до сих пор был страшен самодержавию. Он испугал его на целое столетие¹⁶.

Хотя «Путешествие...» было издано анонимно, уже 30 июня 1790 г. А.Н.Радищев был арестован. Было бы вполне в духе времени, если бы граф Воронцов, узнав о причине ареста Радищева, попытался отмежеваться от «государственного преступника». В действительности Александр Романович открыто решил использовать свое влияние, связи и средства, чтобы хоть как-то облегчить участь узника и его семьи.

Известно, что суд приговорил писателя к смертной казни, но Екатерина II, вспомнив, что «с Вольтером лучший друг была», отменила такое решение и отправила Александра Николаевича на десять лет в сибирскую ссылку.

Что же предпринимает А.Р.Воронцов? Конечно, повлиять на суд и, следовательно, на решение Екатерины II граф, при всем желании, не мог. Но вот что вспоминал старший сын А.Н.Радищева: «Прежний начальник и покровитель его гр. Воронцов не оставил его и в заточении, писал к нему, доставлял ему книги и многие нужные в сих пустынных странах для жизни вещи»¹⁷.

Увы, Николай Александрович весьма скуп в описании помощи, оказанной его отцу графом Воронцовым. Более подробно сообщает о деятельности Александра Романовича в период лихолетья Радищева младший сын писателя, Павел Александрович.

«Граф Воронцов написал ко всем губернаторам тех мест, где должен был проехать сосланный, чтобы с ним обходились снисходительнее... Граф объявил семейству Радищева, что берет на себя все его содержание как в дороге, так и в месте его заточения и разослал деньги во все города, где ему должно было остановиться»¹⁸. И далее: «Граф (А.Р.Воронцов – И.Ш.) во время ссылки Радищева присылал ему ежегодно пенсию, сначала 500, потом 800, и, наконец, 1000 руб.»¹⁹.

Американский исследователь Аллен Макконнел в монографии, посвященной жизни и творчеству А.Н.Радищева, сообщает, будто Екатерина II «позволила графу Воронцову послать

деньги губернатору Твери для того, чтобы снарядить Радищева всем необходимым для поездки»²⁰. Автор пишет, что губернатор получил для этой цели 200 рублей и приводит внушительный список вещей, которые следовало купить ссыльному²¹.

Советский историк литературы Г.П. Макогоненко дополняет наши сведения о гуманной деятельности А.Р.Воронцова. Он подчеркивает, что граф Александр Романович добился от Екатерины II приказа снять кандалы с Радищева²². Правда, в работе вышеупомянутого автора имеется некоторая неточность. Г.П. Макогоненко пишет: «А.Воронцов не раз призывал Радищева к раскаянию. Осторожно и деликатно, чтобы не обидеть своего сиятельного друга, Радищев отказывался писать письмо Екатерине»²³.

Конечно, можно и не заострять внимание на этих второстепенных фактах их жизни писателя-демократа. Но справедливости ради надо заметить, что граф Воронцов действительно желал, чтобы Александр Николаевич каким-то образом «помирился» с властью.

И вот передо мной целый ряд документов, в основном письма, из которых следует, что Радищев все же последовал советам своего покровителя. Так, в «Архиве князя Воронцова», в пятой книге, опубликованной в 1872 г., помещена «Повинная», предоставляющая из себя письмо А.Н.Радищева императрице, написанное 6 июля 1790 г., т.е. почти через месяц после ареста²⁴.

Нет нужды пересказывать содержание этого документа. Замечу только, что ни в коем случае не следует сомневаться в мужестве и благородстве Александра Николаевича Радищева, в его преданности идеям, ради которых он так страдал.

Завершая рассказ о дружбе между А.Р.Воронцовым и А.Н.Радищевым, хочу еще отметить, что и после отбытия ссылки граф не переставал заботиться о своем подопечном. Так, при содействии А.Р.Воронцова, Радищев не только смог вернуться в столицу, но граф просил императора Александра I (1777-1825) разрешить писателю редактировать проект

«Жалованной грамоты русскому народу». И это несмотря на то, что А.Воронцов знал: Радищев не изменил своим демократическим убеждениям.

Любопытна деятельность А.Р.Воронцова при императоре Александре I. Начну с того, что после смерти Екатерины II граф Александр Романович, фактически находившийся в опале, вынужден был проживать в одном из своих имений. В этом же было ничего удивительного, поскольку графу Воронцову претили порядки, установленные Павлом I (1754-1801). Этот император недолго любил Воронцовых и особенно подозрительно относился к Александру и Семену Романовичам, считая их ярыми приверженцами своей матери, бывшей государыни.

Александр I, перешагнув через труп своего отца, поспешил облачиться в тогу либерала, и многие ему поверили. Император по совету своих «молодых друзей» вызвал А.Р.Воронцова из деревни и назначил его в Сенат. Как свидетельствуют источники, Александр I все же находил, что Воронцов придерживается «старых предрассудков»²⁵.

Лицемерию императора не было границ. Идеи, с которыми А.Р.Воронцов пришел во дворец Александра I, были более прогрессивными для того времени, чем мнения значительной части придворных и самого царя. Понадобилось даже «убеждать» государя в том, что Воронцов «хотя и стар, но идеи его молоды»²⁶.

Интересно отметить, что своеобразной рекомендацией престарелому графу послужила его дружба с А.Н.Радищевым. Вспомнив об этом, кто мог усомниться в либеральных воззрениях Александра Романовича?

В самом деле, А.Р.Воронцов, назначенный в 1802 г. на пост канцлера, предложил императору ряд важных законоположений, в частности, в том же году он составил проект реформы Сената, который несколько ограничивал самодержавие. Кроме того, граф настойчиво рекомендовал улучшить положение крестьян. Свое мнение по этому вопросу

Александр Романович изложил в «Рассуждении о непродаже людей без земли».

В этом документе обращает на себя внимание раздел «о продаже людей в рекруты». Воронцов подробно описывает, как осуществлялось столь позорное явление. И что любопытно: способ, о котором говорится в «Рассуждении» Александра Романовича, мы находим в «Путешествии из Петербурга в Москву». Таким образом, продажа крепостных крестьян в рекруты изобличалась А.Н.Радищевым еще задолго до появления проекта Воронцова. Более того, есть все основания предполагать, что граф составил документ, находясь под влиянием идей своего уже в то время умершего друга.

Правда, имеется версия, согласно которой «Рассуждение», представленное Воронцовым, имеет «весьма значительное сходство» с одним из проектов указа, заготовленных в 1801 г. Причем к этому проекту причастны и Сперанский, и Радищев²⁷. Вероятнее всего, предварительный текст законов по крестьянскому вопросу был составлен лично Радищевым, поскольку Александр Николаевич считался знатоком этой проблемы.

А.Р.Воронцов в последние годы жизни принимал активное участие в выработке реформ, осуществить которые так часто обещал Александр I в начальный период своего царствования.

Александр Романович сохранял верность своим взглядам, занимая высокие государственные должности. Хотя его аристократический либерализм и демократизм Радищева по отдельным вопросам совпадали, все же имела место существенная разница в их политических убеждениях. В то же время дружба между этими людьми, в определенной степени, оказала влияние на характер материалов, которые собирал А.Р.Воронцов для своей библиотеки. Спустя многие годы, издания, приобретенные этим Воронцовым, станут гордостью уникального книжного собрания.

Очень своеобразно сложилась жизнь Семена Романовича Воронцова (1744-1832), пожалуй, одного из главных собирателей библиотеки. Он был один из самых талантливых

дипломатов России, в течение двадцати лет бесменно представлявший интересы своей страны в Англии (с 1784 по 1806 гг.).

Семен Романович являлся активным сторонником союза России с Англией на основе совместного противоборства наполеоновской Франции. Будучи человеком разносторонней образованности и реалистических политических взглядов, он не одобрял консервативной политики царского двора, как и его брат, выступал за создание более благоприятных условий для развития русской промышленности, боролся за укрепление внешнеполитических позиций России.

В то же время С.Р.Воронцов считал, что сближение между Англией и Россией должно быть равноправным и выгодным Отечеству. Бытует мнение, будто Семен Романович был англоманом. Действительно, такое суждение могло возникнуть потому, что С.Р.Воронцов после завершения своих дипломатических обязанностей остался в Англии уже в качестве частного лица, превратившись, если позволительно так выразиться, в самого высокопоставленного русского «невозвращенца» того времени.

Однако дело заключалось не в бездумном англоманстве этого, по-своему замечательного государственного деятеля, а в умении С.Р.Воронцова видеть дальше окружающих царя чиновников и вельмож. Он, кстати говоря, столь же решительно осуждал реакционные крайности и европейских царствующих домов, включая Англию.

Семен Романович хорошо понимал эгоистический характер английской внешней политики и не раз разоблачал антирусскую направленность ряда ее дипломатических актов. Наконец, нельзя не отметить, что С.Р.Воронцов необычайно внимательно следил за развитием политических событий, за научными и культурными явлениями во всех странах Европы.

Но вернемся к тому времени, когда русский посол в Англии принимает решение навсегда остаться в Лондоне. Мной ранее отмечалось, что, несмотря на своеобразные отношения между семьей Воронцовых и Екатериной II, все ее представители

получили достойные их знаний и способностей должности. Императрица, по-видимому, полностью доверяла своему представителю при английском короле.

С.Р.Воронцов особо отличился в период французской революции конца XVIII в. Будучи ее ярким противником, Семен Романович умело способствовал складыванию антифранцузской коалиции европейских монархов. Более того, зная, каково настроение при Екатерининском дворе, русский посол всеми силами стремился поддержать контрреволюционную эмиграцию, окопавшуюся и в столице Великобритании.

Из многочисленных документов, которые впоследствии вошли в семейный «Архив», явствует, что граф С.Р.Воронцов не одобрял действий французского короля Людовика XVI, которые, по мнению посла, способствовали «бунту».

Надо полагать, что для Семена Романовича идеалом политической системы была конституционная монархия, подобная английской. Он, как и его брат, Александр Романович, осуждал крепостное право, деспотизм самодержавия.

С.Р.Воронцов был среди немногих высокопоставленных государственных деятелей России, которые понимали лицемерный характер внутренней политики Екатерины II. С одной стороны, в обеих столицах, Санкт-Петербурге и Москве, велись разговоры о свободе всех подданных, а с другой – императрица «с легкой руки» раздавала своим фаворитам огромные поместья и тысячи крепостных.

Но самые трудные дни для С.Р.Воронцова наступили после смерти Екатерины II. Новый император, как уже отмечалось, ненавидел все, что так или иначе было связано с деятельностью его матери и ее ближайшего окружения. Практически все подданные необъятной империи в разной степени почувствовали перемены. Политический строй России был таков, что желание одного человека, даже страдающего определенными психическими отклонениями, становилось законом для миллионов.

Внешняя политика Павла I была во многом непредсказуема и лишена логики. Естественно, что от внешнеполитических виражей самодержца более всего страдали дипломаты, аккредитованные в иностранных столицах. Если еще вчера они рассматривали свою миссию в дружеском государстве, то уже через несколько дней их работа могла оказаться совершенно напрасной. По прихоти одной личности нарушались союзнические договоры, заключались новые соглашения и чаще всего – не в интересах России. Можно себе представить настроение С.Р.Воронцова, который многие годы службы способствовал укреплению англо-русских политических и экономических отношений.

Между тем, Павел I в начале своего правления поспешил вступить с Францией в переговоры. Несмотря на то, что между Россией и Францией существовали серьезные противоречия, было заключено соглашение, согласно которому Павел I не только отозвал русские войска, дислоцированные в Европе, но и порвал с Англией, наложил секвестр на английские товары и корабли, находившиеся в русских портах.

Желая угодить своему французскому союзнику и серьезно осложнить положение Англии, русский император всерьез подумывал о походе в Индию. Англия и Россия оказались в состоянии войны.

Конфликт между императором Павлом I и его послом в Лондоне был неизбежен. Семен Романович, как, впрочем, все Воронцовы, был человеком гордым и независимым, дорожил своим мнением, как дипломат, и высоко ценил честь. Разумеется, согласиться с новой внешней политикой страны он не мог, поэтому уже в 1800 г. Павел I фактически отказался признавать графа Воронцова своим полномочным представителем в британской столице. А если вспомнить, что и Александр Романович находился в это время не у дел, то действия императора покажутся вполне закономерными.

Павел I, будучи мстительным и жестоким, не ограничился изгнанием братьев Воронцовых с государственной службы. Он, как видно, решил подорвать экономическое положение

известных русских аристократов. Семен Романович вызывал особый гнев у государя, а его, тем не менее, нельзя было арестовать, так как находился в Англии.

В 1800 г. было объявлено о намерении конфисковать все имущество Семена Романовича Воронцова якобы за «его долговременное пребывание в Англии»²⁸. Стоит ли особо говорить о том, что финансовые проблемы русского посла осложнились сразу же после восшествия на престол Павла I, так как С.Р.Воронцову перестали платить жалование. Достаточно в этой связи отметить, что заслуженному дипломату не оставалось ничего иного, как поручить продать серебряную посуду, перстень и табакерку, подаренную ему английским королем. В то же время гордость и элементарная порядочность не позволили Семену Романовичу принять от брата 40 тысяч рублей, так как он знал, что Александр Романович сам находится в опале и не располагает значительными средствами²⁹.

С.Р.Воронцов, как известно, почти всю жизнь прожил за пределами России, главным образом в Англии. Однако этот русский государственный деятель был связан многочисленными узами с Родиной, которой он верно служил. В этой связи следует отметить его заботу о собирании документов, имеющих важное историческое значение.

Например, когда Николай Петрович Румянцев (1754-1826), видный государственный деятель и дипломат, с разрешения английского правительства снимал копии с дипломатической переписки Англии с Московским государством, один экземпляр был сделан для С.Р.Воронцова. Можно предположить, что русскому послу понадобились копии для работы, однако более вероятно, что Семен Романович стремился пополнить редкими документами фамильную коллекцию рукописей и книг. Как бы то ни было, но английские рукописные документы «Архива» были собраны именно С.Р.Воронцовым.

Последние годы своей жизни бывший русский посол «при великобританском дворе» почти не показывался в «свете».

Престарелый граф много читал, приобретал наиболее интересные книги и периодические издания, пополняя свою библиотеку.

Воронцовы дали России не только государственных мужей. Этот дворянский род прославился также незаурядной женщиной, Екатериной Романовной Дашковой (1743-1810), которая, как и все члены семьи, участвовала в сборе документов и книг, создавая редкие по своему богатству архив и библиотеку.

Екатерина Романовна воспитывалась в доме своего дяди, Михаила Илларионовича Воронцова, который дал своей племяннице «превосходное» по понятиям того времени для девочки воспитание. Юная графиня обучалась новым языкам, танцам и рисованию, причем французским она овладела в совершенстве, чего нельзя было сказать о русском языке.

По всей вероятности, Екатерина Романовна осталась бы весьма обыденной барышней, близкие которой пеклись лишь об устройстве ее личной жизни, если бы не страсть к чтению. Она любила книги с детства, причем читала таких французских авторов, как Буало, Вольтер, Монтескье, Руссо³⁰. Только благодаря постоянному чтению, великолепной памяти, Екатерина Романовна сделалась одной из образованнейших женщин своего времени. Кроме того, на ее судьбу большое воздействие оказало неординарное окружение. Так, еще в детстве она рылась в дипломатических бумагах своего дяди-канцлера. По воспоминаниям самой Дашковой, это обстоятельство возбудило в ней особый интерес к политике, что явилось далеко не типичным занятием для молодой женщины тех времен.

Пожалуй, результатом ее страсти к политическим интригам явилось близкое знакомство с Екатериной Алексеевной, женой Петра III (1728-1762). Княгиня Дашкова откровенно презирала этого императора, несмотря на то, что ее сестра, Елизавета, была его фавориткой, и ее братья делали первые шаги к блестящей служебной карьере.

В дальнейшем Е.Р.Дашкова принимала деятельное участие в дворцовом перевороте 28 июня 1762 г., приведшем на престол Екатерину II. Услуги Екатерины Романовны не были забыты. Дашкова назначается президентом Петербургской Академии Наук. На этом важном посту проявились ее незаурядные способности. Дашкова старалась поддержать академическую науку. Издание научных трудов, чтение лекций. Президент АН посетила многие страны Европы, стремясь установить контакты с видными учеными и писателями. Она приглашала знаменитых французских философов-энциклопедистов посетить Петербург. Екатерина II по просьбе своего президента Академии Наук выделила немало средств для покупки книг в странах Западной Европы и особенно во Франции.

Нельзя не отметить, что и сама Дашкова была талантливым человеком. Екатерина Романовна проявила себя и как писатель, и как сочинитель музыки. Она прекрасно разбиралась в живописи и архитектуре, хорошо рисовала.

Е.Р.Дашкова оказала немалую услугу исторической науке еще и тем, что оставила любопытные «Записки», которые можно использовать как источник для изучения истории России второй половины XVIII-начала XIX в. Особенно интересны те страницы ее мемуаров, которые характеризуют екатерининский период, в частности, жизнь и быт самой императрицы и ее ближайшего окружения.

Вполне понятно, что особое место в «Записках» Екатерина Романовна отводит своей деятельности, описанию узкого круга людей, среди которых видные политики, писатели, ученые.

Мной уже упоминалось о том, что А.Р.Воронцов способствовал тому, чтобы А.Н.Радищев стал вхож в избранный кружок его сестры. В своих воспоминаниях Дашкова пишет и об Александре Николаевиче. Из «Записок» видно, что между Радищевым и Екатериной Романовной не сложилось настоящего дружеских отношений. Казалось бы, умная и образованная Дашкова должна была оценить А.Н.Радищева как писателя и мыслителя. Однако радикализм Александра

Николаевича был чужд президенту Петербургской Академии Наук.

Как-то Е.Р.Дашкова решила, что Радищев одной своей публикацией нанес ей оскорбление. Вот как об этом она сама сообщает в «Записках»: «Однажды в русской академии явился памфлет, где я была выставлена, как доказательство, что у нас есть писатели, но они плохо знают свой родной язык: этот памфлет был написан Радищевым.

В нем заключалась биография и панегирик Ушакову, товарищу автора по лейпцигскому университету. В тот же вечер я сказала об этом сочинении своему брату, который немедленно послал в книжную лавку за памфлетом. По моему мнению, Радищев обнаружил в своей брошюре притязания на авторство, но в ней не было ни слога, ни идеи за исключением кой-каких намеков, которые в эту пору могли показаться опасными.

Спустя несколько дней мой брат заметил мне, что я слишком строго осудила Радищева: прочитав его, он находит, что автор слишком превознес своего героя, ничего замечательного не сделавшего и не сказавшего за всю свою жизнь, за всем тем нельзя обвинять книгу ни в чем дурном»³¹.

Чтобы читателю было яснее, о чем идет речь, считаю необходимым сообщить следующее. В 1789 г. в Петербурге, в Императорской типографии, анонимно была опубликована книга под названием «Житие Федора Васильевича Ушакова с приобщением некоторых его сочинений». Автором этой работы был А.Н.Радищев, посвятивший ее своему товарищу А.М.Кутузову, с которым он к тому времени идейно совершенно разошелся.

Е.Р.Дашкова, по всей вероятности, не поняла этого по-своему интересного и своеобразного произведения. В действительности «Житие...Ушакова» – работа большого философского смысла, оказавшая влияние на русскую литературу начала XIX в. Автор этого произведения выступил против философского учения Жан-Жака Руссо и его педагогической системы. Кроме того, А.Н.Радищев изложил собственные методологические основы эстетики героического.

Он считал: чем человек ближе к жизни, тем у него более объективный взгляд на происходящее и прежде всего на ужасы крепостнического и самодержавного правления.

Между тем Екатерина Романова усмотрела в этой книжке лишь намек на свой недостаток. К слову: свои «Записки» Дашкова писала по-французски; на русском языке они были изданы А.И.Герценым в 1859 г.

Хотя самолюбие президента Академии Наук было уязвлено, тем не менее она сочувствовала горькой участи автора «Житие...Ушакова». Е.Р.Дашкова писала: «...я искренне сожалела о судьбе Радищева, особенно потому, что брат принимал живое участие в положении этого молодого человека, и, следовательно, был глубоко огорчен неосторожностью и гибелью его»³².

Екатерину Романовну очень беспокоило, не отразится ли на карьере Воронцовых покровительство ее брата Радищеву. Она знала, что при дворе есть люди, которые будут рады использовать любой повод для ослабления влияния ее семьи.

Вместе с тем отношения Дашковой с Екатериной II также были неровными. Но все это уже из области обычных дворцовых интриг и сплетен. Важно другое: Екатерина Романовна Дашкова внесла определенный вклад в культуру своей страны, также способствовала пополнению семейного архива и библиотеки ценными рукописями и печатными изданиями.

Теперь мне хотелось бы более подробно рассказать о сыне Семена Романовича Воронцова – Михаиле Семеновиче (1782-1856). На это имеются определенные основания. Никто из Воронцовых не достигал такого почета, должностей, титула и богатства, как светлейший князь Михаил Семенович. А ведь интересно знать, как проявил себя в качестве администратора этот «любимец двух императоров»? И последнее: М.С.Воронцов, имея большие возможности, способствовал обогащению библиотеки рядом редчайших публикаций и периодических изданий.

Писать о Михаиле Семеновиче несложно, поскольку большинство работ, в которых упоминаются Воронцовы,

касаются в основном его деятельности. Вместе с тем к такого рода сочинениям следует относиться с определенной осторожностью, так как их авторы «души не чаяли» в своем герое и допускали, иной раз, необоснованные восторги.

Михаил Семенович родился 19 мая 1782 г. в Лондоне, где его отец, С.Р.Воронцов, с честью представлял интересы Российской империи. Однако через год после рождения сына в семье дипломата случилось несчастье – умерла жена, оставив двух маленьких детей. Главный биограф «светлейшего» М.П.Щербинин сообщает, что С.Р.Воронцов при рождении сына сказал: «Рождение твое всех порадовало; веди жизнь такую, чтобы все сокрушались о твоей смерти»³³.

Надо признать: Семен Романович постарался дать сыну изысканное воспитание и образование, какое обычно предоставляют своим отпрыскам богатые английские лорды. В то же время он привил Михаилу любовь к Отечеству, верность долгу. Не забывал С.Р.Воронцов и о существовании русских дворянских обычаев. Так, в четырехлетнем возрасте Михаил Семенович был записан в лейб-гвардии Преображенский полк бомбардиром-капралом, так что с годами у «гвардейца» росли чины и звания³⁴.

Правда, в отличие от некоторых дворянских сынков, не нюхавших пороха, тем не менее щеголявших в офицерском мундире, М.С.Воронцов в течение многих лет принимал активное участие в войнах, которые вела Россия с наполеоновской Францией. Он, в частности, командовал подразделением, бравшим Париж. И вообще, далеко не каждому члену родовитого семейства удавалось сделать такую карьеру: светлейший князь, генерал-фельдмаршал, наместник Кавказский, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор. Кроме того, Михаил Семенович был награжден всеми высшими российскими орденами, а также иностранными: французским – Св. Людовика, английским – Бани, ганноверским – Гвельфов, шведским – Серафима и Меча, прусским – Черного и Красного Орла, сардинским – Маврикия, турецким – Нишан-Ифтигара и персидским – Льва и Солнца³⁵.

Большинство наград, по всей вероятности, Михаил Семенович получил за определенные заслуги, как на ратном поле, так и на административном поприще. Хотя в те времена не редко случалось, что ордена сыпались на «сиятельные» груди, как из рога изобилия: достаточно было стать фаворитом очередного монарха.

Автор этих строк уже отмечал, что Воронцовы отличались самостоятельностью суждений, независимым характером. Михаил Семенович, надо признать, унаследовал не только поместья и дворцы, но и твердый «воронцовский» характер. Между прочим, этот Воронцов был не только самым титулованным, но и самым богатым из всей фамилии. Последнему обстоятельству способствовало то, что Михаил Семенович женился на Елизавете Ксаверьевне Браницкой, мать которой была любимой племянницей князя Потемкина-Таврического, самого известного и самого почитаемого любовника Екатерины II. Таким образом, часть его богатства перешла к Воронцовым.

Коль речь зашла о том, что М.С.Воронцов был не только значительным военным чином, но и крупным администратором, а также, учитывая тему данного исследования, самое время рассказать об одесском периоде его жизни и деятельности.

У Александра I южная Украина особого беспокойства не вызывала. Некоторые районы, входившие в состав Новороссийского края, были еще слабо заселены³⁶. Что же касается Одессы, ее главного города, то она успешно развивалась, а проживавшие там иностранцы были в основном негоцианты и ремесленники. Правда, власти догадывались, что в городе нашли убежище всякого рода мартинисты, карбонарии, гетеристы..., но русскому самодержавию они, как будто, не угрожали, и их терпели³⁷.

В то же время в Петербурге осознавали важное стратегическое положение этого региона империи, учитывали также его значительный торгово-промышленный потенциал. Может быть, поэтому император так тщательно подбирал кандидата на

ответственный пост наместника Новороссийского края. На эту должность претендентов хватало, однако Александр I остановил свой выбор на М.С.Воронцове.

Правда, не последнюю роль в столь почетном назначении сыграла известная фамилия, но также учитывалось, что Михаил Семенович обладает большим военным опытом, будучи ветераном сражений с Францией и Турцией. Да и характер графа вполне соответствовал такой должности. При необходимости, М.С.Воронцов мог сам решать многие важные вопросы, не опасаясь «ответственности».

Не совсем понятна одна любопытная деталь из биографии М.С.Воронцова. Царю было известно, что еще в 1820 г. Михаил Семенович вместе с Н.И.Тургеневым (1789-1871), одним из организаторов «Союза благоденствия»³⁸, пытался основать дворянское общество для освобождения крестьян.

Не секрет, что в первые годы своего правления Александр I и сам нередко «грешил» разговорами о необходимости предоставить свободу крепостным. Вызывает удивление другое: М.С.Воронцов одно время разделял весьма радикальные взгляды Н.И.Тургенева и все же пользовался полным доверием государя. Это, на первый взгляд, парадоксальное явление попробую объяснить следующим образом.

В России в первой четверти XIX в. в общественной и политической жизни наблюдалась своеобразная ситуация. Многие офицеры, участвовавшие в «иностранным» походе русской армии 1813-1818 гг., по возвращении на родину стали особенно негативно относиться к крепостному праву и отчасти к самодержавному деспотизму. М.С.Воронцов, блестящий офицер, герой войны с Наполеоном, учитывая семейные традиции и, что также важно, европейское воспитание, тем более должен был противиться угнетению.

Между тем Александр I, вернувшись из заграничного похода, поспешил сбросить маску либерала. «Новая» Европа под эгидой «Священного союза», созданного при содействии

русского императора, требовала перехода от привычных словословий к решительной политике легитимизма.

А ведь, пребывая в Западной Европе, Александр I вселял надежду доверчивым европейцам – сторонникам уничтожения рабства, что будет решительно противиться любой форме угнетения. Известный английский аболиционист Томас Кларсон (1760-1846), с трудом добившись аудиенции у русского императора, вроде убедил венценосного «спасителя Европы» в необходимости поддержать дела противников рабовладения. Но мог ли знать английский защитник поработанных африканцев, что Александр I, пребывая в европейских столицах, все еще продолжает играть роль «просвещенного монарха»? В то время, когда русский император расточал улыбки и давал пустые обещания, его генералы и дипломаты мечом и закулисными интригами насаждали в Европе старые порядки...

По всей вероятности, царь осознавал неизбежность брожения умов русской общественности и особенно среди части просвещенного офицерства после победоносной войны с Наполеоном. Однако встать на путь репрессий против тех, кто героически защищал свою родину и освободил Европу от «корсиканского чудовища», Александр I не решался.

Не исключено, что русское правительство в то время недооценивало опасности, которую могли представлять тайные общества. Вполне возможно, что Александр I считал эти организации подобием масонских лож, где много говорят, мало что делают, зато все окутано таинственностью. Кто знает, быть может, известное «повеление» М.С.Воронцова рассматривалось официальным Петербургом как дань моде или желание приобрести репутацию свободомыслящего и просвещенного царского сатрапа? Как бы то ни было, но Александр I вряд ли имел основание опасаться политических взглядов М.Воронцова, доказавшего преданность трону и Отечеству.

Весть о том, что М.С.Воронцов будет управлять Новороссийским краем, быстро разнеслась по необъятной

России. Новый администратор слыл человеком либеральным, и его назначение вызвало удовлетворение значительной части Одессы.

По словам автора известных мемуаров Ф.Ф.Вигеля (1786-1856), в Петербурге «захотели, наконец, чтобы Новая Россия обрусела, в 1823 г. прислали управлять ею русского барина и русского воина»³⁹.

А известный русский государственный деятель этого времени Ф.В.Ростопчин (1763-1826), в связи с назначением М.С.Воронцова, писал 1 июля 1823 г.: «Я поздравляю все население, которое будет ему подвластно, но у него будет много работы: одно только искоренение воровства можно сравнить с подвигами Геркулеса»⁴⁰.

С 1815 по 1822 гг. новороссийским генерал-губернатором был граф А.Ф.Ланжерон (1763-1831). Этот французский аристократ, в свое время бежавший из революционного Парижа, не проявлял должного административного усердия. Правда, он поощрял иностранцев поселяться в Одессе и других районах края. Однако правительство считало, что таких мероприятий явно недостаточно для процветания Новороссии.

М.С.Воронцов, к сожалению, не стал подобно мифическому герою «очищать Авгиевы конюшни». Порочные явления, которыми так была богата Одесса, процветали и при новой администрации. Может быть, наместник края осознал, что в России воровство неистребимо?

И все же Новороссийский край в его правление, продолжавшееся более двадцати лет, с 1823 по 1844 гг., достиг немалого успеха в развитии экономики и культуры.

Вот что писали о деяниях М.С.Воронцова старожилы Одессы: «Граф, а потом князь М.С.Воронцов, аристократ в полном смысле, состоявший в родстве с высшей аристократией в России и в Англии, владея громадным состоянием, живя открыто, на широкую ногу, привлекал в Одессу аристократов и богатых людей из всей России. Княгиня Воронцова, урожденная графиня Браницкая, со своей стороны, тоже привлекала в Одессу польских магнатов...»⁴¹.

Автор был прав, отмечая как благодеяние наплыв в маленький провинциальный город, расположенный в полупустынной местности и удаленный от центра на тысячи верст состоятельных людей. Одесса украшалась красивыми зданиями, открывались роскошные магазины, ведь деньги богачей не всегда проигрывались в карты и тратились на женщин.

Рассуждение другого жителя тогдашней Одессы дополняет сказанное: «Достойный преемник дюка де Ришелье, князь Воронцов, покровитель иностранцев, привлек в Одессу много богатых иностранных торговых домов и сделал из Одессы главный торговый пункт юга России»⁴².

И, наконец, свидетельства путешественника Н.С.Всеволожского, побывавшего в Одессе в 30-х гг. XIX в. Он, в частности, заметил: «В правление его (М.С.Воронцова – И.Ш.) город насчитывал уже около 50 тысяч жителей, и неизмеримо до какой красоты достигла при нем Одесса, каким, час от часу, возрастающим благоденствием пользуется она при нем»⁴³.

Генерал-губернатора Новороссийского края превозносили не только в прозе. М.С.Воронцову посвящали стихи, прославлявшие его деяния. В качестве примера можно привести следующий отрывок из «Поэтических очерков» некоего Бороздны:

«Монаршей воли исполнитель,
Наук, художеств покровитель,
Поборник правды, друг добра,
Сановник мудрый, храбрый воин,
Олив и лавров он достоин!»⁴⁴.

Что же конкретно было сделано М.С.Воронцовым на столь важном посту? Ответить на этот вопрос можно лишь рассказав об Одессе того периода, и такая попытка будет сделана в следующей главе.

А пока в продолжение очерка о М.С.Воронцове стоит отметить, что «хозяин» Новороссии был в то же время человеком далеко не с ангельским характером. Но среди

подавляющего большинства чиновников особенно в николаевскую эпоху Михаил Семенович выгодно отличался своей образованностью, честностью, энергичностью, широтой взглядов. Вместе с тем ему были присущи: тщеславие, властолюбие, злопамятство. В этой связи приходят на память строки из эпиграммы А.С.Пушкина, посвященной графу Воронцову:

«Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец»⁴⁵.

Чтобы судить о том, насколько гневные стихи великого поэта справедливы, следует коснуться истории его взаимоотношений с Воронцовым. Тем более мой рассказ о Михаиле Семеновиче будет неполным без хотя бы краткого упоминания об этом эпизоде из его биографии.

Должен признать: писать об этой истории крайне сложно. Старая литература и, в частности мемуары, старались не вникать в суть конфликта между всесильным сановником и ссыльным поэтом. Да и автор этих строк ни в коем случае не претендует на всестороннее исследование характера их взаимоотношений.

В то же время не могу не отметить: в советской литературе, если речь шла об этих событиях, освещались они, как правило, крайне тенденциозно. Прежде всего принималось во внимание следующее: А.С.Пушкин – национальная гордость России, гениальный поэт, а М.С.Воронцов всего лишь известный вельможа. Все это так, если смотреть на эту историю лишь с «классовых позиций». Но вернемся в далекие 20-е годы позапрошлого столетия.

Жарким июльским днем 1823 г. А.С.Пушкин прибыл в Одессу, все еще продолжая оставаться на положении ссыльного. Поэту едва исполнилось 24 года, и к тому времени он снискал широкую известность своим творчеством, а также строптивым характером.

Официальный Петербург с беспокойством и подозрительностью следил за творением молодого воспитанника привилегированного Лицея. Время, которое Пушкин определил как «дней Александровых прекрасное начало», давно прошло. Как юношеские забавы поэта можно воспринимать строки, посвященные Александру I:

«Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!»...

Все это писалось под впечатлением либеральных речей императора, победы русского оружия в наполеоновских войнах... Да и сам автор стихов был слишком молод. Прозрение наступило очень быстро. Уже в 1817 г. появляется ода «Вольность», через год – «Сказки», где высмеиваются пустые обещания монарха: «... как царь-отец рассказывает сказки»; «К Чаадаеву»⁴⁶, где поэт надеется: «Россия вспрянет ото сна, И на обломках самовластья...».

В стихотворении «Деревня», написанным в 1819 г., А.С.Пушкин все еще надеется на «милость» Александра I. В этом произведении, также вызвавшем негодование властей, поэт резко бичует пороки российской действительности и воспекает идеалы свободы:

«Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя...».

Далее в списке «возмутительных» с точки зрения правительства шел эпитафия на всесильного временщика, который был «всей России притеснитель... Без ума, без чувств, без чести...». Надо ли объяснять, каково было настроение у А.А.Аракчеева (1769-1834), фактически с 1815 по 1825 гг. руководившего государством, когда молодой человек посмел сделать его посмешищем для всей России.

И, наконец, иронические стихи, направленные непосредственно против Александра I, под названием «Ты и я». Кроме того, правительству стало известно, что А.С.Пушкин был принят в члены литературно-политического общества «Зеленая лампа», которым руководил «Союз благоденствия».

Итак, к весне 1820 г. было ясно, что поэту не избежать наказания. Он был вызван к генерал-губернатору Петербурга,

графу М.А.Милорадовичу (1771-1825) – некогда кумиру молодежи, герою Отечественной войны 1812 г. – для объяснения. Однако Пушкин и не помышлял раскаиваться, как, вероятно, на то рассчитывали. Александру Сергеевичу грозит ссылка в Сибирь.

Но вот что важно отметить: в это время в России жили и творили замечательные деятели литературы, музыки, живописи, которых во многом объединяли либеральные идеи. Они сумели по достоинству оценить А.С. Пушкина, понимая, что его поэтические шедевры еще впереди. Старшие друзья поэта и, прежде всего, влиятельный при дворе писатель и историк Н.М.Карамзин добились «перевода» А.С.Пушкина по службе в южные окраины России. Так он оказался в Бессарабии, и которой писал:

«Она Державиным воспета,
И славой русскою полна...».

Когда стало известно, что М.С.Воронцов будет генерал-губернатором Новороссии, друг Пушкина, «язвительный поэт, остряк замысловатый», князь П.А.Вяземский (1792-1878) выхлопотал Александру Сергеевичу перевод из Кишинева в Одессу под начало просвещенного администратора.

Вот таким образом А.С.Пушкин поменял место своей ссылки. Правда, поэт охотно переехал в Одессу, в город, где общественная и культурная жизнь была не менее бурной, чем в столице. Вполне допустимо, что Пушкин еще в 1821 и 1822 гг. «инкогнито» побывал в Одессе и даже «поддался обаянию ее своеобразия»⁴⁷.

Во всяком случае, М.С.Воронцов вначале был рад приезду поэта в главный город «своего края», надеясь, что Александр Сергеевич возвеличит в своем творчестве его имя и деяния. Пушкина охотно приглашают во дворец генерал-губернатора, где поэт милостиво принимает графиня Елизавета Ксавьеревна Воронцова. Жена Михаила Семеновича, надо полагать, искренне восхищалась поэзией ссыльного чиновника. Да и сам Воронцов был высокого мнения о стихах своего подчиненного.

Справедливости ради надо отметить: к своим чиновничьим обязанностям Александр Сергеевич относился как к досадной неприятности, отдавшись всей своей пылкой натурой поэзии и светским увлечениям.

Одесское общество недаром гордилось, помимо всего прочего, обилием красивых женщин, многие из которых отвечали взаимностью на внимание Александра Сергеевича. В то же время начинали осложняться отношения между генерал-губернатором и поэтом-чиновником, поскольку М.С.Воронцов, рьяно взявшийся за преобразование управляемого края, требовал от своих служащих дисциплины и трудолюбия.

Мелочные, как считал поэт, придирки со стороны начальства отравляли его пребывание в Одессе.

Я не берусь утверждать со всей определенностью, что откровенный флирт Александра Сергеевича с Воронцовой, быстро ставший известным всему одесскому обществу, был своеобразной мезью поэта. Вместе с тем такому человеку, как Пушкин, было нелегко устоять перед красотой и обходительностью Елизаветы Ксавьеревны, которой льстило ухаживание замечательного поэта. А тут, к несчастью, пылкой страстью к графине Воронцовой воспылал юный А.Н.Раевский, друг Пушкина и сын прославленного генерала, героя Отечественной войны 1812 г., Николая Николаевича Раевского (1771-1829). Соперник поэта повел себя в этой истории не лучшим образом, стремясь интригами и сплетнями усложнить Александру Сергеевичу и без того нелегкое положение.

Каково было М.С.Воронцову? Конечно, он мог пренебречь пересудами местного высшего света, тем более «любовные игры» были в обычаях его круга. Михаил Семенович и сам увлекался, и среди его «жертв» была жена М.П.Щербинина, его подчиненного и в то же время дальнего родственника. Эта женщина считалась «красавицей из красавиц», и граф не находил в своем поведении ничего особенного. Его положение, как было принято, многое ему позволяло. В то же время считаться с чувствами подчиненного ему мелкого чиновника, хотя и талантливого поэта, «сиятельный» администратор,

конечно, не желал. Но это была не единственная причина ненавидеть Пушкина. Александр Сергеевич не оправдал надежд графа Воронцова, желавшего видеть в Пушкине своего придворного поэта.

В отечественной литературе, если упоминались неприязненные отношения между А.С.Пушкиным и М.С.Воронцовым, то особо подчеркивалось, что генерал-губернатора волновали связи ссыльного поэта «со всякими «подозрительными» с политической точки зрения людьми»⁴⁸.

Мне представляется, что надо видеть в этом конфликте не только и даже не столько политический аспект, сколько неприятие человеческих характеров. Если прочитать некоторые произведения А.С.Пушкина, написанные им до ссылки, то можно обнаружить очень хлесткие и злые эпиграммы и стихотворения далеко не политического содержания. Александр Сергеевич не прощал обидчикам, был запальчив в споре, болезненно самолюбив.

31 июля 1824 г. А.С.Пушкин покинул Одессу, оставив неизгладимый след в ее культурной и общественной жизни. Но и город, и его жители полюбились поэту, и эти чувства нашли отражение в его творчестве.

Кажется, на описании жизни и деятельности главных собирателей библиотеки можно поставить точку. Правда, был еще один Воронцов, последний представитель этого семейства, князь Семен Михайлович (1823-1882). Но о нем уместно сказать в заключительной главе.

Мной упоминалось, что у Воронцовых был великолепный архив, и читатель вправе поинтересоваться его судьбой и содержанием материалов. В самом деле, о библиотеке еще будет речь впереди, а как быть с архивом? Посвящать этому вопросу специальную главу в рамках небольшой работы нет необходимости, но сказать о воронцовском архиве несколько слов считаю своей обязанностью.

В то же время я глубоко убежден: сообщать о таком архиве «несколько слов» – почти сизифов труд, так как его размеры столь велики, а материалы так разнообразны, что научное

описание «воронцовских бумаг» заняло бы, по крайней мере, несколько объемных томов. Однако другой возможности у автора нет.

Мне представляется, что довольно подробное (относительно того, что имеется по этой теме) знакомство с жизнью и деятельностью Воронцовых позволяет судить о них, как о передовых людях своего времени, с широким политическим кругозором и культурными интересами. Эти обстоятельства сказались и на сборе документов, которые вошли в их Архив.

Коллекционированию исторических источников положил начало М.И.Воронцов. Этот вельможа интересовался жизнью и деятельностью Петра I. Он стремился, «чтоб находящиеся по разным столбцам, корреспонденциям и связкам дела... в одно место собрать, переплесть и хранить должно...»⁴⁹.

Занимая высокие должности, А.Р.Воронцов целенаправленно стремился к собирательству исторических документов. Более того, Александр Романович способствовал розыску различных исторических источников за пределами России. Об этом свидетельствуют многочисленные иностранные рукописи, собранные в Архиве. Можно в качестве примера привести документы, относящиеся к французской революции конца XVIII в. По всей вероятности, граф Воронцов очень интересовался этими событиями и не считался с затратами для приобретения ценных «бумаг», в частности, израсходовав для этой цели 2400 ливров, «прося разыскать преимущественно материал французских послов и агентов в России»⁵⁰.

Семен Романович и позднее его сын, Михаил Семенович Воронцовы, также пополняли Архив разнообразными документами. Однако их публикация началась только при жизни М.С.Воронцова, когда весь Архив оказался в Одессе.

В этом городе при содействии генерал-губернатора Новороссийского края издавался «Одесский вестник», в нем за 1837 г. была опубликована «Записка о том, сколько я памятую о крымских и турецких походах». Анонимный автор, участник русско-турецких войн первой половины XVIII в., сообщает любопытные подробности касательно этих событий. В 40-х гг.

XIX в. в Одессе были опубликованы письма сына Петра I, Алексея, к отцу; документы, относящиеся к периоду царствования Екатерины I (1684-1727).

В Архиве Воронцовых хранился уникальный памятник русского средневековья «Псковская Судная грамота», дошедший до нас в единственном списке. Много ценнейших материалов было опубликовано в «Записках Одесского общества истории и древностей».

Большая заслуга в деле обнаружения документов принадлежала преподавателю Ришельевского лицея Николаю Никифоровичу Мурзакевичу (1806-1883). Обладая обширными знаниями, отменным трудолюбием и научной добросовестностью, Мурзакевич пользовался доверием М.С.Воронцова, который нередко поручал Николаю Никифоровичу «приводить в порядок» архив и библиотеку.

Полная публикация всех материалов началась по инициативе наследника М.С.Воронцова, князя С.М.Воронцова. Семен Михайлович обратился к П.И.Бартеневу (1829-1912) с предложением издавать многотомный «Архив князя Воронцова», рукописи к тому времени были перевезены из Одессы в Петербург⁵¹.

В 1870 г. в Москве вышел первый том «Архива князя Воронцова». Издание это продолжалось до 1895 г. и составило сорок больших томов. К сожалению, эти объемистые издания не включили полностью все документы и материалы, хранившиеся у Воронцовых. Трудно сказать, какова истинная причина прекращения издания «Архива». Возможно, что наследники С.М.Воронцова стали испытывать финансовые затруднения и утратили интерес к этому замечательному предприятию. Но и то, что было сделано, является важным вкладом в изучение отечественной и зарубежной истории.

Вместе с тем надо отметить, что издание тех или иных источников во многом зависело от того отбора материала, который производил издатель «Архива» П.И.Бартенев. А этого историка интересовала в основном переписка, причем та ее часть, которая касалась придворных передраг, характеристики

государственных деятелей и т.п. Можно привести такой пример: в Архиве Воронцовых находилось большое количество документов, имеющих отношение к А.Н.Радищеву. Однако П.И.Бартенев опубликовал только письма Александра Николаевича, полностью исключив его произведения, и, следовательно, в то время они не стали достоянием общественности.

Но вернемся к воронцовским корреспонденциям. Наибольший интерес, на мой взгляд, представляют письма С.Р.Воронцова. Помимо его содержательной переписки с отцом, братом, сестрою и сыном, среди корреспондентов русского посла были отечественные сановники и дипломаты, военные и государственные деятели Европы, в основном английские.

С.Р.Воронцов вел оживленную переписку с европейскими знаменитостями, среди которых: барон Гримм, Миранда, графы Прованский и д'Артуа⁵². По-видимому, невозможно успешно изучать русско-английские или русско-французские отношения в период Великой французской революции без эпистолярного наследия С.Р.Воронцова.

Среди «бумаг» М.С.Воронцова несомненный интерес представляют документы по военно-исторической тематике. Это в основном материалы, относящиеся к пребыванию русских войск за границей 1813-1814 гг. и оккупационному корпусу во Франции 1815-1818 гг., которым командовал М.С.Воронцов.

Наконец, в «Архиве князя Воронцова» много материалов, касающихся биографии семьи Воронцовых: это автобиографические заметки Михаила Илларионовича, очерки Александра Романовича, автобиография Семена Романовича, записки Е.Р.Дашковой, дневники Михаила Семеновича.

Читатель ознакомился с кратким очерком жизни и деяний главных представителей семьи Воронцовых, который, как мне представляется, может несколько прояснить суть их библиофильства. Особенности государственной и общественной деятельности Воронцовых, их личные

пристрастия, как в зеркале, отражаются и в характере печатных материалов, собираемых ими на протяжении десятилетий.

Стоит ли удивляться тому, что автору этой скромной работы удалось, исследуя княжескую библиотеку, обнаружить исключительно редкие издания, о которых еще будет рассказано в этой и других публикациях.

2. «Южная пальмира» и ее обитатели.

Возможно, читатель по названию этой главы понял, о чем будет идти речь. Конечно же, об Одессе и одесситах. Кстати сказать, в России столицу империи – Санкт-Петербург – тоже иносказательно именовали «Пальмирой», но только «Северной»⁵³. Неужели черноморский город во времена М.С.Воронцова мог претендовать на такое сравнение? Как рассказывают, одесситам и в те далекие годы был свойственен юмор... Однако автор этих строк предлагает не спешить с выводами и совершить прогулку по старой Одессе.

Все началось с того, что 22 августа (по старому стилю) 1794г. состоялась закладка портовых сооружений, и эта дата считается первым днем жизни города, названного впоследствии Одессой⁵⁴.

Надо отдать должное тем, кто планировал город, улицы которого располагались безупречно прямыми линиями. Одесса строилась удивительно быстро. Уже в 1797 г. Одесский порт посетили 72 корабля; 50 из них повезли за границу зерно⁵⁵.

Коль речь зашла о первых годах становления черноморского города, я не могу не поспорить с историками-краеведами, которые всячески пытались преуменьшить роль иностранцев в развитии Одессы.

Правда, советских исследователей можно понять: в истории нашего государства был период, когда с «легкой» руки тогдашнего партийного и политического руководства началось возвеличивание «русского духа», «русского патриотизма», превозносились отдельные личности, сыгравшие в отечественной истории роль строителей Российской

государственности, и под шумок проводилась активная русификация...

В годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, подобную политику пытались как-то обосновать. Но вот наступили 1948-49 гг. Тогда быть просто носителем нерусской фамилии, будучи деятелем науки, культуры и искусства, считалось предосудительным и подозрительным. На этот раз руководство страны начало «борьбу» против пресловутого «космополитизма». Как можно было еще в 50-х гг. даже намекнуть на положительную роль, скажем, французов, немцев, итальянцев... в развитии русской культуры, экономики, науки. О евреях вообще предпочитали не вспоминать, как будто такого народа никогда не было.

Но дело в том, что как раз история Одессы является красноречивым примером того, как содружество разных народов, объединенных одной целью, способствовало процветанию города и даже целого региона Российской империи. Пожалуй, ни один город в многонациональном государстве, каким всегда была Россия, не мог похвалиться таким обилием «племен, рас, и народов». Недаром Одессу еще называли «российским Вавилоном».

По этому вопросу предоставим возможность высказаться путешественникам, наблюдавшим город в рассматриваемый период. Вот, например, что писал Н.С.Всеволожский, посетивший Одессу по пути следования в Константинополь (Стамбул): «Я видел здесь людей всех наций: греков, итальянцев, французов, евреев, армян и толпу украинцев, отдыхающих между волами и фурами своими на площадях»⁵⁶.

«Одесса – настоящий Вавилон» - утверждал немец Коль, объездивший Новороссию в конце 30-х гг. прошлого столетия. Причем он подчеркивал, что не среди случайных путешественников, а постоянно в уличной толпе он слышал разговоры на языках: русском, итальянском, английском, немецком, еврейском, татарском, польском, турецком, греческом, болгарском, армянском, молдавском, венгерском, шведском, испанском и др.⁵⁷.

А вот «кое-что об иноплеменниках» сообщает нам один из старожилов Одессы В.А.Яковлев: «Первые граждане г. Одессы были по преимуществу греки. После присоединения Хаджибея к России здесь были поселенцы греки и албанцы, сражавшиеся в рядах русских моряков в войнах с турками.

Евреи появились в Одессе еще в конце XVIII в., хотя Хаджибей был ими посещаем еще до своего присоединения к России... Появившись в Одессе, еврейские купцы мало-помалу вытеснили иностранцев и заняли в среде этого сословия первое место»⁵⁸.

По свидетельству общественного деятеля и знатока-краеведа К.Скальковского: армяне были цирюльниками, болгары – огородниками, молдаване – угольщиками, греки – булочниками и фруктощиками, евреи – факторами, стекольщиками, разносчиками, рабочими в хлебных магазинах; караимы – мануфактурщиками, итальянцы – рыбаками и портовыми рабочими; великороссы – плотниками, печниками, водовозами и кучерами; женская домашняя прислуга была малороссийского и польского происхождения⁵⁹.

В Одессе русский язык, разумеется, был языком межнационального общения. Однако посещавшие город русские писатели, журналисты поражались среди прочего своеобразием «одесского наречия», понять который было непросто. Надо было иметь представление по крайней мере о дюжине различных языков, чтобы разобраться в тонкостях местного диалекта.

Константин Скальковский в этой связи отмечал: «Одесский язык» был обязан своим происхождением массе малороссийских и польских слов и оборотов...»⁶⁰.

Правда, автор цитируемых мемуаров общался главным образом со «сливками» одесского общества, и если они говорили на таком (русско-одесском) языке, то можно себе представить, например, наречие Молдаванки, где бок о бок жили евреи, болгары, молдаване, украинцы, албанцы (арнауты)...

По воспоминаниям того же Скальковского, «светлейшего князя Воронцова в Одессе обожали. Он заботился о крае, поощрял

местных ученых...был обходителен» и т.п. Среди разнообразных достоинств генерал-губернатора отмечалось, что Михаил Семенович не отказывал в приеме любому одесситу и готов был выслушать жалобу. Хотя причин для недовольства было предостаточно, далеко не каждый простолюдин рисковал обратиться к «обожаемому» губернатору. Но дело не в этом. Ходатай, оказавшись в приемной генерал-губернатора, естественно, стремился с «их сиятельством» говорить по-русски. Как отмечалось, одесситы, особенно жители окраин, друг друга хорошо понимали, но Воронцов держал в своем штате специального «толмача» с «одесского» диалекта на русский язык.

Между прочим, как особо подчеркивали мемуаристы-одесситы, хорошо помнившие «Воронцовскую эпоху», Михаил Семенович очень часто удовлетворял просьбу евреев, что было делом почти неслыханным для николаевской России⁶¹.

Завершая «национальную» тему, хочу отметить еще один важный аспект своеобразного межнационального общения в тогдашней Одессе. Это начало формирования, если позволительно будет так выразиться, «одесского идиша». На языке идиш говорили евреи Украины, Польши, Бессарабии, практически всей Восточной и отчасти Южной и Западной Европы. А в Новороссийский край и, в частности в Одессу, устремлялись евреи почти со всей Восточной Европы. По многим причинам, кроме родного языка – идиш, большинство вновь прибывших другого языка не знало.

Но в Одессе идиш превращался в своеобразный жаргон. Его многочисленные носители (в то время составлявшие до 1/4 населения города) использовали слова и обиходные выражения из украинского, польского, немецкого, итальянского и других языков обитателей многонациональной Одессы. Кроме того, нельзя не учитывать, что значительная часть еврейского населения города была не очень образована. Таким образом, «бытовой» идиш, например выходцев из Польши отличался от родного языка еврейских переселенцев из Бессарабии.

С другой стороны, отдельные еврейские слова и даже выражения (иногда не всегда цензурные) становились достоянием жителей окраин приморского города.

В этот период Одесса в определенной мере делилась на кварталы по национальному признаку, и это обстоятельство нашло свое отражение в названиях улиц и отдельных районов. Например, были: Итальянская улица, Греческая площадь, Арнаутская улица (Большая и Малая), Еврейская улица... Позднее деление становится по большей части условным. В самой Одессе, к счастью, не существовало позорной «черты оседлости»⁶². Более видимым было социальное деление одесситов: в центре жили богатые жители города независимо от вероисповедания, а по окраинам ютилась многоязычная армия бедняков.

Раз уж речь зашла об облике города, вновь обратимся к свидетелям тех далеких лет. Одессит, живший в первой трети XIX в., вспоминает: «Улицы Одессы представляли своеобразное зрелище: треть домов представляла магазины или амбары для склада хлебов, преимущественно пшеницы; тротуары были вымощены частью плитой, частью местным дикарем, поставленным ребром, по бокам улиц росли чахлые акации, а вдоль текли ручейки по грязным водосточным канавкам. На главной улице, тогда Ришельевской, на тротуарах сидели под зонтиками евреи и еврейки и на зеленых столиках меняли деньги. Тут же толкались факторы хлебной торговли... Мостовые в Одессе были что-то невероятное. Вначале мостили камнем, доставлявшимся по большей части из Италии в виде балласта кораблями, приходившими за хлебом... Под влиянием езды, дождя и морозов камень шоссе рассыпался и образовывались горы белой мелкой пыли, при дождях и зимой обращавшиеся в море грязи. В этой грязи тонули не только галоши, но и экипажи и пьяные люди. Переход с одного тротуара на другой составлял головоломную задачу...»⁶³.

А ведь К.Скальковский писал эти строки значительно позднее, чем Одессу посетил А.С.Пушкин, также заметивший:

«Все дома на аршин загрязнут,

Лишь на ходулях пешеход
По улице дерзает вброд;
Кареты, люди тонут, вязнут...»

Все же Одесса довольно быстро приобретала черты европейского города, несмотря на сложные природные условия. Надо учесть, что город страдал от недостатка доброкачественной питьевой воды. Местные почвенные воды, насыщенные солью, были непригодны даже для стирки белья. Благоустройство Одессы заботило и жителей города и его власти, которые вводили специальные налоги для пополнения местного бюджета. И вот результат: еще в 1813 г. поэт К.Батюшков (1787-1855) писал: «Я приехал в лучший из городов наших – в Одессу». Уместно также привести отрывок из статьи писателя и художника П.Свиньина (1787-1839) «Взгляд на Одессу (из живописного путешествия по России 1825 г.): «По длинному покатоному спуску входишь на широкую великолепную улицу и с первых шагов видишь себя посреди богатого многолюдного города. Удостоверение сие увеличивается по мере приближения Ришельевской улицы к центру города: по обеим сторонам одной встречались огромные дома в 2 и 3 этажа, магазины, блестящие сокровищами Европы и Азии, и роскошные казины, полные посетителей...»⁶⁴.

Что означало быть «европейским городом, в частности, применительно к Одессе? Ведь еще наш великий поэт подметил: «Там все Европой дышит, веет...»

Конечно, город, где только «веет Европой», и быть в действительности городом, согласитесь, не одно и то же. И все же для Одессы были характерны такие черты, которые во многом позволяют говорить о некоей исключительности.

Этот город был задуман как южные ворота Российской империи. Достаточно в этой связи отметить, что одесский порт вплоть до конца XIX в. не имел серьезных конкурентов на Черном и Азовском морях. Кто станет отрицать, что первые администраторы Одессы не старались превратить город также

в культурный центр юга империи. Удалось ли им это в условиях николаевской России?

К началу 30-х гг. Одесса имела уже две постоянные газеты: одну на русском языке – «Одесский вестник», другую – на французском «Journal d'Odessa». С 1828 г. «Одесский вестник» печатался также и на французском языке. При «Одесском вестнике» в виде приложения печатались «Литературные листки», где начинали свою литературную деятельность одесские поэты и прозаики А.Подолинский, В.Туманский и др. В эти же годы в Одессе появляется первый литературный сборник – «Одесский альманах». На его страницах охотно публиковались не только местные литераторы, но и всероссийские знаменитости того времени – Языков, Лажечников, Бенедиктов, Кукольник и др.⁶⁵

С 1832 г. в городе издается «Новороссийский календарь», который через семь лет переходит в собственность Ришельевского лицея. Стоит немного сказать об этом главном учебном заведении Одессы того времени.

Учредителем лицея, получившего название в честь герцога де Ришелье Арман Эмманюэль дю Плесси (1766-1822), был прибывший в Россию в 1812 г. аббат Николь. Что знал этот иезуит о стране и ее народе, куда его, как и сотни других французских эмигрантов, занесла судьба? Воспитанные в дореволюционной Франции, ревностные католики и аристократы по убеждению, презиравшие свой собственный народ, они не только ничего не знали о России, ее прошлом и настоящем, но не желали учитывать особенности новой для них страны. Зато они хорошо изучили русское высшее общество и его привязанность ко всему иностранному.

Ришельевский лицей был создан именно для этого общества, которое, помещая туда своих детей, находило в нем те же порядки и те же условия обучения и воспитания, которые существовали во Франции накануне ее Великой революции. Язык преподавания был французским, а русский оказался на положении языка иностранного, да и то еще в бытность Н.Н.Мурзакевича его преподавал учитель танцев.

Со временем положение в лицее несколько изменилось. После изгнания иезуитов из России в 1820 г. в это учебное заведение стали принимать русских учителей, и часть предметов стали преподавать на русском языке. В 30-х гг. XIX в. Ришельевский лицей «получает характер отдельного и самостоятельного заведения, по составу своему и правам весьма близкого к университетам»⁶⁶.

Помимо Ришельевского лицея, с состоявшей при нем семиклассной гимназией в Одессе было немало других учебных заведений, созданных при содействии М.С.Воронцова. Кроме духовной семинарии и духовного училища, в конце 30-х – начале 40-х гг. были открыты вторая гимназия, уездное училище, несколько приходских школ, институт благородных девиц, женское училище для глухонемых.

Представители различных национальностей, проживавшие в Одессе, имели свои школы. Так, например, в городе работали: греческие, немецкие, еврейские, армянские и другие учебные заведения.

Еще в начале 30-х гг. по просьбе одесситов М.С.Воронцов добился разрешения открыть в городе Публичную библиотеку. Причем сам генерал-губернатор положил начало библиотеке, принес ей в дар «собрание дорогих по редкости сочинений»⁶⁷. Пример Воронцова был подхвачен богатыми горожанами, жертвовавшими библиотеке книги, деньги для приобретения различных изданий. В настоящее время Одесская областная научная библиотека считается одним из богатейших книжных собраний Украины, в ее фондах хранится немало ценных книг, некогда подаренных ей Михаилом Семеновичем и Семеном Михайловичем Воронцовыми. Эти издания составляют значительную часть созданного в библиотеке музея редких книг.

В те же годы среди жителей Одессы усиливается интерес к истории и археологии своего края. Можно со всей определенностью отметить, что библиотека графа М.С.Воронцова сыграла важную роль в росте исторического

самосознания жителей Одессы. Так, уже известный нам Николай Никифорович Мурзакевич тщательно ознакомился с памятниками истории и археологии Новороссийского края, он также обследовал многочисленные частные архивы и прежде всего библиотеку Воронцовых. Ему удалось обнаружить Псковскую судную грамоту, подлинные письма царевича Алексея Петровича (сына Петра I) и другие ценнейшие документы. Более того, Н.Н.Мурзакевич обследовал районы, где когда-то находились древнегреческие поселения, и даже подготовил интересный научный труд: «Географическая карта древних эллинских поселений при берегах Черного и Азовского морей, 1836 г.»⁶⁸.

Исследователь не обошел своим вниманием и Крым. Интерес к истории этого полуострова не вызывает удивления. Восхищает то, что Н.Н.Мурзакевич за сравнительно короткий период, естественно, при финансовой поддержке графа Воронцова, совершил туда несколько научных экспедиций, и в 1837 г. он написал очередное исследование: «История Генуэзских поселений в Крыму»⁶⁹.

Н.Н.Мурзакевич был среди главных учредителей «Общества истории и древностей», начавшего свою деятельность в 1839 г. Между прочим, генерал – губернатор Новороссийского края охотно поддержал инициативу одесских любителей старины по организации «Общества», разрешив его членам производить археологические раскопки по всему югу России.

Как уже отмечалось, в Одессе проживало немало состоятельных людей, которые пеклись не только об увеличении своих доходов. Многие одесские богачи занимались филантропической деятельностью, а также пытались подражать римскому патрицию Гаю Меценату. Например, следует отметить открытие по инициативе частных лиц «новой русской библиотеки» Золотова и Тотти; «Гагаринского театра», в котором ставились пьесы и была балетная труппа. Стоит ли удивляться, что даже такой эстет, как русский поэт Я.П.Полонский (1819-1898), писал: «Нигде во всей России не было столько европеизма, или западной

окраски, как в этом южном дешевом и привольном русском городе»⁷⁰.

Под «европеизмом», по-видимому, еще следует понимать особый вольный дух Одессы, где ее обитатели чувствовали себя относительно свободно по сравнению с жителями других городов Российской империи.

Тридцатые годы XIX в. в России... Многие жители страны еще хорошо помнили события 14 декабря 1825 г., происшедшие в Петербурге, когда горсточка дворянских революционеров пыталась изменить существующий в империи строй. Затем казнили руководителей заговора, десятки других были сосланы в Сибирь, разжалованы в рядовые и отправлены на Кавказ, где не прекращалась война с горцами. Россия стала походить на огромную казарму с дисциплинарным отделением в Петербурге.

Николай I (1796-1855), серьезно обеспокоенный брожением среди офицеров армии, представителей интеллигенции, чуть ли не ежедневно стал издавать срочные предписания, касающиеся личной жизни обывателей. Из университетов увольняли слишком либеральных, по мнению властей, профессоров; нередко студентов, заподозренных в «непозволительных разговорах», исключали из высших учебных заведений и призывали в армию. Более того, даже поведение подданных Его императорского величества на улице строго регламентировалось. Им, например, запрещалось курить, носить цветы в петлицах, расстегивать пуговицы на форменной одежде, даже ношение очков и бород считалось признаком опасного вольнодумства. Время от времени устраивались процессы над инакомыслящими, а в полицейских участках служители не уставали пороть розгами людей за незначительную провинность.

А ведь как Николаю I не лютовать... Только-только улеглись страсти из-за «злоумышленников»-дворян, как вновь в Европе бунтуют, угрожая спокойствию в Российской империи. Царь и его ближайшее окружение не без основания считали, что русские люди – терпеливы и послушны, особенно, если их

почаще сечь. Это – не французы, спешащие в июле 1830 г. на баррикады, и не поляки, поднявшие мятеж против власти русского императора в ноябре того же года. Но польские инсургенты вновь просчитались. Русская армия к октябрю 1831 г. установила на территории Польши николаевские порядки.

В самой России правительство не сидело «сложена руки»: помимо репрессий, власти стали активно распространять провокационные слухи, направленные против всегда недовольных интеллигентов, а также «инородцев». Им инкриминировались «поджоги» и стихийные бедствия, убийства с «ритуальной целью», эпидемии холеры и даже попытки «развернуть» православных.

Уехать из России в те времена было нелегко. По воспоминаниям уже знакомого нам Константина Скальковского: «Поездка за границу, кроме как для нескольких счастливых, считалась событием, о нем рассказывали всю жизнь... Поездка во Францию вообще не разрешалась»⁷¹.

Коль речь у нас зашла о николаевской России, то будет вполне уместным обратиться к интересному источнику той эпохи – мемуарам французского аристократа Астольфа де-Кюстина (1790-1857).

В официальном Петербурге вряд ли кто мог подумать, что маркиз де-Кюстин, писатель и путешественник, семья которого пострадала в результате Французской революции конца XVIIIв., напишет книгу о России, поразившую современников своим откровенным осуждением царского самодержавия.

Николай I, видимо, желая создать о себе в Европе более благоприятное впечатление, был рад приезду в Россию маркиза де-Кюстина. Как правило, к путешественникам-иностранцам чиновничья Россия относилась с величайшим подозрением. И ведь было что скрывать от вездесущих журналистов, но этому французу был оказан теплый прием. Ему предоставили возможность свободно передвигаться по стране, посетить обе столицы, Нижний Новгород...

Но как только книга де-Кюстина «Россия в 1839 г.» появилась во Франции, ее тотчас же запретили ввозить в пределы

Российской империи, что, однако, не помешало ей быстро обрести читателей и в петербургских дворцах, и в московских особняках...

А.И.Герцен писал об этой публикации: «Без сомнения, это – самая занимательная и умная книга, написанная о России иностранцем». Только в 1930 г. впервые появился перевод книги де-Кюстина на русский язык. Правда, перевод подвергся существенным сокращениям, что не мешало сохранить лишь то, что придает ей и в настоящее время значение ценного исторического документа. В 1990 г. в издательстве «Тера» было переиздано сочинение де-Кюстина под названием «Николаевская Россия».

Жаль, конечно, что маркиз де-Кюстин не побывал в Одессе. Быть может, этот наблюдательный человек увидел бы в «Южной Пальмире» такое, что не было замечено другими путешественниками. Но то, что он сообщает об увиденном в Петербурге, Москве..., дает основание полагать: в Одессе даже в то время так не могло быть.

Позволю себе в качестве примера следующую цитату из книги де-Кюстина: «...Везде и всюду лишь младшие чины, выполняющие приказы старших. Это население, состоящее из автоматов, напоминает шахматные фигуры, которые приводит в движение один лишь человек, имея своим незримым противником все человечество. Офицеры, кучера, казаки, крепостные, придворные – все это слуги различных степеней одного и того же господина, слепо повинующиеся его воле. Это шедевр дисциплины. Здесь можно двигаться, можно дышать не иначе, как с царского разрешения или приказа. Оттого здесь все так мрачно, подавлено, и мертвое молчание убивает всякую жизнь. Кажется, что тень смерти нависла над всей частью этого земного шара.

Среди населения, лишенного радостей и собственной воли, видишь лишь тела без душ и невольно содрогаешься при мысли, что столь огромное число рук и ног имеют всего одну лишь голову» (с.53).

И еще в этой связи: мной уже отмечался «вольный дух» Одессы, где «веляло Европой», тогда как, по выражению де-Кюстина: «Нет в наши дни на земле человека, который пользовался бы столь неограниченной властью. Вы не найдете такого ни в Турции, ни даже в Китае. Представьте себе все столетиями испытанное искусство наших правительств, предоставленное в распоряжение еще молодого и полудикого общества; весь административный опыт Запада, используемый восточным деспотизмом; европейскую дисциплину, поддерживающую азиатскую тиранию; полицию, поставившую себе целью скрывать варварство, а не бороться с ним; тактику европейских армий, служащую для проведения восточных методов политики; вообразите полудикий народ, которого милитаризовали и вымуштровали, но не цивилизовали, – вы поймете, в каком положении находится русский народ» (с.119).

Правда, иной читатель может подумать, что Одесса как будто не имела прямого отношения к Николаевской России. Одесса была, конечно же, неотъемлемой частью могущественной империи, но состав населения, особое экономическое положение города и ряд других факторов существенно влияли на общественно-политическую жизнь центра Новороссийского края.

Но вернемся в Одессу 20-х гг. XIX в. В этом городе прогрессивное и вольнолюбивое население, представленное лучшей частью интеллигенции, чиновников, военных, чувствовало себя весьма уютно. На городских квартирах, а нередко в солидных особняках, собирались молодые люди, с пониманием относившиеся к «северным» заговорщикам, будущим декабристам, пытавшимся поднять восстание на Сенатской площади в Петербурге.

В Одессе нашли убежище сотни жителей Балкан, бежавших на юг России, спасаясь от преследования турецких властей. Еще в 1814 г. здесь было основано тайное общество «Геретия», которое ставило перед собой задачу подготовить восстание в Греции против османского ига. Когда началось вооруженное

выступление греков, многие жители Одессы готовы были отправиться на острова в Ионическом и Эгейском морях, чтобы помочь инсургентам.

От турецких властей не меньше греков страдали и другие христианские народы Балканского полуострова, в частности, болгары. Тысячи болгарских беженцев поселились на юге Новороссийского края и Бессарабии, местные жители также сочувственно относились к их борьбе за свободу. Отдельные болгарские патриоты, нашедшие убежище в Одессе, открыто обращались к подданным Российской империи, рассчитывая с их помощью одолеть турецких угнетателей.

Таким образом, в первой четверти XIX в. Одесса превратилась в своеобразный центр антитурецкой деятельности. Богатые греческие купцы даже закупали оружие, надеясь переправить его на юг Балканского полуострова.

В Петербурге знали все: и об активности балканских патриотов, и об их поддержке значительной частью российских подданных. Властям было также известно о настроениях некоторых молодых одесситов и об их контактах с представителями «Южного» и «Северного» обществ декабристов. Не случайно Александр I в 1824 г. писал: «Я имею сведения, что в Одессу стекаются из различных мест... многие лица, кои с намерением или по легкомыслию занимаются одними неосновательными толками, могущими иметь на слабые умы вредное влияние». Вскоре, однако, этот император умер, и новый монарх Николай I буквально за два дня до восстания декабристов с тревогой констатировал: «По всему видно, что в Одессе должно быть гнездо заговорщиков»⁷².

Казалось бы, после подавления восстания 14 декабря официальный Петербург займется, наконец, одесским вольномыслием. Но особых репрессий не последовало. Почему? На мой взгляд, здесь могут быть несколько причин, объясняющих терпимость правительства к жителям Одессы.

Во-первых, Николаю I удалось выявить и изолировать главных противников установленного режима. Если где-то еще

скрывались сторонники декабристов, то напуганные жестокими наказаниями эти люди не представляли никакой опасности. Во-вторых, Одесса к тому времени превратилась в центр хлебной торговли России; город быстро богател, десятки крупных торговцев из различных стран охотно сотрудничали с русскими купцами. В южных районах Новороссийского края возникали многочисленные поселения колонистов, среди которых было немало иностранных подданных. Без великого сомнения, они способствовали развитию огромного региона империи.

Таким образом, аресты или иные формы преследования «неблагонадежных» подданных, изгнание из Одессы иностранцев, сражавшихся на Балканах, закрытие газет и всякого рода «Альманахов» только осложнили бы деловую активность в городе, напугали «добропорядочных» европейских буржуа. По всей вероятности, все эти меры привели бы к сокращению хлебной торговли, что нанесло немалый ущерб всему государству.

Наконец, русский император подтвердил широкие полномочия, данные генерал-губернатору Новороссийского края, графу Воронцову, что явилось важным доказательством полного доверия и одобрения его деятельности.

Между тем известно, что Михаил Семенович Воронцов противился каким-либо репрессиям в Одессе по политическим мотивам, стремясь упрочить благоприятное о себе впечатление. В Одессе наблюдались даже чисто внешние признаки свободы. По словам К.Скальковского, «моряки ходили по бульвару в расстегнутых сюртуках... Военная служба исполнялась не очень строго». Ему вторит немецкий путешественник Коль. По его свидетельствам, в Одессе «не застегивают наглухо мундиров, на улицах курят даже извозчики, на балконах домов разговаривает и смеется молодежь, мужчины позволяют себе носить цветы в петличке»⁷³.

Нельзя не согласиться с Колем, приписывавшим свободу одесских нравов благодетельному влиянию порто-франко:

«Подобной свободы мы не встречали ни в одном из русских городов»⁷⁴.

Иной читатель может подумать: неужели свобода заключалась в том, что люди могли не таясь курить, смеяться на балконе, носить где угодно цветы? В том-то и дело, что для России были характерны жестокие, унижающие достоинство человека нравы: грубый окрик, бездумное чиновничество, ханжеская мораль религиозных обскурантистов, неприязненное отношение к интеллектуалам...

В эпоху Николая I даже высокопоставленные чиновники не чувствовали себя в безопасности. Их, правда, будочники не секли, но уволить со службы, при необходимости конфисковать имущество и даже сослать куда подальше – таких примеров было множество. А положение военнслужащих, особенно нижних чинов... За малейшую провинность – порка, а за слишком вольное поведение даже офицер мог подвергнуться исключительно суровому наказанию. И это несмотря на то, что русские солдаты выполняли любые приказы. Они подавляли освободительное движение в Европе, держали в страхе население покоренных регионов Российской империи. Конечно, такая миссия тяжким бременем ложилась на народ, сам пребывавший в рабстве.

И вновь – Одесса. Заграничные новости достигали жителей Одессы гораздо быстрее, чем они становились известными в других городах империи. Наблюдательные вояжеры отмечали, что как только иностранное судно бросало якорь в одесском порту, толпа любопытных обывателей устремлялась к этому кораблю. Подобная ситуация весьма живописно запечатлена в «Одесском альманахе»:

«Бывало только что примчатся
Суда из стороны чужой,
Негоцианты вдруг толпой
По улице зашевелятся;
Кто ждет товаров, кто друзей,
А кто из-за моря вестей...
И сколько новых разговоров,

Соображений, толков, споров,
О войнах, мире стран чужих,
Иль о банкротствах роковых»⁷⁵.

Одесситы о заморских странах знали немало и могли судить о них не только по экзотическим товарам, доставлявшимся в город-порт. Если вся остальная Россия сидела на «голодном пайке», то одесситы, читавшие по-французски, имели возможность знакомиться с европейскими новостями посредством периодических изданий, доставляемых из Парижа, Марселя, Лиона...

Революция 1830 г. во Франции еще больше усилила изоляцию этой страны русским правительством. Между тем в частных библиотеках Одессы, в том числе графа Воронцова, можно было найти издания (памфлеты, журналы, книги), рожденные революционными событиями в Париже.

Можно понять замечание Коля, имевшего в виду Одессу: «О политике говорят почти все, что пожелают; касается даже России, как будто она почитается здесь иностранным государством»⁷⁶. Правда, уместно напомнить, что в Одессе проживало немало людей, связанных не только деловыми, но и родственными узами с Францией, Италией, Германией...

Итак, если судить по воспоминаниям очевидцев, в Одессе горожане могли позволить себе открыто обсуждать внутренние дела и внешнюю политику России, тогда как в остальной части империи за подданными зорко следили. Для этой цели Николай I еще в 1826 г. учредил III отделение собственной канцелярии. Оно ведало политическим сыском и надзором, в его распоряжении находился особый корпус жандармских войск.

Надо признать: николаевская тайная полиция даром хлеб не ела. Уже в год основания III отделения общественность России была потрясена «делом» поэта А.Полежаева (1805-1838). Я позволю себе сказать несколько слов об этом удивительном человеке и его трагической судьбе.

Александр Иванович был сыном богатого помещика и крепостной девушки, детство которого прошло в «людской» среди крестьян и ремесленников. В 1820 г. способный юноша

поступил в Московский университет. Будущий поэт оказался в среде талантливой молодежи, мечтавшей о свободе. В 1826 г. А.Полежаев написал поэму «Сашка», в которой он резко критикует современное ему светское общество, откровенно выступает против самодержавия.

Донос на поэта и его товарищей не заставил себя долго ждать. В нем, в частности, говорилось, что воспитанники Московского университета «не уважают закона, не почитают своих родителей и не признают над собой никакой власти»⁷⁷.

Разгневанный царь приказал призвать А.Полежаева на военную службу, конечно же, в порядке сурового наказания, выдержать которое оказалось выше человеческих возможностей...

Может сложиться впечатление, что Одесса в это время представляла собой своеобразный Гайд-парк, где разрешалось свободно критиковать правительство. Утверждать подобное, значит выдавать желаемое за действительное, хотя я пытался объяснить причины относительно либеральной политики, проводимой в Одессе местными властями. Следует только несколько дополнить: в Одессе в то время не было высших учебных заведений, а учащиеся Ришельевского лицея были либо иностранцами, либо выходцами из высших слоев общества, проявлявшего полную лояльность к существующим в России порядкам.

Конечно, и в Одессе окопалось «недремлющее око» правительства, однако специфика молодого города пока еще избавляла местных жандармов от активной деятельности.

Это не значит, тем не менее, что в Одессе во времена М.С.Воронцова можно было обойтись без полиции. Удивляет другое: в Одессе и в те годы весьма вольготно себя чувствовали криминальные элементы. Правда, до «королей» преступного мира всероссийского масштаба было еще далеко, но в городе создавалась благоприятная обстановка для рождения «князей» воровских притонов и «принцесс» темных махинаций.

И еще раз об одесских особенностях. Как известно, город очень быстро строился и богател. Значительная часть его населения

так или иначе была связана с торговлей. В городе проживало много состоятельных семей, предпочитавших иметь солидный штат слуг, а вот строителей, каменотесов, портовых грузчиков явно не хватало. Нужны были рабочие руки, и они находились. В Одессу стекались десятки, сотни людей, готовых взяться за любую работу, лишь бы у них не спрашивали право на жительство в городе и не интересовались бы их прошлым.

Одесские окраины нелегально населяли беглые крепостные, находившие здесь вполне надежное убежище, и удалые каторжники, имевшие большой опыт конфликта с законом. Между тем полиция была осведомлена о том, какой народ скрывается в сомнительных ночлежках, но заниматься поисками беглых «душ» не торопилась, взирая сквозь пальцы на постоянный рост беспаспортного населения. И не подумайте, что полицейские чины, проявляя подобную терпимость, лишь заботились о пополнении одесских предприятий рабочим людом. Нельзя не признать, что в Одессе полицейские не оставались в накладе от тех, кто был крайне заинтересован в местной специфике.

Таким образом, должно было пройти немало лет, прежде чем в Одессе «политических неблагонадежных» окажется не меньше, чем коллег знаменитого Мишки Япончика.

Однако еще в 30-х гг. XIX в. на одесских улицах больше пели, нежели грабили и убивали. Все, кто впервые посещал Одессу, неизменно отмечали любовь ее обитателей к музыке, в частности, к опере. Если судить по описаниям очевидцев, то оперное искусство стало жизненной потребностью одесситов. Цензор К.Зеленский в очерке «Жизнь в Одессе» подчеркивал: «Ни в одном из наших городов это искусство не составляет собой стихии, которая бы столь резко входила в состав общественной жизни, как в Одессе»⁷⁸.

Не следует забывать, что значительная часть одесского простонародья в первой трети XIX в. состояла из итальянцев, таких страстных любителей музыки и пения.

Как только открывался сезон итальянской оперы, улицы черноморского города оглашались ариями из любимых опер,

исполняемыми публикой. Одесские меломаны делились на группы поклонников того или иного артиста и, порой, разгоревшиеся страсти любителей оперы вели к поступкам, ничего общего не имевшими с искусством.

Подводя итог своему описанию жительство в Одессе, К.Зеленский отмечал: «Жизнь в Одессе представляет все удобства и выгоды провинциального города в соединении с многими преимуществами столиц...И теперь уже столица южной России удовлетворяет самый утонченный, взыскательный вкус...роскошью своих товаров и изделий...»⁷⁹. В самом деле, в Одессе не только общественно-политическая, культурная, но и экономическая жизнь была значительно разнообразней и интересней, чем в большинстве крупных городов Российской империи. Конечно, на это имелись свои причины и одной из важнейших была та, что «Южная Пальмира» являлась административным центром Новороссийского края, управляемым в течение многих лет Михаилом Семеновичем Воронцовым. Жители Одессы помнили вклад, который внес этот человек в процветание города.

В 1863 г. в связи с 50-летним юбилеем Отечественной войны 1812 г. на Соборной площади г. Одессы был торжественно открыт памятник М.С.Воронцову, авторами которого были скульптор Ф.Бруггер и архитектор Ф.Боффо. На прекрасном постаменте возвышается величественная фигура воина-героя и усердного администратора, смотрящего на один из красивейших уголков Одессы.

Далеко не все памятники, воздвигнутые благодарными одесситами, уцелели в годину революционного лихолетья. Но М.С.Воронцов, как и «дюк» устояли. И это прекрасное сооружение в центре города не позволяет забыть государственного деятеля, во многом благодаря которому один из мемуаристов той эпохи заметил: «Приятно ли жить в Одессе? – спросят любители удовольствий, желающие познакомиться с главным городом Новой России. Без всякого

сомнения: здесь представляется все, что может занимать деятельного, образованного человека»⁸⁰.

Итак, какими бы личными качествами ни обладал генерал-губернатор Новороссийского края, как бы ни относились к нему современники и потомки, какие бы отзывы о его деятельности не предоставляли современные историки, справедливости ради надо сказать: тот факт, что богатейшее собрание документов и книг, принадлежащее М.С.Воронцову, оказалось в Одессе, в значительной степени способствовало развитию культуры, науки и просвещения в этом городе. Вот почему вполне уместно следующую главу нашей работы посвятить Воронцовской библиотеке.

3. «Их мыслей не теснит цензурная расправа...».

Об истории создания библиотеки мной уже говорилось в связи с довольно подробным рассказом о ее создателях – семье Воронцовых. В этой главе основное внимание будет уделено характеристике фондов этого книжного хранилища, особенно материалов, посвященных английской колониальной политике в Южной Африке.

Может возникнуть вопрос: почему автор данной работы, анализируя книжное собрание Воронцовых, основное внимание уделяет относительно узкой проблеме? Необходимо учесть следующие обстоятельства: во-первых, коллекция Воронцовых – обширна и разнообразна, а объем этой публикации невелик, да и ее первоначальный замысел исключал возможность обстоятельно охарактеризовать главные проблемы, занимавшие известных нам собирателей.

Во-вторых, автор этих строк в течение многих лет исследует историю Южной Африки, главным образом, колониального периода. Вот почему меня интересовали в первую очередь те издания, которые непосредственно касались близкой мне темы. И, наконец, надо признать, что книги, обнаруженные в библиотеке Воронцовых и относящиеся к «южноафриканским

делам», являются редкими изданиями, представляющими огромный научный и библиографический интерес.

Познакомившись с жизнью и деятельностью Воронцовых, начинаешь лучше понимать, что приобретение документов и материалов по английской внешней политике для этой семьи было не просто данью моде. Все, что касалось Англии: ее изящная словесность, история, фольклор, большая подборка справочной литературы – тщательно собиралось и изучалось владельцами библиотеки. Могу лично засвидетельствовать: на полях целого ряда фолиантов имеются пометки, сделанные рукой одного из Воронцовых. Причем на английских изданиях надписи производились на языке оригинала, то же самое можно сказать о французских книгах. В то же время автор этих строк встретил немало изданий, страницы которых не разрезались еще со времен пребывания их в типографии. В основном это были труды путешественников. По всей вероятности, Воронцовы предпочитали странствовать сами, а не восхищаться экзотикой, сидя в кабинете.

В предыдущей главе отмечалось, что у Воронцовых было несколько библиотек. Об этом писал Н.Н.Мурзакевич в своих воспоминаниях: «Независимо от многих библиотек, бывших у него (М.С.Воронцова – И.Ш.) в С.-Петербурге, Москве, Мошнах (Киев. губ.) и Алушке, в Одессе была главная: она состояла из сочинений по политической экономии, географии, статистике и путешествий, новейших, частью на английском языке, но более на французском. Все хорошие сочинения русские доставлялись в нескольких экземплярах, для всех библиотек. Находилась возле большого кабинета, где он постоянно работал, – комната, наполненная шкафами по всем стенам с хранящимися в них рукописями...»⁸¹.

К сожалению, не все, что было собрано семьей Воронцовых, сохранилось в полном объеме. Часть книг и других изданий остались, видимо, в Англии и неизвестно, у кого они находятся. Около 12 тысяч томов так называемой «Санкт-Петербургской библиотеки Воронцовых» в 1880 г. по каким-то причинам были проданы книготорговцу В.И.Клочкову⁸².

Возможно, что немало изданий оказалось в семействе графов Шуваловых, которые даже претендовали на владение библиотекой Одесского дома и вели тяжбу с женой Семена Михайловича Воронцова – Марией Васильевной⁸³.

Кстати сказать, Семен Михайлович Воронцов, занимавший ряд лет должность городского головы Одессы, был любителем-археологом. Он, кроме традиционных для семьи изданий, пополнил фонд материалами историко-археологических изысканий, краеведения юга России и т.п.

Тем не менее судьба оказалась благосклонной к основной части фонда Воронцовской библиотеки. Как явствует из письма Марии Васильевны Воронцовой ректору Новороссийского университета⁸⁴ С.П.Ярошенко 23 мая н.с. 1884 г., ее муж, Семен Михайлович, неоднократно говорил ей о своем желании «отдать его библиотеку, находившуюся в майоратном доме в Одессе, Новороссийскому университету, в знак его горячей любви к бывшему Ришельевскому лицу, где он получил свое образование»⁸⁵.

Совет университета 31 мая 1884 г., выразив признательность М.В.Воронцовой, с благодарностью принял дар и опубликовал свое решение в центральной и Одесской прессе. Правда, официальное оприходование фонда Воронцовых зарегистрировано было позднее – в декабре 1898 г.

Вскоре, однако, наступило сложное для России время: революция, гражданская война, установление тоталитарного режима. Как все эти события сказались на судьбе библиотеки? Как известно, десятки или даже сотни частных книжных собраний погибли в пламени пожаров или были разграблены в ходе «смутного времени» 1918-1922 гг. Окажись Воронцовская библиотека у наследников княжеского состояния, возможно, мы бы знали о ее существовании лишь из анналов истории.

В то же время есть все основания считать, что в начале 20-х гг. библиотечному фонду был нанесен определенный ущерб. Старые работники библиотеки Одесского университета рассказывали, что в сложное для молодой Советской республики время отдельные ретивые администраторы, так

сказать, «комиссары от культуры» обменяли часть великолепных альбомов по искусству и редчайшие географические карты на золото, в котором страна нуждалась. И все же служители библиотеки, преподаватели университета не допустили «разбазаривания» уникального книжного фонда.

Над Воронцовской библиотекой нависла реальная опасность разграбления в период временной оккупации Одессы немецкими и румынскими войсками. Однако, насколько мне известно, ни одна книга не пропала. Фонд был спасен отчасти благодаря находчивости библиотекарей университета.

Дело в том, что Одесса в планах немецко-румынского командования занимала особое место. Крупнейший порт на Черном море, важный промышленный и культурный центр юга Украины, удобное географическое положение – все эти факторы хорошо понимали и учитывали фашистские лидеры, готовясь к вторжению в нашу страну.

Одесса оказалась среди городов, подвергнувшихся бомбардировке немецкой авиации уже в первые часы начала Великой Отечественной войны. Одесса, согласно планам немецкого командования, превращалась после ее оккупации в центр так называемой «Транснистрии» («Заднестровья»), включавшей Северную Буковину, территорию между Днестром и Южным Бугом, а также всю Бессарабию. Причем все эти земли были обещаны Румынии, как вознаграждение за участие в войне против Советского Союза.

Несмотря на героизм и мужество защитников города, оборонявших его 69 дней и ночей, 15 октября 1941 г. было принято решение оставить Одессу. Немецкие фашисты совместно со своими румынскими союзниками установили в захваченном городе «новый порядок».

Цель и задачи данной публикации не позволяют мне даже вкратце рассказать о том, что происходило в Одессе в годы оккупации. Тем не менее я позволил себе перелистать страницы истории города-героя для того, чтобы, по возможности, выяснить судьбу Воронцовского собрания. И вот что интересно: румынские власти, желая привлечь к

сотрудничеству население Одессы и области, в частности, позволили университету продолжать учебную и научную деятельность.

Работникам университетской библиотеки было известно, что оккупационные власти разграбили все одесские вузы. Они справедливо опасались, что немецкие «специалисты» непременно поинтересуются ценными книгами, находящимися в библиотеке Одесского университета, и тогда Воронцовский фонд пополнит бы коллекции награбленного имущества из завоеванных стран Европы. А ведь кроме изданий, некогда принадлежавших Воронцовым, Научная библиотека Одесского университета хранила именные фонды, состоящие из книг Шильдера, Строганова и других государственных и общественных деятелей России⁸⁶.

Небольшая группа энтузиастов в считанные часы завалила вход в хранилище, где располагался фонд Воронцовых, всяким «хламом», по-видимому, в том числе книгами, которые, согласно «новому порядку», следовало изъять из библиотеки. Рассказывают, будто «стражи порядка» пытались проникнуть в книгохранилище, но мусорные завалы оказались надежным препятствием. Конечно, при желании оккупационные власти без труда преодолели бы «библиотечные препятствия». Но, как видно, фашисты и в самом деле полагали, будто Одесса и все, что в ней находится, навечно стали собственностью «Великой Румынии».

Так или иначе, но библиотека Одесского университета, по праву считающаяся крупнейшей на Украине, относительно благополучно пережила фашистскую оккупацию⁸⁷. В настоящее время фонд Воронцовых насчитывает 130690 единиц хранения (52801 том)⁸⁸.

Бывшая княжеская библиотека поражает, прежде всего, обилием и весьма разносторонним содержанием представленных в ней книг, документов, журналов, газет, различных политических и литературных памфлетов, музыкальных нот и многих других изданий.

При этом важно отметить: в фонде Воронцовых хранятся материалы, которые отсутствуют в других библиотеках мира, либо имеются лишь в нескольких экземплярах. Без преувеличения можно сказать, что для специалистов многих отраслей науки: историков, экономистов, философов, юристов, литераторов, географов, этнографов и других, да и просто читателей, серьезно интересующихся прошлым, фонд Воронцовых представляет огромную сокровищницу человеческих знаний. Его можно представить себе как свидетельство глубоко противоречивых и различных по своей природе и следствиям социально-экономических событий в России и Европы в период ломки феодально-крепостнических отношений, становления капитализма и его развития в XVII-XIX вв.

Материалы фонда отражают рост национального сознания многих народов, их борьбу против колониальной экспансии, рабовладения, различных форм деспотизма.

Фонд Воронцовых включает в себя в основном издания с XVI в. до 80-х гг. XIX в. Однако в нем имеются книги и более раннего периода. Книги, газеты и другие материалы можно читать на русском, английском, французском, немецком, итальянском, испанском, латинском, датском, норвежском, польском, грузинском языках. Есть экземпляры на некоторых языках народов Востока. Как видим, в языковом отношении материалы фонда весьма разнообразны.

Значительная часть изданий представлена в виде сборников, составленных из различных самостоятельных публикаций (книг, журналов, брошюр, отчасти рукописей) и переплетенных в единый том, т.е. «конволют».

Одной из таких конволютов является, в частности, «Мазариниана», в которую входят памфлеты, отчеты о фонде, песни периода правления кардинала Мазарини (1602-1661) и материалы о нем самом.

Как ранее отмечалось, автор этой работы не ставит перед собой задачу дать сколько-нибудь подробное библиографическое описание фонда Воронцовых. Остановлюсь лишь на наиболее

важных его особенностях, а также материалах, относящихся к исследуемой проблеме.

Фонд, во-первых, содержит большое количество самых разнообразных справочных изданий, появившихся до и в период жизни собирателей из династии Воронцовых. Это – русские словари от Татищева до известного «Энциклопедического лексикона» Плюшара, а также большинство разных энциклопедий, издававшихся в странах Европы во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.⁸⁹. Среди них имеется и знаменитая французская «Энциклопедия наук, искусств и ремесел», вышедшая под руководством д'Аламбера и Дидро⁹⁰. Всего в фонде – 197 справочных изданий, не считая многочисленных словарей лингвистического содержания.

В фонде, во-вторых, содержится внушительное число описаний путешествий, совершенных экспедициями или отдельными лицами в разное время и с различными целями во многие страны Европы, Азии, Африки и Америки. Весьма интересны книги, авторами которых выступают иностранцы, посетившие Россию и ее отдельные районы (Кавказ, Крым, Украину, Урал и т.д.).

Сведения во всех этих описаниях очень многосторонни: по географии, экономике, национальному и социальному составу населения, по языкам, этнографии, геологии, религии, культуре и другим вопросам. Хотя часть описаний уже широко известна, тем не менее многие из книг, посвященных путешествиям, не использовались или не подвергались пространному научному анализу. Между прочим, в современных исследованиях часто можно встретить немало «открытий», которые давным-давно были зафиксированы путешественниками. Следует лишь лучше знать их книги, более вдумчиво изучать коллективный опыт человечества, сконцентрированный в этих работах.

Фонд, в третьих, содержит огромное количество материалов, относящихся к истории и современной Воронцовым Англии. Это естественно, поскольку и главный коллекционер фонда – Семен Романович Воронцов, – долго живший и работавший в

Англии, и его наследники любили и хорошо знали эту страну. Они собирали буквально все, что, по их мнению, представляло ценность с многих точек зрения. Это и книги, и комплекты журналов, газет, памфлетов, научные и иные обозрения, протоколы английского парламента, сборники юридических и иных документов, статистические справочники, многочисленные брошюры, произведения художественной литературы и искусства и т.п.

Все эти ценнейшие свидетельства дают возможность воссоздать яркую картину экономического и социально-политического развития Англии на протяжении двух-трех столетий, ее науки, культуры, внешней и колониальной политики, быта и нравов различных общественных слоев.

Особый интерес представлял журнал «The Gentleman's Magazine», 120-летний комплект которого великолепно подобран Воронцовыми. Известно, что английский парламент долго и упорно вел борьбу с печатью, не допуская освещения своих прений. Всякий отчет о парламентских дебатах, напечатанный в газетах, считался прямым нарушением прерогатив парламента. В 1729 г. парламента издал постановление, воспрещающее даже отдаленный намек на его действия.

Первым журналом, начавшим печатать отчеты о заседаниях парламента, был «Джентлмэнз мэгэзин». Вначале эти отчеты были очень скупы. Обыкновенно приводилось резюме речей двух-трех главных ораторов, о других не упоминалось вовсе. Называть по имени выступавшего считалось оскорблением парламентских привилегий, поэтому отчеты печатались в безличной форме. Вместо имен ставились лишь заглавные буквы, и, хотя все это было очень условно, тем не менее форма соблюдалась.

Разумеется, такие отчеты оставляли желать лучшего и тем более лишались значения, потому что появлялись слишком поздно. Издатель журнала, чтобы помочь делу, пустил в ход различные уловки. Ему удалось придумать остроумный способ обойти парламентские строгости. Прежде всего он добился,

вероятно посредством подкупа, того, чтобы его агенты получили доступ в парламент, где, притаившись в укромном уголке, они записывали все, что видели и слышали в парламенте. Затем они читали свои записи, которые после этого поступали в редакцию, где из них составлялись отчеты.

Для того, чтобы оградить себя от всевозможных неприятностей, издатель «Джентлмэнз мэгэзин» перед отчетами публиковал примечание, в котором обычно говорилось: все, что печатается в журнале о парламентских прениях, относится к царству лилипутов. Вряд ли это могло кого-нибудь обмануть, но, так или иначе, служило ему своеобразной защитой от парламентского гнева⁹¹.

Чрезвычайно ценными представляются источники, повествующие о драматической борьбе между сторонниками и противниками английской системы рабовладения последней трети XVIII – первой трети XIX вв., а также материалы по истории движения за независимость английских колоний в Америке XVIII в.

Вместе с тем следует заметить, что Воронцовы предпочитали собирать разнообразные публикации, издаваемые противниками рабовладения. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Воронцовы не только решительно выступали против невольничества, но они также осуждали крепостное право, так как не видели особой разницы между рабом и крепостным крестьянином, которого разрешалось продавать (с семьей или без нее), дарить, завещать, играть на карты, отдать в солдаты и т.п. Как мне представляется, коллекционирование аболиционистских изданий – это был, в какой-то степени, своеобразный вызов рабовладению и его защитникам. В фонде Воронцовых довольно полно отражена борьба различных социальных и политических групп Великобритании по вопросу о рабстве. В нем мы находим великолепную подборку журналов, памфлетов, воззваний, издаваемых противниками рабства. Ряд публикаций, обнаруженных автором этих строк в бывшей библиотеке семьи Воронцовых, считается библиографической редкостью. Отдельные памфлеты и

журналы не только полностью отсутствуют в других библиотеках СНГ, но даже в Англии они в настоящее время представлены в крайне незначительном количестве...

Томаса Кларксона недаром называли «рабом рабов», так как всю свою жизнь этот человек отдал борьбе с невольничеством. Правда, вскользь я уже о нем упоминал, но фонд Воронцовых хранит такие издания, которые позволяют нам узнать много нового о жизни и деятельности этого аболициониста.

К сожалению, я не нашел документального подтверждения о том, что кто-то из Воронцовых лично знал Томаса Кларксона или с ним переписывался. По всей вероятности, Семен Романович Воронцов в силу своих убеждений интересовался идеями противников рабовладения и не исключено, что в бытность посла мог даже встречаться с известными английскими правозащитниками. В России передовые люди того времени открыто сочувствовали аболиционистскому движению, так как считали, что, поддерживая врагов рабства и угнетения, они тем самым способствуют ослаблению крепостной неволи у себя на родине.

Наконец, тот факт, что в книжной коллекции семьи Воронцовых хранятся многочисленные материалы аболиционистского характера, дает основание полагать: собиратели библиотеки не были безразличны к судьбе Т.Кларксона, признанного лидера противников угнетения африканцев.

Библиотека графов Воронцовых имеет одну очень важную специфику. Прежде всего в ней находятся редкие издания, позволяющие современным исследователям использовать их как источники, главным образом по истории европейских государств. Уже не раз отмечался особый интерес семьи Воронцовых к Англии. По этой стране в их библиотеке можно отыскать самую разнообразную литературу. Трудно себе представить, чтобы собиратели специально интересовались Южной Африкой, однако именно этот регион представлен в фонде разнообразными изданиями. Хотя, с другой стороны, это обстоятельство объясняется тем, что в Англии наблюдался

повышенный интерес к своему колониальному владению, расположенному в южной части Африки. Причины такого явления в политической жизни метрополии читатель еще сможет узнать из последующих работ. А пока попытаемся рассмотреть, что из себя представляли «южноафриканские материалы».

Вполне естественно, что среди множества публикаций, посвященных Южной Африке, работы путешественников занимают важное место. Англичане не даром называли себя «нацией путешественников». В Лондоне к середине 30-х гг. XIX в. большинство стран Востока рассматривалось как будущие владения либо своей Ост-Индской компании, либо находящимися под управлением министерства по делам колонии. В это время в различных районах Земли уже развивался «Юнион Джек», следовательно, десятки подданных Великобритании, отправляясь в далекие путешествия, могли чувствовать себя как дома: в Индии, в Новом Южном Уэльсе, в Вест-Индии, наконец, на мысе Доброй Надежды.

Конечно, цели и задачи английских вояжеров были различны. Однако большинство из них стремилось увековечить свои приключения в неведомых землях. Можно предположить, что именно таким образом появилось большинство опубликованных в XVIII – первой трети XIX вв. «Записок», «Путешествий», «Дневников» и т.п.

Известно, что спрос рождает предложение, и в те времена это было также актуально, как и сейчас. Иными словами, интерес к такого рода чтению был очень велик. А как же иначе: тогда путешествие, например в Африку, было предприятием не только дорогостоящим, но и весьма опасным. Но как хотелось узнать о племенах-людоедах и об экзотической фауне и флоре, героических буднях европейских поселенцев и интимные подробности из жизни местных «царьков»...

Да и время было во многом необычное. Хотя великие географические открытия давно состоялись, но сколько еще неизведанных и загадочных земель ждали своих Колумбов. А разве небольшие географические находки не должны были

волновать сердца и будоражить умы смелых и любознательных жителей Европы?

Англия в те годы была самым передовым государством в мире. Расцвет капиталистической Британии воспринимался ее подданными как неопровержимое доказательство того, что именно эта страна должна указать путь другим народам к процветанию. Кто из юных англичан не мечтал о карьере мореплавателя и в душе не завидовал славе Х.Клаппертона, Д.Денэма, У.Аудни...⁹². Попытать счастье стремились многие, но если не суждено было отыскать неизвестные дотолы земли, то можно было постараться хотя бы пощекотать нервы леденящими кровью описаниями. Да мало ли что можно было написать, вызвав умильный восторг у доверчивого обывателя.

Возникает вопрос: стоит ли тогда доверять мемуаристам-путешественникам, тем более считать их произведения важным источником? На мой взгляд, многое зависит, во-первых, от личности свидетеля описаний; во-вторых, цели и задачи, которые он ставил перед собой, отправляясь в путь; в-третьих, в какой конкретно части света побывал наш писатель-вояжер.

Не секрет, что случались люди, которые называли себя путешественниками, не покидая места своего постоянного проживания. Такие горе-путешественники, владея бойким пером, неуемной фантазией, а также определенными знаниями по географии, этнографии и прочим полезным в этом случае наукам, сочиняли всякого рода «Путешествия» с единственной целью изрядно заработать, удовлетворив спрос на подобную литературу.

Правда, в Англии таких «путешественников» оказалось немного, их было несложно вывести на чистую воду, так как они с трудом могли скрыть источники своих «приключений». Чаще случалось другое: отдельные авантюристы действительно отправлялись в поисках сенсаций, однако, прибыв, скажем, в Восточную Африку, предпочитали отсидеться в Момбасе. Конечно, этот город сам по себе весьма примечательный, но прибывший, не желая рисковать своим

здоровьем, а возможно и жизнью, спасался от полуденной жары в прохладном помещении, где и вел дневник своих «приключений». Отчасти такой автор рассказывал в своем опусе то, что слышал от вездесущих купцов, информированных миссионеров, но мог и кое-что «от себя» добавить.

Наконец, одни регионы британской колониальной империи были богом забытые и белыми поселенцами проклятые земли, другие – представляли собой чуть ли не туристскую Мекку. Так, Кейптаун (прилегающие к этому городу земли) был самым посещаемым путешественниками районом в Африке. Причин для этого немало: начиная от удобного географического положения (на полпути от Европы в Индию) и заканчивая довольно благоприятным для изнеженного европейца климатом и природой.

Понятно, что не только экзотика влекла путешественников в Южную Африку. Для первой трети XIX в. и в последующие десятилетия большинство туристов прибывало в Кейптаун с определенным заданием. Пожалуй, ни одно «Путешествие», имеющееся в Воронцовском фонде и посвященное Южной Африке, не является чисто описательным произведением. Их авторы были миссионеры, чиновники, военные специалисты, ученые-естествоиспытатели, мореплаватели, общественные деятели, коммерсанты.

Я намереваюсь остановиться на некоторых примечательных личностях, оставивших определенный след в изучении Южной Африки. Их сочинения, некогда приобретенные Воронцовыми для своей библиотеки, в настоящее время являются библиографической редкостью. Кроме того, напомнить отдельные эпизоды из жизни и деятельности этих авторов, значит, в какой-то степени отдать должное людям, которых почти позабыли даже на их родине.

В 1857 г. английский журнал «Джентльмен мэгэзин» сообщил о смерти Джеймса Холмэна, который прославился тем, что в течение нескольких десятилетий будоражил общественность своими экстравагантными путешествиями, хотя в Англии той

поры мало кого можно было удивить описанием какой-то заморской страны. В любой книжной лавке стояли солидные фолианты с богатыми иллюстрациями, доступные состоятельным господам, и невзрачные (для тех, кто победнее) брошюры с потрясающими, «почти правдоподобными» морскими приключениями.

Жизнь Джеймса Холмэна вызывала немало пересудов, всякого рода догадок и домыслов. Однако шли годы, и вскоре мало кто в Англии вспоминал, что некогда жил человек, объездивший весь земной шар, написавший увесистые книги, будучи совершенно слепым.

Возможно, что читатели не очень-то и верили, что все это мог совершить незрячий человек. Ведь часто в погоне за сенсацией издатели наделяли своих авторов мифическими качествами. Попытаемся же воспроизвести некоторые факты из биографии незаслуженно забытого англичанина.

Джеймс Холмэн родился 15 октября 1786 г. в семье аптекаря. Холмэны жили в маленьком городке Эксетер, расположенном на реке Экс, близ ее впадения в пролив Ла-Манш. Джеймс был четвертым ребенком в многодетной семье. Унаследовать отцовскую аптеку и ремесло суждено было старшему из сыновей, а Джеймса родители мечтали видеть священником. Но по воскресеньям неугомонного мальчугана вместо церкви можно было встретить в компании подвыпивших «морских волков», давно списанных на берег и коротавших дни в таверне, где они всего за несколько пенсов делились опытом матросской жизни и красочными воспоминаниями своих странствий.

Страсть Джеймса к морю оказалась неистребимой – 7 декабря 1798 г. он добровольно поступил на службу в военно-морской флот. Служить юнгой на английском военном корабле в те годы было делом очень серьезным. Какие только испытания не выпадали на долю совсем еще детей с их неокрепшим организмом и незначительным житейским опытом! Они, зачастую, выполняли самую непривлекательную, но зато очень нелегкую работу. Но стоило мальчишке в чем-то оказаться

нерадивым или как-то не угодить старшему по службе, как тяжелые побои и оскорбительные насмешки сыпались на провинившегося как из рога изобилия. Однако ребята все терпели – такова традиция – стать настоящим моряком, значило не бояться никаких трудностей. А что значили побои и окрики членов команды по сравнению с мечтой, становившейся явью! Так 12-летний Джеймс стал юным матросом на корабле «Король Георг».

С сентября 1799 г. по апрель 1805 г. Холмэн служил в Уэльсе и Северной Америке. 27 апреля 1807 г. ему было присвоено звание лейтенанта. Казалось, молодого офицера ждет блестящая карьера. Но случилось непредвиденное: в возрасте 25 лет Джеймс полностью ослеп. Он, однако, не стал проклинать судьбу, не возненавидел всех и вся, а проявил сильный и мужественный характер. Джеймс поступил в Эдинбургский университет.

И все же спокойная жизнь была не для Холмэна. Его по-прежнему влекли мечты о путешествиях и экзотических странах. Друзья и близкие Джеймса недоумевали: как сможет он отправиться в путешествие, когда даже в собственном доме не обходится без помощи слуги? Тем не менее Холмэн вскоре предпринял поездку по Англии верхом на лошади без чьей-либо помощи.

К предстоящим путешествиям Джеймс готовился тщательно и продуманно. Друзья заказали для него специальную раму, куда закладывался лист чистой бумаги. Рама, изготовленная из легкого металла, имела ряд полос, соответствовавших числу строк тетрадного листа. Холмэн нащупывал полосу и записывал то, что считал нужным. Иногда путешественник диктовал своему секретарю.

Джеймс обладал великолепной памятью и немалыми способностями. В школе, правда, он не очень-то утруждал себя. Но, став непригодным к военной службе, по-настоящему понял, как необходимы ему прочные знания. Подготовка к путешествиям по европейским странам потребовала изучения французского, итальянского, немецкого языков. В

сравнительно короткое время Холмэн овладел иностранными языками, укрепив себя физическими упражнениями.

За 1819-1821 гг. Холмэн объездил Францию, Италию, Швейцарию, частично Германию и Нидерланды. Любознательный путешественник, остроумный и общительный собеседник, Джеймс привлекал к себе людей, охотно делившихся с ним впечатлениями о событиях, которые происходили в их странах и городах.

В 1822 г. на основе путевых записок им была издана первая книга, произведшая большое впечатление на английских читателей⁹³. Обычно в такого рода литературе автор увлеченно описывал увиденные им красоты, например, парижские улицы, дворцы, музеи или шедевры итальянского искусства. У Холмэна все было иначе. Он не мог поделиться с читателем тем, что видел своими глазами. Да и была ли в этом необходимость? Состоятельные англичане, как правило, ездили в Париж и Рим, месяцами сидели в городах континентальной Европы, и все доступные архитектурные и художественные прелести им были знакомы. Джеймс издал беседы с обитателями городов и сел, в которых побывал, пытаясь понять характер народа, сравнить психологию англичан и жителей других европейских стран. Не каменные изваяния и дворцы привлекали путешественника, а люди, их сотворившие. Это было, в известной степени, отходом от традиций.

Вместе с тем Дж. Холмэн не обходил молчанием важные события, происходившие в странах, которые он посещал. Но и в этом случае путешественник предпочитал больше излагать свое отношение к происходящему исходя из собственных общественно-политических убеждений.

Окрыленный успехом и вниманием читающей публики, Джеймс спешно стал готовиться к новой поездке. Когда он сообщил друзьям, что намеревается отправиться в Россию, те решили, что Холмэн шутит. Однако путешественник объявил, что не ограничится посещением европейской части империи, хорошо известной в Англии по многочисленным описаниям очевидцев, а надеется пересечь Сибирь, о которой ходили

легенды, как об ужасном крае, где живут «ссылльные разбойники и царицы недруги». На обратном пути Холмэн собирался побывать в Польше, Австрии, Саксонии, Пруссии и Ганновере. Его уговаривали отказаться от тяжелой поездки, пугали холодным климатом, «дикими» нравами, придирчивыми и корыстолюбивыми чиновниками. Но Джеймс был непреклонен.

В сентябре 1822 г. он спустился с трапа английского корабля, бросившего якорь в Петербурге. Подробности путешествия по России были описаны им в книге, вышедшей в Лондоне в 1825 г.⁹⁴.

Холмэн знал, что англичан обязательно заинтересует его рассказ о достопримечательностях столицы России, имевших отношение к Петру I – царю-реформатору, о котором на Британских островах были достаточно наслышаны. Напомнив, что Петербург своим рождением обязан этому монарху, Джеймс приглашал читателей посетить Кунсткамеру, рассказав, как создавался русский военно-морской флот. Как бывший моряк, Холмэн восхищался адмиралами Ушаковым, Сенявиным, русскими кораблями, бороздившими мировой океан.

Дж. Холмэн не мог не знать о замечательном русском мореплавателе В.М.Головнине (1776-1831). Василий Михайлович совершил два кругосветных путешествия (1807-1809; 1817-1819), проявив при этом мужество и высокие качества моряка. Русский путешественник и ученый-исследователь в течение почти 26 месяцев находился в японском плену (1811-1813), изучая язык, быт и нравы враждебного России государства. В.М.Головнин достаточно подробно описал свои путешествия и заключения, ставшие известными далеко за пределами России.

Мне представляется, что английский путешественник во многом пытался подражать русскому коллеге, искренне восторгаясь его находчивостью и хладнокровием, в частности, когда корабль, возглавляемый Головниным, был задержан Британскими властями на мысе Доброй Надежде (1808 г.).

В аристократических салонах Петербурга быстро разнеслась весть о прибытии слепого английского путешественника, бывшего морского офицера. Вскоре Холмэн превратился в «модного джентльмена». Его наперебой приглашали в дома столичной знати. Джеймса поражали богатство и расточительность «их сиятельств», обилие слуг во дворцах, великолепные балы. По его мнению, даже самые знатные английские лорды не могли соперничать с петербургскими вельможами в умении жить на «широкую ногу», тратя огромные деньги. Холмэну удалось, прибывая в столице империи, ознакомиться с некоторыми русскими обычаями. Он присутствовал на свадебной церемонии, при крещении младенца.

В марте следующего года путешественник прибыл в Москву. Упоминание «второй столицы» Холмэн связывал с недавними событиями Отечественной войны 1812 г. Джеймс напомнил соотечественникам, что, когда Наполеон лишь только говорил о вторжении на Британские острова, значительная часть населения уже была в панике. Русским же пришлось столкнуться с сильным врагом в бою на своей земле, отмечал Холмэн. Несмотря на временные неудачи, Наполеон не сумел парализовать их волю и мужество. Отдельная глава была посвящена непосредственно событиям 1812 г. Рассказывая о характере русских, Джеймс отмечал такие черты, как «жизнерадостность, дружелюбие и сердечность». Однако путешественник не питал иллюзий, будто в России «только веселятся».

Холмэн подчеркивал: «Население России делится на два класса: дворян и крестьян». Значительное место в своем описании он уделил положению крепостного крестьянства, с возмущением отмечая, что в России можно продавать людей, как скот. Он считал, что это «недостойно цивилизованной нации», что такое состояние значительной части населения является «незаконным и унижительным».

Дж. Холмэн все это подметил совершенно справедливо. Между тем в России в то время так высказываться могли либо

декабристы, либо те, кто им откровенно сочувствовал. Другое дело английский подданный, который и у себя на родине мог свободно «склонять» правительство Его величества, не опасаясь последствий. Напомню: в Англии с крепостничеством было покончено еще после восстания Уота Тайлера (1381 г.).

Судя по воспоминаниям путешественника, поездка в Сибирь была самым волнующим событием в его полной приключений жизни. На протяжении всего долгого пути от Москвы до Тобольска местные жители с нескрываемым любопытством взирали на незрячего иностранца, который живо интересовался их бытом, историей края, достопримечательностями. Далее путь лежал через Томск, Красноярск, Иркутск, Джеймс добрался даже до Якутска, который стал последним пунктом его сибирской одиссеи. Холмэн просил, чтобы его просвещали относительно быта и жизни местных жителей, их одежды, пищи. Он также ознакомился с особенностями характера аборигенов, их языками, культурой.

На обратном пути Холмэн проехал через Белоруссию, Польшу, Германию. Здесь он особо отметил скученность и бедность еврейских местечек, несправие их обитателей. Английский вояжер узнал, что в результате третьего раздела Польши (между Австрией, Пруссией и Россией) в 1795 г. к России были присоединены Западная Белоруссия, Литовские земли и Волынь. Таким образом, на территории Российской империи оказались тысячи евреев, ранее проживавших в Польше. Екатерина II, не желая расселения еврейской бедноты в глубь России, учредила пресловутую «черту оседлости». На собственно российских землях разрешалось селиться только состоятельным купцам или лицам, получившим высшее образование, а таковых среди евреев в то время было крайне незначительное количество.

Летом 1824 г. Джеймс Холмэн вернулся на родину. Но не прошло и месяца, как неутомимый путешественник стал обдумывать новый маршрут. Он рассчитывал посетить Америку, южную часть Африки, Дальний Восток и Австралию.

Эта поездка была описана им в книге «Кругосветное путешествие», опубликованной в 1834 г.⁹⁵.

Наибольшее внимание Холмэн уделил Южной Африке. В Капской колонии путешественник провел значительно больше времени, чем в других странах. Кроме того, Южная Африка, превратившаяся в 1820 г. в переселенческую колонию, вызывала у английских читателей повышенный интерес.

Холмэн вступил на берег мыса Доброй Надежды в напряженное для колонии время. Еще не утих скандал, связанный с пребыванием лорда Сомерсета на посту губернатора, а уже у части белого населения Капской колонии назревало недовольство деятельностью южноафриканских аболиционистов во главе с Дж. Фейерберном и У. Райтом... Холмэну обо всех кейптаунских новостях поведал его друг Джордж Томпсон, написавший любопытную книгу о Южной Африке, в которой осуждалось поведение буров, жестоко угнетавших коренное африканское население⁹⁶. В Кейптауне Холмэн встретился также с видным общественным и государственным деятелем Англии, филантропом и историком С.Бэннистером. Стоит ли удивляться тому, что среди знакомых Холмэна в Южной Африке в основном были противники рабства и угнетения, если вспомнить его резкую критику крепостного права в России?

Джеймса в одинаковой степени интересовали и белые поселенцы, и коренное население страны. В сопровождении ван Ренана, семья которого считалась старейшей в белой общине Южной Африки, Холмэн посетил некоторые наиболее примечательные районы страны. Он сочувственно описывал те африканские племена, положение которых «ничем не лучше состояния невольников». Тем не менее английский путешественник верил в «добропорядочность» своего правительства, в торжество справедливости. Об этом он говорил при встрече с миссионерами У.Райтом и У.Шоу. Расставаясь с Южной Африкой, Холмэн заверял провожавших его друзей, что он будет рад через некоторое время вновь посетить эти места. Но после непродолжительной поездки в

Новую Зеландию Джеймс, уставший и больной, возвратился в Лондон, где вскоре умер.

Джеймс Холмэн провел большую часть жизни в путешествиях. Он доказал, что человек может победить тяжелый недуг и осуществить свою заветную мечту, если у него сильный характер и хорошие друзья.

Холмэн верил в братство людей независимо от их религиозных убеждений, цвета кожи, обычаев. Английский путешественник с уважением относился к странам, народам и племенам, которые встречались на его пути. Нам и сейчас дороги и понятны идеи человека, призывавшего к дружбе между народами, выступавшего в защиту человеческого достоинства.

И, наконец, последнее: в библиотеке Воронцовых произведения Дж.Холмэна представлены почти полностью, однако об этом замечательном человеке у нас мало что известно. А впрочем, чему удивляться: сколько прекрасных личностей подарила миру Россия, а некоторые из них все еще остаются в неизвестности. Но хочется верить, что со временем историческая справедливость восторжествует, и читатель откроет для себя новые имена, восхищаясь жизнью и деяниями достойных людей.

В 1836 г. в Лондоне вышли двухтомные «Путешествия и приключения в Восточной Африке», на которые не сразу обратили внимание⁹⁷. А между тем их автор и содержание его сочинения заслуживали пристального внимания. Правда, к тому времени английские читатели были избалованы обилием описаний, авантурных походов различных «джентльменов удачи», путешественников, женщин, переодевавшихся в мужское платье, и наоборот... Только успевай определить, где истина, а где откровенная фантазия автора. В то же время активная колониальная политика Великобритании требовала все новых описаний предполагаемых объектов экспансии. В таких трудах-справочниках испытывали нужду многие: от чиновников колониального ведомства до заурядных обывателей, подумывавших о возможном переселении в «теплые и богатые страны».

Таким образом, отдельные авторы, отправляясь в путешествие, ставили перед собой вполне определенную задачу: написать увлекательную книжку, рекламирующую то или иное английское владение переселенческого типа.

Натаниэль Айзекс, автор «Путешествий и приключений», был человеком необычной судьбы и удивительного характера. Несколько строк, которые я уделю этому путешественнику в рамках данной главы, скорее всего не дадут о нем должного представления. Однако я убежден в том, что жизнь и деятельность автора «Путешествий и приключений» заслуживают серьезного исследования.

Натаниэль Айзекс родился в Кентербери в 1808 г. в зажиточной еврейской семье. Но уже в юные годы будущий путешественник обнаружил страсть к авантурным (в английском понимании этого слова) увлечениям, что было нетипично для людей его круга. Едва Натаниэлю исполнилось 14 лет, как он покидает отчий дом, где его заставляют заниматься «скучными» делами. Юноша отправляется к своему дяде, Саулу Соломону, жившему в то время на острове Св. Елены. Молодому человеку казалось, что жизнь на сказочном острове, расположенном в южной части Атлантического океана, будет намного интереснее, чем в городе, являвшемся резиденцией английского архиепископа. А если к этому добавить, что на острове все напоминало о великом Наполеоне, который отбывал здесь ссылку и умер в 1821 г. незадолго до приезда Айзекса. Какое сердце не будет биться учащенно при мысли, что ты ходишь теми тропинками, которыми хаживал гениальный полководец, любишь закаты, которые наблюдал некогда непримиримый враг Британского могущества... Просьбы и доводы родителей оказались тщетными. Натаниэль с юности демонстрировал настойчивый и целеустремленный характер.

В 1825 г. Айзекс по совету своего дяди, имевшего связи с Капской колонией, отправляется в Южную Африку. С.Соломон посадил своего семнадцатилетнего племянника на бриг «Мэри», которым командовал капитан Кинг и которому

суждено было сыграть немаловажную роль в жизни своего пассажира. Кто не знает, что судьба иной раз преподносит такие сюрпризы, которые трудно себе представить даже во сне. Вместо того, чтобы попытаться счастье в процветающем Кейптауне, Айзекс оказался в резиденции грозного зулусского «короля» Чаки (1787 - 1828). Об этом правителе ходили невероятные слухи, где, как правило, факты перемешивались с фантастическими домыслами. Однако действительность была такова, что английские колониальные власти на мысе Доброй Надежды с определенным беспокойством следили за военными успехами своего северного соседа, сумевшего за сравнительно короткое время объединить под своей властью десятки мелких племен и создать крупное государственное образование.

Натаниэль, конечно же, слышал о Чаке, пребывая в столице Капской колонии, однако появление молодого англичанина в «королевском» краале не было кем-то инспирировано. Айзекс решил предстать перед зулусским правителем в роли миссионера. В сущности, Натаниэль был прав, избрав такую форму деятельности на земле этих африканцев. И отнюдь не потому, что зулусы горели желанием побыстрее приобщиться к «истинной» вере. Работа миссионера еще в начале прошлого века и тем более в африканской глубинке была поистине универсальной и героической в одно и то же время. Миссионер обязан был уметь все: лечить и учить, строить и, если надо, воевать. Вместе с тем «служитель бога» должен был учиться туземным языкам и своеобразным обычаям, проявлять дипломатический такт, а также настойчивость и твердость в преодолении непредвиденных трудностей.

Надо признать: Айзекс сумел победить не только бытовые неудобства, но главное – подозрительность зулусского вождя и его окружения. Вряд ли Натаниэль всерьез рассчитывал преуспеть на миссионерском поприще, понимая, что христианские догмы чужды и непонятны зулусам. Зато африканцы оценили дружелюбие своего пастыря, его храбрость. Ведь Айзекс был даже ранен, принимая участие в войнах, которые вел Чака.

Но главным оружием этого человека оказалась наблюдательность. Натаниэль многое заметил: огромный авторитет Чаки среди соплеменников и коварство своих соотечественников, стремившихся любой ценой обмануть радушных хозяев. Автор «Путешествий и приключений», несмотря на молодость, сумел отбросить господствовавшие в то время предрассудки и во многом понять и оценить зулусского вождя.

Айзекс оказал немалую услугу африканистике, описав свое пребывание среди зулусов (с 1825 по 1832 гг.). Читатели, ознакомившиеся с содержанием «Путешествий и приключений», не только более трезво стали представлять себе жизнь одного из южноафриканских племен, но и деятельность своих соотечественников, оказавшихся среди зулусов.

Теперь отвлечемся от событий, происходивших в XIX в., и перенесемся в наше время. В 1974 г. в Москве, в издательстве «Молодая гвардия», в популярной серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга М.А.Брухнова «Чака»⁹⁸. Можно было только приветствовать, что советский автор, кстати, впервые в нашей стране, издал работу, посвященную этому выдающемуся зулусскому вождю. Однако за несколько лет до выхода книги Брухнова была переведена на русский язык и издана известная монография Э.А.Риттера, также рассказывающая о жизни и деятельности Чаки⁹⁹.

Публикация почти одновременно двух работ на одну и ту же тему обычностораживает, и читатель вправе ждать от автора последнего издания новых открытий, в крайнем случае, неизвестных ранее фактов или оригинальных выводов. К сожалению, М.А.Брухнов не счел нужным даже ознакомиться с необходимыми для исследователя изучаемой проблемы источниками. Здесь автор этих строк имеет в виду «Путешествия и приключения» Н.Айзекса и «Дневник» Г.Ф.Финна¹⁰⁰. Правда, Брухнов в своей книге упоминает Айзекса, однако этот автор заметил лишь «явное иудейское вероисповедание» Натаниэля¹⁰¹. Брухнов оказывается возмущен тем, что «ради приобщения бедных зулусов к

христианству он поступился даже своей собственной верой»¹⁰². Подумать только, какое «преступление» совершил семнадцатилетний юноша, решив стать христианским миссионером для того, чтобы отправиться к зулусам, в то время диким. Позвольте еще несколько слов по этому вопросу. Нередко случалось, что для достижения гуманных целей и прежде всего в интересах своей Отчизны люди должны были жертвовать «своей верой», видимо, отдавая отчет в том, что поменяв одни предрассудки на другие, нельзя изменить поставленной цели и тем более служению своему народу и Человечеству. За примерами, как говорится, далеко ходить не надо. Если бы еврейский юноша Генрих Гейне не был вынужден перейти в христианство, смог бы он в тех условиях стать великим поэтом, обессмертившим не только свое имя, но и национальную немецкую литературу? Имела бы Великобритания такого выдающегося государственного деятеля, каким по праву считается Бенджамин Дизраэли, если бы не конфессиональный компромисс, на который он должен был пойти? А Россия... Еврейство здесь твердо придерживалось веры своих отцов; с другой стороны, власти отказывали своим подданным «иудейского вероисповедания» в гражданских правах. Но достаточно было братьям Рубинштейнам записаться в казенных бумагах, что они-де «православные» (пресловутой графы «национальность» в царской России не существовало – И.Ш.), как страна получила выдающихся музыкантов и педагогов, а в лице Антона Григорьевича – к тому же прекрасного композитора и администратора. И этот перечень великих имен можно продолжить.

Но вернемся к книге Брухнова. Этот советский автор говорит об участии Айзекса в войне с противниками Чаки, но и здесь больше иронии и неприязни, чем вдумчивого отношения к тем или иным поступкам молодого британца¹⁰³.

Не повезло Айзексу и с другим советским исследователем И.И.Потехиным, который видел в Натаниэле человека, способного на подвох и корыстолюбие¹⁰⁴. Возможно, такое,

мягко говоря, подозрительное отношение к Н.Айзексу у отечественных авторов связано с негативным отношением к миссионерству в целом, что было характерно для советской историографии. Кроме того, существовала также традиция видеть в английских подданных, где бы они ни пребывали, либо колонизаторов, либо «проводников колониальной экспансии». Если бы у зулусского «короля» в то время оказался русский путешественник, также желавший обратить туземцев в христианство, можно себе представить, сколько доброжелательных эпитетов понадобилось бы нашим историкам для характеристики его деятельности.

Мы нередко забываем, что Айзекс, Кинг, Финн и им подобные были людьми своего времени. На формирование их взглядов и обычных житейских представлений оказывали влияние социальная среда, этические нормы той эпохи, особенности политического и экономического развития страны проживания, состояния культуры и т.д. В то же время это были во многом разные люди. Айзекс, например, решительно осуждал надувательство зулусов и их вождя. Не секрет, что немало европейцев покидало уютные дома и отправлялось в рискованный вояж ради обогащения. Это было вполне в духе времени. Однако Айзекс не стремился разбогатеть за счет африканцев. Напротив, такие, как он, готовы были жертвовать своим благополучием ради гуманной цели.

Что же касается дальнейшей судьбы Айзекса, то с 1831 г. он жил в Лондоне, где написал и издал свой замечательный труд. Шли годы, но любовь к Африке и ее жителям у Натаниэля оказалась сильнее цивилизованных благ родной Британии. Он переселился в Сьерра-Леоне, и только тяжелая болезнь вынудила Айзекса вновь переехать в Англию, где он и умер в 1872 г.

Другие авторы «Путешествий», о которых в дальнейшем еще будет сказано, не оказались такими яркими личностями, как Дж.Холмэн или Н.Айзекс. Тем не менее и они внесли свою лепту в то, чтобы Южная Африка стала нам ближе, а ее проблемы понятнее. Так вот: в бывшей Воронцовской

библиотеке находится небольшая по объему книга, о которой мне хочется кое-что рассказать, завершая эту главу.

Если судить по названию – «Сцены и происшествия в Олбане и Кафферленде, Южная Африка», то нетрудно догадаться, что упомянутое издание посвящено интересующему нас региону¹⁰⁵.

Но это отнюдь не главная причина, из-за которой читателю предлагается узнать новую историю о малоизвестной книге. Дело в том, что «Сцены и происшествия» во многом необычная работа, и, возможно, история ее создания будет интересна не только автору этих строк. Правда, мне могут резонно заметить, что многие издания, хранящиеся в Воронцовском фонде, чем-то примечательны. И это соответствует действительности. Однако книга, о которой идет речь, интересна по ряду причин.

Некоторое время тому назад, мне, тогда только начинающему исследователю по истории Южной Африки, попала на глаза анонимно изданная книга, интересная своим неординарным содержанием. Естественно, захотелось узнать: кто ее автор? В начале расследования этой проблемы мне было известно не так уж много. В год, когда книга «Сцены и происшествия» была издана, появились и другие работы, посвященные Южной Африке. Но на эту тоненькую книжку обратили особое внимание. Судя по отзывам английских читателей того времени, книга многим пришлась по душе, вот только с авторством оказалось немало проблем.

Конечно, в Англии издавна существовала традиция при желании публиковать свой труд анонимно. Одни скрывали свое имя по политическим соображениям, другими двигал коммерческий расчет. Честно говоря, содержание «Сцен и происшествий» не предполагало каких-либо неприятностей для автора. Британские подданные могли себе позволить открыто публиковать куда более нелюбимые для правительства вещи. Иногда складывалось впечатление, будто автор книги сам способствовал появлению всяких слухов, порой, самых невероятных, относительно своего детища. Например, поговаривали, что «Сцены и происшествия» написала некая девица из Кейптауна, которая, переодевшись в мужское платье,

лихо охотилась на диких зверей, сражалась с племенами людоедов. Надо ли говорить, что все эти салонные сплетни быстро стихали, уступая новым домыслам и догадкам. Тем не менее никто не знал, кто создал это произведение и все ли, что в нем сообщается, соответствует фактам. Скорее всего читатели, ознакомившись с содержанием «Сцен и происшествий» и обсудив новые слухи относительно их авторства, вскоре переключались на очередную книгу с авантурным сюжетом. Но каково было автору этих строк, рассматривавшему найденный у Воронцовых бестселлер прошлого века, как источник определенной информации, исходивший от непосредственных участников событий.

Конечно, окажись у меня возможность, я отправился бы в Лондон, поднял архивы издательской фирмы Уильяма Марша и, кто знает, как бы завершились эти изыскания. В то же время настораживает одно немаловажное обстоятельство. Один из основателей англоязычной историографии, крупнейший знаток источников и автор солидных исследований по истории Южной Африки, Джордж Тил, в своем «Каталоге книг и памфлетов» не сообщает имя автора этой работы, хотя в других случаях он раскрывал анонима¹⁰⁶. Возможно и так: в издательстве могли не знать, кто автор присланной рукописи. Им был более важен доход от издаваемой книги.

Проанализировав содержание «Сцен и происшествий», а также сравнив с тем, что было написано о Южной Африке в тот период, я пришел к мнению: один из миссионеров Лондонского общества Джон Броунли (1791-1871) мог быть автором этой книги. Но поспешу сразу сообщить: в действительности преподобный Броунли к созданию этой работы отношения не имеет. Однако в свое оправдание замечу: Джон Броунли действительно жил в той же местности и в то же время, о которых говорится в «Сценах и происшествиях», встречался с вождями племен и даже дружил с Нгкикой, которому посвящена специальная глава, интересовался повадками диких зверей, ходил в сопровождении аборигенов на охоту, что также нашло отражение в книге. Наконец, предполагаемый мной

автор был в самых дружеских отношениях с европейцами и обладал известными литературными способностями. Достаточно в этой связи отметить, что известный нам Дж.Томпсон «по дружбе» использовал для своего двухтомного «Путешествия» некоторые материалы, предоставленные Броунли.

В то же время меня смущало следующее: в тексте самой книги неоднократно встречается имя предполагаемого автора. Но кто может запретить сочинителю упоминать себя в собственной работе и разве мало книг, в которых автор о себе пишет в третьем лице? Да, Джон Броунли был талантливым человеком и известным миссионером. Его хорошо знали в белой общине Южной Африки, и часто упоминали о нем в своих сочинениях тамошние авторы. То обстоятельство, что близкие к Дж.Броунли люди в своих воспоминаниях не указывали его как автора «Сцен и происшествий», лишний раз служило веским основанием для моих опасений.

Например, южноафриканский поэт и журналист Томас Прингл (1789-1834) был хорошо знаком с этим миссионером, часто писал о его разносторонней деятельности в Южной Африке, но нигде даже словом не обмолвился о том, что тот работал над подобной книгой.

Тогда кто же автор и зачем ему понадобилось скрывать свое имя? Еще в конце 50-х гг. прошлого столетия южноафриканский исследователь Артур Кеппел-Джонс обнаружил в библиотеке им.Кори университета Родса (ЮАР) большое количество писем Томаса Филипса, видного общественного деятеля Капской колонии 20-х гг. XIX в. Оказалось несложным установить, что Филипс прибыл на мыс Доброй Надежды в 1820 г. Он и члены его семьи писали эти письма его сестре Кэтрин и другим родственникам в Англию и Уэльс между 1820 и 1830 гг. В 1960 г. А.Кеппел-Джонс издал пятитомное собрание писем под названием «Филипс, поселенец 1820 г.». Во введении он утверждал, что Кэтрин использовала письма брата для составления книги «Сцены и происшествия», причем в такой степени – это подтверждается

фактами, – что есть основания считать ее автором именно Филипса¹⁰⁷.

Но несколько лет спустя южноафриканская исследовательница П.Фолиот, опираясь на сведения из музея Берлинского университета им.Гумбольдта, высказала мнение, что у Филипса мог быть соавтор-купец из Кейптауна Г.Резерфорд, который принимал активное участие в оказании помощи колонистам, пострадавшим от стихийного бедствия. Он совершал поездки по различным районам Южной Африки и как будто находился в Олбани с августа по декабрь 1825 г. – в период, к которому относятся события, описанные в «Сценах и происшествиях».

Вот еще одно доказательство причастности Резерфорда к этой книге. Со страниц изданного в 1953 г. Джойсом Мюрреем тома писем дочери купца Эммы под названием «В полувикторианском Кейптауне» Резерфорд предстает как преуспевающий коммерсант с литературными способностями, сведущий в общественных делах. Прибыв в Южную Африку в 1818 г. в возрасте 23 лет, он живо интересовался филантропическим и культурным движением в Капской колонии, как распорядитель фонда Общества помощи бедствующим поселенцам совершил поездку в район, где жили английские колонисты. Письма Филипса свидетельствуют, что их автор путешествовал всего около пяти недель, а в книге поездки продолжают более одиннадцати недель. Таким образом, вполне допустимо, что часть материалов заимствована из дневника Резерфорда.

Пожалуй, среди наиболее интересных страниц «Сцен и происшествий» – рассказы охотников на львов. Как тут не вспомнить отдельные эпизоды из произведений Т.Прингла, где приводятся любопытные истории об этих животных с намеками на то, что они очень заинтересовали друзей автора! Перебрав знакомых Прингла, нельзя не прийти к выводу, что таким заинтересованным лицом мог быть прежде всего Дж.Томпсон. Во втором томе «Путешествий» Томпсон предлагает читателю объемистое приложение, где значительное место отведено рассказам о южноафриканской

фауне, особенно о львах. В конце приложения стоят инициалы Т.П. – Томас Прингл.

Тут все ясно: Томпсон использовал представленные ему Принглом материалы, и никто из этого не делал секрета. Оказалось, что еще в 1824 г. Прингл опубликовал в «Южноафриканском журнале» большую статью под названием «О характере и особенностях некоторых диких животных Южной Африки», а во втором номере этого же журнала – статью о знаменитой эйлдонской охоте на львов. Тогда возникает вопрос: откуда Прингл черпал такую подробную информацию, если сам не был в состоянии принимать активное участие в охоте?

Правда, ему доводилось случайно сталкиваться с «царем зверей» и проявлять при этом незаурядное мужество, но – главное – среди его многочисленных знакомых были профессиональные охотники и просто любители приключений. Особой известностью пользовались трое братьев Мюллеров, которые часто гостили у Принглов. Эти статные, красивые мужчины описаны в седьмой главе «Сцен и происшествий», целиком посвященной львиной охоте, в которой, как явствует из текста, участвовал и Джордж Ренни¹⁰⁸ – родственник жены Прингла, прибывший в Южную Африку вместе с семьей поэта в 1820 г. Он присутствовал на эйлдонской охоте и мог рассказать о ней Томасу. Ее подробности позднее легли в основу стихотворения Прингла «Охота на льва» (по предложению автора шкуру убитого гигантского зверя послали в подарок Вальтеру Скотту).

Здесь уместно прервать рассказ о поисках автора примечательной книги и дать возможность читателю представить себе, как происходила охота на львов. Стихотворение Т.Прингла довольно точно воспроизводит один из эпизодов охоты, когда был убит очень крупный зверь. В «Сценах и происшествиях», как уже отмечалось, имеется описание этого происшествия.

ОХОТА НА ЛЬВА.

Собирайтесь на охоту,
Бросив все свои заботы,
Взяв копье лишь и мушкет:
Обнаружен львиный след!

Кличь-ка Койцера и Хруппе,
И Эккард не лишней в группе,
Мюллер с рыжей шевелюрой,
Аренд с Лукасом ван Вуром.

Поспеши и в Эйлдон-Клеф,
В рог труби, сзывая всех:
Синглер там, Али, Дугал,
Дикоп... Джордж чтоб не проспал!

Пусть ружье свое слоновье
Он возьмет. Ему не внове
В переделках быть лихих –
В нем отваги на двоих.

...И пошли за готтентотом.
Вон во рву белеет что-то,
Где прервался львиный след.
Это ж лошади скелет!

Ну а вот теленка кости –
Приходил разбойник в гости.
Лишь рука была б верна,
Он ответит нам сполна.

Эй, стрелок, проверь подпругу,
Чтоб не слабо и не туго!
Предстоит сраженьё ныне...
И охотничьей долиной,

Пробираясь сквозь кусты,
Мимо скал, где с высоты
Клекот слышится орлиный,
Где родник бьет буйволиный,

Мы идем вперед, вперед –
След над пропастью ведет.
И привел к густым кустам.
Хриплый рык раздался там

И на детский плач похож,
Львят беспомощных скулеж.
Верно все, сомнений нет –
К логову нас вывел след.

Лев – один, а мы – гурьбою
Устремились к месту боя,
Растянулись полукружьем –
И на изготовку ружья.

Мюллер с Реннисом, вперед!
Больше шума, эй, народ!
Шум и крик, а не слова
Испугать способны льва.

Из кустов как будто пламя
Вдруг взметнулось перед нами,
Дикий рев листву потряс,
Взгляд испепеляет нас.

Есть ли зверь, его страшней?
Целься в голову верней!
Копья к бою и ножи –
Наготове все держи!

Глотки дружно крик исторгли:
«Помогай, святой Георгий!»
Смело, парни, ружья в ход,
Дружно двинулись вперед!

Зверь упал, траву скребет...
Увалень Безюнденхот
Подвернулся льву под лапу,
Кровь из раны стала капать,

А у льва – ручьем бежит.
Все! Конец! Издох, бандит.
Ну а мы горды собою –
Не бывать теперь разбою.

Время движется к обеду.
Отмечаем мы победу
Фляжкой доброго вина.
Торжеством душа полна.

Поручу-ка я ван Вуру
Завтра снять со зверя шкуру –
Сэру Вальтеру скорей
Дар отправить от друзей¹⁰⁹.

...Важно учесть, что из лиц, часто видевших Прингла, Ренни был самым осведомленным в охотничьем деле. Г.Резерфорд тоже познакомился с Ренни, между ними в декабре 1825 г. состоялась беседа, правда кратковременная, тогда как Принглы и Ренни были не только родственниками, но и близкими соседями в течение трех лет.

Трудно не заметить большое сходство рассказов о похождениях братьев Мюллеров в произведениях Т.Прингла, с одной стороны, и в книге «Сцены и происшествия» – с другой, вплоть до отдельных выражений...

Собственно, у меня уже есть ключ к загадке: почему Т.Филип пытался сохранить в тайне авторство «Сцен и происшествий». В январе 1826 г. он передал Принглу рекомендательное письмо к своей сестре. По приезде из Кейптауна в Лондон Томас, по-видимому, взял на себя труд отредактировать хранившиеся у Кэтрин материалы, включив в произведение и собственные увлекательные фрагменты.

Казалось, не разглашая своего участия в издании книги, Прингл помог запутать вопрос об ее авторстве. Но, действительно, кто из упомянутых выше людей мог бы приписать ее только себе? Надо думать, никто из них к этому и не стремился. Филип и его сестра, Прингл и Резерфорд – все они внесли определенный вклад в создание книги, понимая, однако, что их соавторами по праву являются храбрые охотники брата Мюллеры, бесстрашный Ренни. Вот и было негласно решено: раз главный герой «Сцен и происшествий» – Южная Африка, пусть ее авторами будут все поселенцы 1820 г. – бывшие фермеры из Шотландии и Уэльса, бедняки с лондонских и ливерпульских окраин, старавшиеся способствовать развитию экономики и культуры Капской колонии, не желавшие мириться с деспотизмом властей, осуждавшие рабство и угнетение. Поистине – книги, как и люди, имеют свою судьбу.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Если взглянуть в энциклопедический словарь «Книговедение», то относительно экслибриса (от лат. *ex libris* – из книг) можно прочитать следующее: «Книжный знак – бумажный ярлык, наклеиваемый владельцами библиотек на книгу; обычно на нем обозначены имя и фамилия владельца и рисунок, лаконично и образно говорящий о его профессии, интересах или о составе библиотеки».

Так вот: экслибрис графов Воронцовых говорит о родовитости фамилии, ее знатном происхождении и влиянии. Но самое, на мой взгляд, примечательное – латинская надпись на книжном

знаке, которая гласит: «*semper immota fides*». Ее можно перевести так: «Всегда непоколебима верность».

Воронцовы не случайно избрали своим книжным изречением такое емкое по смыслу выражение. Что это: верность фамильной традиции собирать редкие книги или верность гражданскому долгу, когда в каждом поколении этой семьи рождались свои герои? Мне представляется: стремление собирать все лучшее, что можно было отыскать в книжных лавках Европы, и в то же время честно служить Отечеству – две стороны одной медали. Не ради личного обогащения или славы создавалась уникальная библиотека, а ради желания приумножить духовные и культурные ценности России. И Воронцовы своего добились.

Сколько радостных мгновений доставляет Воронцовская библиотека своим читателям, сколько интересных открытий было сделано пытливыми исследователями и сколько еще волнующих встреч с редкими изданиями ожидают каждого, кто готов без усталости рыться в безбрежном книжном море!

В настоящее время наша страна переживает трудное время. Казалось бы, не до библиотек. А между тем экономические неурядицы в конце концов закончатся, и многие проблемы будут успешно решены. Однако нельзя допустить, чтобы государство, любой ценой стремящееся выйти из экономического кризиса, окончательно разрушило бы свое национальное достояние, каким, в частности, являются библиотеки. Безразличное отношение к книжным сокровищам, которых у нас, к счастью, сохранилось немало, может обречь наше будущее на духовное и культурное прозябание. Потомки нам этого не простят.

Глава II

Зулусский вождь Кетчвайо – гроза английских колонизаторов

«Черным Наполеоном» называют Чаку (1787-1828), вождя племени зулу, жившего в то же самое время, что и французский император Наполеон Бонапарт (1769-1821). У этого африканца был блестящий полководческий талант. Ему удалось за сравнительно короткое время увеличить подвластную территорию со 100 кв. миль до 200 тыс. кв. миль, а его войско – с 500 чел. до 50 тыс.

Чака объединил многие родственные племена и создал сильное государство, завоевав обширные территории в районе Натала – ныне одной из провинций ЮАР.

Однако главным героем этого исследования является Кетчвайо, племянник Чаки, ставший в 1872 г. правителем Зулуленда. Решив возродить былое величие зулусов, Кетчвайо неизбежно должен был столкнуться с грозным противником – британским колониализмом. В конце концов он добился личного триумфа, но и стал свидетелем трагедии своего народа.

А много ли мы знаем об этих людях? Конечно же, очень мало, и это неудивительно, поскольку об африканцах писали в основном европейцы – англичане, французы, португальцы..., стараясь в своих исследованиях соответствующим образом объяснить исторические события и факты. Например, Чака и его преемники изображались как «кровожадные тираны», а колониальные чиновники чаще всего представляли перед читателем как «европейски образованные джентльмены» и «поборники справедливости».

Нельзя не согласиться с английским миссионером и исследователем народа зулу А.Т.Брайантом, отмечавшим: «Народ зулу не имеет писаной истории. Если мы оглянемся всего только на полтора столетия назад, то окажемся уже в его доисторической эпохе, от которой дошли только недостоверные и туманные предания.

Представим себе на мгновение, что европейский мир не обладает ни письменностью, ни археологическими памятниками. Тогда для нас никогда бы не существовали ни Вавилон и Египет, ни Греция и Рим. Философские идеи Платона и поэтические образы Шекспира до нас не дошли бы и были бы навсегда потеряны; все знания, приобретенные и накопленные людьми, не сохранились бы и не получили бы никакого распространения. Человеческая мысль, опыт, деяния и подвиги – все это было бы навсегда предано забвению».

В настоящее время интерес к Южно-Африканской Республике все еще очень велик. Это объясняется не только своеобразием политической структуры, экономическим потенциалом или разнообразием и обилием недр страны. Прежде всего богата и поучительна история Южной Африки, ее многочисленных народов, представляющих различные расы человечества.

1. Сенсационная публикация в английском журнале.

Можно ли было удивить британского читателя конца прошлого века какими-либо новостями? Ведь почти ежедневно десятки

английских газет и журналов потчевали своих подписчиков «совершенно секретными» и «абсолютно достоверными» известиями. Тем не менее то, что исследуется в данной работе, не смогло утонуть в море сообщений, нередко имевших привкус великодержавного шовинизма. Обратимся к фактам...

В начале 1880 г. в Великобритании все еще не могли забыть события, вызвавшие у одной части ее подданных чувство стыда и раскаяния, у другой – очередной прилив шовинистической гордыни. Речь идет об англо-зулусской войне 1879 г. Неудивительно поэтому, что «Рассказ Кетчвайо о зулусской нации и войне», опубликованный на страницах «Макмилланз мэгэзин» в феврале 1880 г., лишь усилил противоречия между сторонниками и противниками внешнеполитического курса тогдашнего английского премьера Дизраэли (1804-1881) и его правительства¹. Однако прежде чем рассказать об этом документе, обратимся к самому изданию, носившему имя своего основателя. Это, по нашему мнению, поможет лучше понять мотивы, побудившие осторожных и многоопытных владельцев журнала на опубликование документа, который был способен вызвать немалые осложнения как в самой Южной Африке, так и в общественном мнении Европы.

Основателями знаменитой впоследствии издательской фирмы были братья Макмиллан-Дэниэл (1813-1857) и Александр (1818-1896). В молодости эти шотландцы прошли нелегкий путь, чтобы достичь почета и процветания. Они не чурались никакой деятельности, связанной с бизнесом, но особые надежды возлагали на книготорговлю. Обладая незаурядными коммерческими способностями и поразительным чутьем на литературные шедевры, братья Макмиллан придерживались весьма либеральных политических воззрений. Начинающие литераторы, которым нередко безосновательно отказывали именитые издатели, могли рассчитывать на поддержку фирмы Макмиллан, делавшей чаще всего правильный выбор. Интересно отметить: внук издателей «Макмилланз мэгэзин» Гарольд Макмиллан (1894-1995) был премьер-министром Великобритании и лидером Консервативной партии в 1957-

1963 гг. С середины 60-х гг. он стал главой издательской фирмы.

Журнал, получивший имя издателей, выходил с ноября 1859 по декабрь 1889 гг. За тридцатилетний период было подготовлено 362 номера². На посту главного редактора «Макмилланз мэгэзин» в то время, когда на его страницах публиковались свидетельства Кетчвайо, находился далеко не самый известный деятель этой фирмы. Более того, Джордж Гроув (1820-1900) не был литератором³. Почти всю жизнь он занимался музыкой, однако именно ему владельцы издательства поручили возглавлять с 1868 по 1883 гг. свой журнал. Случайно ли это? Ведь Александр Макмиллан не принимал необдуманных решений. По моему мнению, Джордж Гроув был назначен на столь ответственный и важный для издательства пост с определенной целью. Обладавший широким кругозором и немалыми знаниями в различных областях науки и техники, Дж. Гроув был по образованию инженером и в течение ряда лет служил на заводе близ Глазго. Позднее он познакомился с подноготной английского колониализма, когда в 40-х гг. XIX в. жил в Вест-Индии. Молодой инженер был чрезвычайно впечатлительным человеком. Он был потрясен участью чернокожих жителей Ямайки и других «сахарных островов». Теплыми звездными ночами Гроув восхищенно слушал негритянские песни вчерашних невольников, а в знойный полдень до него доносилась брань надсмотрщиков и свист беспощадного бича.

Конечно, вест-индские впечатления не могли не отразиться на взглядах будущего редактора журнала. Гроув навсегда отказался от бытовавшего в его время пренебрежительного отношения к самобытному искусству чернокожего населения английских заморских владений. На родине Джордж способствовал популяризации творчества начинающих композиторов, и желание помочь молодым маэстро привело его в кабинет владельца издательской фирмы.

Предложение А. Макмиллана занять пост редактора журнала Гроув получил в зрелом возрасте, имея большой опыт

человеческого общения, приобретя немалые знания в области политической и духовной жизни своей страны и обширные связи в мире искусства. Издателю явно импонировали его неординарные взгляды на различные проблемы внутренней и внешней политики Великобритании, тонкий литературный вкус Гроува, так что выбор редактора «Макмилланз мэгэзин» отнюдь не был игрой случая.

Следует также отметить, что еще до назначения Дж.Гроува на должность редактора журнала южноафриканская тематика была не такой уж редкой гостьей в планах издательства, владевшего «Макмилланз мэгэзин». Например, в 1855 г. оно опубликовало труд известного миссионера и смелого защитника зулусов Джона Коленсо (1814-1883)⁴.

Во введении отмечалось, что интересным источником материалов по данному периоду истории Южной Африки являются автобиографические зарисовки Р.Хаггарда. Оказывается, среди многочисленных знакомых английского писателя был и епископ Натала Джон Коленсо. Автор записок не скрывает своего уважения к этому священнослужителю, несмотря на то, что его третировали колониальная администрация и южноафриканский епископат.

Но предоставим слово самому Р.Хаггарду: «Это был человек высокого роста, с необычно интересным лицом. Способный и приятный в обращении, он, однако, ухитрился быть на ножах решительно со всеми... Мне всегда казалось нелогичным, что Коленсо упорно остается в лоне церкви, учение которой подверг критике... Если я не ошибаюсь, одной из причин враждебного отношения Южноафриканской епископальной церкви к Коленсо было его снисходительное отношение к туземному обычаю многоженства... Нужно добавить, что Коленсо был непопулярен среди колонистов не только из-за своих взглядов на религию. Он резко и, как они считали, с непозволительной горячностью выступал в защиту прав туземцев. Признаюсь, что и в этом вопросе его позиция вызывает у меня сочувствие. Белые поселенцы, особенно если

это люди невысокого полета, позволяют себе презирать, ненавидеть и поносить аборигенов, среди которых живут...»⁵.

Труды Дж.Коленсо, посвященные аборигенам Южной Африки, были полны сочувствия и сострадания к угнетенным африканцам. Вот почему, прочитав яркие и образные рассказы священнослужителя, нельзя было не проникнуться искренним уважением к своеобразному быту и образу жизни зулусов. Неудивительно поэтому, что трагические события 1879 г. в Южной Африке вызвали сочувствие у редакции журнала. Опубликование рассказа вождя Кетчвайо стало своеобразным проявлением солидарности с борьбой зулусов за свободу.

Нельзя не признать, что на политику издательской фирмы большое влияние оказывали события, происходившие в тот период в жизни страны и ее колоний. Владельцы журнала, иногда не разделяя либеральных взглядов отдельных авторов, публиковавшихся в «Макмилланз мэгэзин», в то же время не могли не учитывать общественное мнение, которое не только формировалось различного рода изданиями, но само оказывало определенное воздействие на выбор тем публикаций, комментариев, посвященных животрепещущим событиям жизни общества. Может быть, поэтому хозяева издания после отставки в 1883 г. Дж.Гроува предложили пост главного редактора «Макмилланз мэгэзин» видному общественному и политическому деятелю Великобритании Джону Морли (1838-1923). Достаточно в этой связи указать, что новый редактор впоследствии стал одним из лидеров радикалов в тогдашней Англии, автором Ньюкаслской программы⁶.

Джон Морли был известен не только своей активной политической деятельностью. Он также успешно пробовал перо, пропагандируя оригинальные философские идеи, и к тому же имел немалый опыт в журналистике. Так, будучи с 1880 г. главным редактором «Пол мэл газетт», он превратил это более чем консервативное издание, выражавшее интересы аристократов и крупных дельцов, во вполне либеральную газету.

Издатели, внимательно следившие за событиями в мире прессы, были рады пригласить Дж.Морли к себе на службу, полагая, что богатый редакторский опыт и радикальные политические взгляды будут способствовать процветанию «Макмилланз мэгэзин» и что добрые литературные традиции этого журнала будут продолжены⁷.

Теперь можно приступить к изложению следующей проблемы моего исследования: какие обстоятельства привели к появлению этого «Рассказа...»?

Волею судеб Кетчвайо оказался последним независимым зулусским «королем» и первым своеобразным летописцем своего народа. Трагедия правителя зулусов началась с того момента, когда британское правительство и колониальная администрация решили подчинить своей власти вождя зулусов, пользовавшегося у них непререкаемым авторитетом, и популярного среди южноафриканских племен. По мнению британских стратегов, непродолжительная англо-зулусская война, вспыхнувшая в январе 1879 г., должна была покончить с независимым правлением «туземного короля», превратив последнего в заурядного чиновника, состоящего на службе в колониальном офисе.

Кетчвайо в ходе войны 28 августа 1879 г. был взят в плен. Изоляция зулусского вождя входила в планы британского командования. Колонизаторы не без основания считали, что «обезглавив» войско строптивых зулусов, можно будет легко диктовать им свою волю.

Кетчвайо осознавал, что с момента своего пленения превратился в заложника колониальных властей. Вождь также отдавал себе отчет в том, что от его поведения в плену во многом будет зависеть собственная судьба и положение десятков тысяч его соплеменников. Пленник не мог не понимать, что ряд британских газет и журналов чернят правое дело зулусов, изображают их вождя «заурядным тираном» и «дикарем». В то же время Кетчвайо знал, что у него имеется немало сторонников как среди европейских поселенцев в Южной Африке, так и среди общественности Британских

островов. Иначе как объяснить тот факт, что Кетчвайо, находясь в плену, смог подготовить весьма пространственный документ, опубликованный в английском журнале, о существовании которого он, разумеется, и не подозревал. А если к этому добавить, что зулусский вождь не знал языка колонизаторов и, конечно же, не умел писать, то станет ясно: кто-то был крайне заинтересован в появлении столь необычной публикации. Причем этот человек должен был находиться в ближайшем окружении Кетчвайо.

В результате моих изысканий выявились любопытные обстоятельства. Командование колониальных войск назначило ответственным за безопасную доставку пленного вождя в столицу Капской колонии Раскомба Пула, капитана королевской артиллерии⁸. Правда, этот британский офицер, закаленный многочисленными баталиями, происходившими в различных колониальных владениях, получив необычный для него приказ, не проявил особого энтузиазма. Роль тюремщика ему казалась постыдной и не заслуживающей должного усердия. Кроме Р.Пула, в европейском окружении вождя находился переводчик У.Лонгкаст, много лет проживший среди зулусов. Нельзя не отметить, что многие европейцы, жившие на земле зулу и объективно наблюдавшие их каждодневное бытие, навсегда становились друзьями этого гордого народа.

Однако оказалось, что переводчик не был инициатором примечательной публикации. Значит, единственным из европейского окружения Кетчвайо, кто мог собрать рассказы пленного вождя и передать их для публикации, был капитан Пул. В таком случае напрашивается мысль, будто этот офицер не одобрял политику своего правительства по отношению к зулусам. На самом деле все обстояло сложнее. Командование колониальных войск, как мне представляется, не могло доверить такого важного для дальнейшей политической игры пленника военнослужащему, в лояльности которого оно бы сомневалось. Однако Р.Пул, проведя в обществе Кетчвайо более трех месяцев, был искренне восхищен своим

подопечным. Английский офицер как бы сам оказался пленен благородством зулусского вождя, его житейской мудростью, силой воли, верой в торжество справедливости и проникся глубоким уважением к своему противнику. Можно с уверенностью сказать, что капитан Пул не только преисполнился симпатией к зулусам, но и стал другом их вождя.

С помощью переводчика Р.Пул в течение осени 1879 г. записал рассказ Кетчвайо и отправил рукопись в редакцию «Макмилланз мэгэзин»⁹.

Можно упомянуть еще один красноречивый эпизод, свидетельствующий о взаимной привязанности коронованного пленника и британского офицера. В декабре 1880 г. капитан Пул был направлен в Трансвааль для участия в подавлении восстания буров, но в одном из сражений был убит. Узнав о смерти капитана, Кетчвайо, по воспоминаниям Харриэт Коленсо, дочери Джона Коленсо, горько рыдал, так как «...за долгие месяцы он (Кетчвайо) и его охранник (Пул) стали близкими друзьями»¹⁰. Не вызывает сомнения, что свидетельства членов семьи Коленсо, хорошо знавших историю жизни Кетчвайо, заслуживают доверия. Следует лишь отметить, что капитан Пул, по всей вероятности, еще до непосредственного знакомства с зулусским вождем задумывался о событиях, участником которых ему довелось стать.

Вернемся к тому моменту, когда небольшое судно «Натал» 15 сентября 1879 г. бросило якорь в Кейптаунской бухте. На его борту находился вождь Кетчвайо. Бывшего зулусского правителя заключили в крепость, сооруженную еще по решению директоров Нидерландской Ост-Индской компании для защиты первых европейских поселенцев на мысе Доброй Надежды. Это старейшее здание в Южной Африке строилось почти четырнадцать лет, с 1665 по 1679 гг.¹¹. Крепость и сейчас возвышается серой громадой над побережьем Атлантического океана, и ее пять бастионов отчетливо видны в ясную погоду на фоне лазурного неба и ярко-зеленых холмов, окружающих

Кейптаун. Первоначально в крепости размещалась резиденция голландского губернатора Капской колонии. С захватом этой территории Великобританией в 1795 г. крепость была передана командованию колониальных войск. В этом же сооружении хранились первые печатные издания, выходившие в Капской колонии.

Из описания места заключения Кетчвайо создается впечатление, что пленника умышленно не поместили в обычную тюрьму, каких было немало в столице Капской колонии и ее окрестностях. В этой связи достаточно вспомнить печально известное место ссылки на острове Роббен, куда отправлялись, как правило, на пожизненное заключение наряду с убийцами большинство борцов против колониализма и расизма. Приведенные выше обстоятельства дают основание полагать, что власти оказывали определенное предпочтение вождю побежденного племени. Нельзя исключать тот факт, что администрация была вынуждена считаться с определенной оппозицией англо-зулусской войне, существовавшей в колонии и за ее пределами. К тому времени, когда Кетчвайо под охраной сопровождали в Капскую крепость, английские каратели не только успели сжечь столицу Зулуленда Улунди, но и приступили к расчленению этой страны.

Рассказ зулусского пленника, опубликованный в «Макмилланз мэгэзин», нельзя считать непосредственным обращением его автора к читателю. Это можно объяснить следующим образом. Во-первых, Р.Пул пользовался услугами переводчика У.Лонгкаста. Во-вторых, английский капитан из лучших побуждений внес некоторые поправки в рассказ Кетчвайо. Правда, они не исказили его смысл, и поэтому документ следует считать подлинным свидетельством зулусского «монарха». Следует также указать, что рассказ Кетчвайо передан в третьем лице. Это свидетельствует о том, что европейские «соавторы» зулусского вождя хотели тем самым подчеркнуть свою причастность к появлению этого необычного документа.

Итак, перед читателем открывается довольно пространное и не лишённое эмоциональной окрашенности повествование, касающееся истории зулусского государства. Значительная часть рассказа – описание событий, волнующих его автора: эпизодов англо-зулусской войны 1879 г.

Документ делится на десять частей, связанных между собой хронологической последовательностью. Эта публикация начинается выяснением истоков зулусской государственности. Автор особое внимание уделяет истории правления Чаки (1787-1828), деятельность которого известна русскоязычному читателю благодаря переводу и изданию книги Эрнеста Риттера¹².

Отмечая выдающиеся заслуги своего знаменитого предшественника и близкого родственника¹³, Кетчвайю считает необходимым рассказать о его происхождении, об опасностях, подстерегавших Чаку на пути к триумфу¹⁴. Неудивительно, что в своих размышлениях поверженный «король» обращается к славному прошлому зулу. Воспроизводя в своем рассказе образ Чаки, пленный вождь черпает в нем силу и мужество, позволившие ему вытерпеть тяготы неволи.

Позволительно будет спросить: почему именно образ Чаки стал для пленника источником силы и выдержки? Чтобы это лучше понять, следует более подробно остановиться на характеристике личности знаменитого предшественника Кетчвайю.

Чака стал вождем племени зулу в 1816 г., после смерти своего отца Сензангаконы. Однако и после получения такого наследства он продолжал служить в армии верховного вождя Дингисвайю, который в 1818 г. погиб. Молодой вождь зулусов поспешил занять освободившийся «трон». Чака к тому времени снискал заслуженное уважение военных соратников, что явилось немаловажным обстоятельством в его дальнейшей деятельности.

Вскоре Чака приступил к созданию принципиально новой военной системы. Стремясь найти опору среди воинов родного ему племени, Чака объявил мобилизацию молодых зулусов.

Для их размещения сооружались специальные хижины – военные краали. Верховный вождь, не ограничиваясь только зулусами, стал привлекать волонтеров из других племен. В результате ему удалось за короткий срок увеличить свое войско с 500 до 50 тыс. человек¹⁵.

Реформа, проводимая Чакой, привела не только к численному росту армии, но значительно улучшила ее качество. В частности, существенно изменилась военная тактика, ставшая более активной и наступательной. Замена легкого копья более увесистым ассегаем*, предназначенным для рукопашной схватки, сделала наступление зулусских воинов еще более эффективным. Более того, увеличилась маневренность подразделений за счет отказа от ношения сандалий. Как никто другой из его предшественников, Чака чрезвычайно внимательно относился к обучению молодых воинов, лично принимал в этом участие.

Начав свое правление с территории в 100 кв. миль, Чака за два с половиной года расширил ее до 7 тыс. кв. миль¹⁶.

Деятельность зулусского вождя, направленная на образование централизованного государства, наталкивалась на оппозицию вождей некоторых племен Юго-Восточной Африки. В начавшейся борьбе Чаке пришлось преодолевать и противодействие со стороны колдунов и знахарей внутри самого зулусского государства, усматривавших в расширении прав верховного правителя угрозу собственным привилегиям¹⁷. Наконец, на исходе 20-х гг. XIX в. Чаке пришлось столкнуться с «плодами» усиливавшегося интереса английских колонизаторов к зулусским делам. Не имея объективного представления об огромном военно-экономическом потенциале Англии и ее далеко идущих планах, Чака верил в возможность установления дружеских отношений с этой страной. Об этом есть свидетельства самих англичан, пребывавших некоторое время среди зулусов. Вот только два из них.

Хорошо знавший Чаку английский миссионер и путешественник Н.Айзекс (1808-1858) приводит такие его слова: «Король Георг – прекраснейший воин из людей,

фактически король Георг и я – братья, он завоевывает всех белых, а я – всех черных»¹⁸. Столь же характерно и другое высказывание Чаки, приведенное М.Монтгомери: «Мой народ хочет торговать. Он желает бусы, кожу, топоры, а ваши люди хотят слоновую кость и скот. Давайте лучше обмениваться друг с другом, чем стрелять в моих людей»¹⁹.

Насколько же все эти проблемы подобны тем, с которыми пришлось столкнуться Кетчвайю, с одной, однако, разницей: Чака не должен был вступать в открытое противоборство с могущественной Британией, не довелось ему и пережить позора поражения, плена и изгнания.

В своем «Рассказе...» Кетчвайю не ограничивается повествованием о деятельности Чаки. События, происходившие во времена правления братьев Чаки – Дингаана (?-1843) и Мпанде (?-1872), представляют не меньший интерес. Если начало «Рассказа...» касается истории зулу и родственных племен, то в этой части документа основное внимание вождя Кетчвайю сосредоточено на отношениях с бурами²⁰.

В то время торговые и политические связи с европейцами, а также пограничные конфликты с ними становятся доминирующими из факторов, влиявших на внутривнутриполитическое положение в Зулуленде. Начавшаяся миграция буров за пределы Натала вызывает обоснованное беспокойство у Дингаана. Территориальные притязания белых поселенцев приводят к ряду военных столкновений с зулусами. В тот момент, когда буры настойчиво домогались зулусских земель, в изигодло** правителя готовилась новая трагедия.

Убийца Чаки и других своих родственников Дингаан с подозрительностью, свойственной любому деспоту, взирал на оставшегося в живых брата. Инкоси*** не без основания полагал, что Мпанде претендует на престол. Что это означало для подозреваемого, нетрудно было догадаться. Чувствуя нависшую опасность, Мпанде решил искать защиты у буров. С этой целью он бежит с сыном в Питермарицбург.

В январе 1840 г. Мпанде и его армия вместе с отрядами вооруженных буров переходят реку Тугела и вторгаются в центральные районы Зулуленда. В сражении у Магонго армия инкоси терпит поражение, а сам Дингаан находит смерть на земле свази²¹.

Итак, Мпанде становится верховным вождем зулусов²². Буры, оказавшие ему помощь, теперь требуют от нового «короля» значительных уступок. Вынужденный считаться с требованиями своих «покровителей», Мпанде уступает им южную часть своей страны – Натал. С этого времени граница Зулуленда стала проходить по реке Тугела. Так, во всяком случае, эти события излагает Кетчвайю²³.

Недолго бурам пришлось распоряжаться чужой территорией. После кровопролитных столкновений с англичанами они были вынуждены искать для своих поселений новые земли.

В то время как буры продолжали нарушать границы Зулуленда, английские власти всякий раз нарочито демонстрировали свою «лояльность» зулусскому правителю. Колониальные чиновники сумели убедить Мпанде в том, что буры для его государства – главная опасность. В конце концов инкоси «был очень рад тому, что англичане отобрали у них Натал»²⁴.

Однако не будем строго судить зулусских вождей. Они были людьми и своего времени, и своего социально-этнического происхождения.

Зулусские инкоси понимали важность торговых связей с могущественной державой. Можно привести следующее любопытное высказывание Кетчвайю, относящееся ко времени правления Мпанде: «Ранее одеяла в Зулуленде были роскошью, которую могли позволить себе лишь король да вожди; но как только англичане заняли Натал, торговля выросла, и одеяла стали доступны всем»²⁵.

Современному человеку замечание Кетчвайю может показаться несколько наивным. Но я прошу читателя лучше понять автора указанных выше строк. Для верховного вождя доступность такого обыденного сейчас предмета, как одеяло, во-первых,

означала повышение благосостояния подданных, во-вторых, еще более укрепляла его авторитет.

Важное место в исследуемом документе занимает описание прихода к власти самого Кетчвайо. Вождь стремится всячески оправдать свои действия в борьбе за власть. Кетчвайо понимал, что жестокость, проявленная им по отношению к соперникам, может дискредитировать его в глазах европейцев.

Особая часть документа повествует о важном в жизни этого вождя событии – церемонии его «коронации» представителем английской королевы Теофилом Шепстоном (1817-1893)²⁶. Кетчвайо старательно вспоминает подробности прибытия Шепстона, его слова, обращенные к зулусам, а также свои обещания, данные английскому эмиссару при вступлении на престол.

Но как случилось, что такое удачное, по мнению Кетчвайо, начало привело его «королевство» к краху? Будучи не в состоянии осознать смысл и последствия имперской политики Англии, пленный вождь верит, будто в состоянии добиться равноправного соглашения с ее представителями и направить мощь ее военной машины против докучливых буров, наконец, просто использовать опыт и достижения этой высокоразвитой страны. Кетчвайо, стремясь сохранить свою власть и независимость Зулуленда, решается на такие уступки английским властям, которые в итоге приводят к потере его страной суверенитета.

Пребывая в ссылке на ферме Ауди Молен, зулусский вождь в письмах губернатору и другим высокопоставленным чиновникам пытается оправдать свою политику. Он все еще полагается на объективность английской администрации. «Король» стремится доказать отсутствие «злого умысла» со своей стороны, надеясь вернуть былую власть над соплеменниками и расположение тех, от кого все это зависело. Кетчвайо вполне объективно подходит к рассмотрению пограничного конфликта с бурами. Вождь резко обвиняет этих европейцев, которые систематически нападали на зулусские краали, убивали сопротивлявшихся африканцев. Другое дело –

англичане. Пленный «король» часто повторяет, что он обращался за помощью к представителю Ее Величества Т.Шепстону, так как считал, что британский чиновник должен справедливо рассудить конфликтующие стороны. В действительности Т.Шепстон действовал сугубо в интересах британского колониализма, преданным слугой которого он являлся. Чтобы лучше разглядеть истинное лицо Шепстона, не устававшего подчеркивать свое дружелюбие по отношению к африканцам, обратимся к событиям, которые происходили еще в 1876 г.

В том году в Трансваале вспыхнуло восстание племени бапеди под предводительством вождя Секукуни (?-1882), направленное против буров, которые захватили исконные земли и скот тамошних африканцев. Инсургентам удалось вытеснить европейских колонистов с обширной территории, некогда принадлежавшей бапеди. Секукуни, будучи вассалом Кетчвайо, рассчитывал на помощь этого зулусского инкоси. Ситуация оказалась очень удобной для нанесения зулусами мощного удара по врагам. Однако «король» решил пустить «пробный шар» в сторону британской колониальной администрации. Он обратился к Т.Шепстону с предложением начать вместе с английскими войсками военные действия против буров.

Вот как об этих событиях писал Р.Хаггард, находившийся в это время в Натале: «...Из Трансвааля поступают тревожные вести о первой стычке между бурами и довольно могущественным вождем туземцев Секукуни. Если бурам придется иметь дело с ним одним, они справятся, хотя предстоит немало кровопролитие. Но Секукуни – данник и союзник Кетчвайо, правителя зулусов, у которого в последнее время были самые плохие отношения с бурами. Поэтому более чем вероятно, что этот король и его тридцать тысяч воинов, нависшие над Трансваалем, воспользуются случаем, чтобы тоже схватиться с бурами; если Кетчвайо-Молчун этого не сделает, то он глупее, чем его обычно считают»²⁷.

Конечно, автор приведенных строк не знал, что инкоси, будучи не так наивен, как многие полагали, давно лелеял мечту расправиться с ненавистными противниками. Воспользовавшись восстанием племени бапеди. Можно предполагать, что вождь Секукуни, начав наступление на буров, заручился поддержкой зулусского правителя.

Английская колониальная администрация в лице сэра Теофила, предательски отвергнув союзнические предложения Кетчвайо, приказала в 1877 г. приступить к аннексии Трансвааля²⁸. Таким образом, английские власти, решив округлить свою южноафриканскую колониальную империю, не нуждались в услугах вождя зулусов. Более того, в данной ситуации они стремились не обострять отношения с бурами из-за африканцев, которых вместе угнетали. Так что поистине «ворон ворону глаз не выклюет». Между тем в своем «Рассказе» Кетчвайо сетовал на то, что бездействие английского чиновника способствовало постоянной напряженности на границах Зулуленда. И в то же время, как свидетельствует источник, вождь не желал столкновения с английскими властями²⁹.

Читателю уже ясно, что я не раз обращался к свидетельствам Р.Хаггарда, позволяющим мне более полно судить о происходивших событиях. Автор «Миссии в Трансвааль» не прошел мимо такой важной темы, как англо-зулусские взаимоотношения накануне войны 1879 г. Оказалось, что Хаггард был знаком со многими высокопоставленными чиновниками колониального ведомства, в частности с Б.Фрером, и, естественно, не мог не знать об истинных настроениях английского истеблишмента относительно зулусов и их вождя³⁰. Вот почему я позволю себе вновь обратиться к воспоминаниям Р.Хаггарда.

«Осенью 1876 г. в Натал прибыл сэр Бартл Фрер - верховный комиссар Южной Африки. В конце этого года, кажется, в ноябре, он предъявил свой знаменитый ультиматум зулусам. ...Я полагаю, может быть, и ошибочно, что ультиматума предъявлять не следовало. Хотя логика целиком на его

стороне, все же, я думаю, было бы мудрее заявить зулусам протест, а затем предоставить события их естественному течению. Я исхожу вот из чего. Ни сам Кетчвайо, ни его народ не хотели воевать с англичанами. Если бы у Кетчвайо было такое намерение, он мог бы после нашего поражения под Изандлваной пройти из конца в конец весь Натал. Но, насколько мне известно, именно тогда он произнес такие слова: «Англичане напали на мою страну, и я буду обороняться в своей стране. Я не стану посылать свои импи**** убивать их в Натале, ибо я сам и предки, что ушли до меня, всегда были друзьями англичан». Поэтому он запретил своим военачальникам переходить границу Наталя»³¹.

Однако те, кого Кетчвайо не хотел обвинять в «злонамеренных действиях», во что бы то ни стало решили реализовать свои планы. Споры по вопросу о границах с бурами оказались лишь прелюдией к событиям, коренным образом изменившим жизнь «короля» и его подданных. Уже отмечалось, что у англичан был надежный союзник в лице зулусского вождя Кетчвайо. Другое дело, что эти европейцы традиционно предпочитали предавать своих чернокожих друзей, действуя согласно своим имперским интересам. А буры! Кто готов был поддержать этих откровенных экспансионистов? Вновь обратимся к свидетельствам писателя и путешественника Хаггарда. Он в письме от 6 июля 1876 г. отмечал в этой связи: «... по другую сторону владений буров живут амасвази, номинальные данники зулусов, которым они не уступают в численности. До последнего времени амасвази поддерживали с бурами дружественные отношения, но не из симпатии к ним, а в поисках защиты от зулусов – более могущественных, чем свази. Но сейчас эти дружественные отношения поколеблены, и я слышал, что отряд амасвази, на который рассчитывали буры в борьбе с Секукуни, вообще не прибыл. Если амасвази уладят конфликт с зулусами и голландцы подвергнутся нападению войск тройственного союза, то да поможет им бог. В этих местах война белых с черными – страшная вещь. Пощады не просят, да никого и не пощадят...»³².

Не следует строго судить писателя за его проанглийские, а точнее, европоцентристские взгляды. Но в чем он был совершенно прав, так это в том, что вооруженные столкновения, нередко имевшие место между белыми поселенцами и африканцами, носили исключительно ожесточенный характер.

Буры, бесспорно, оказались бы перед лицом объединенных сил южноафриканских племен, и тогда участь фермеров была бы незавидной. Однако английские колониальные власти рассудили иначе. Они на время «забыли» традиционные англо-бурские противоречия, оказав помощь своим европейским коллегам по колонизации африканских земель. Напомним: британская администрация поспешила принять буров под свою юридическую и военно-политическую опеку. Такой шаг английских властей, мне представляется, был вполне закономерным. Конечно, они не могли допустить объединения южно-африканских племен, могущих угрожать их колониальному господству.

Читателю понятно, что Англия, аннексировав Трансвааль, превратила буров, населявших эту территорию, в подданных британской короны. Между тем зулусы, лишь номинально признавшие верховенство королевы и сохранившие свою независимость, напротив, из союзников превращались в явную помеху на пути дальнейшего расширения английской экспансии. В то же время попытка разобраться в претензиях обеих сторон и найти решение, способное удовлетворить всех, изначально была неприемлемой ни для зулусов, ни для буров.

Все это привело к тому, что английское правительство оказалось перед выбором: либо дальнейшее углубление образовавшихся противоречий и усиление независимого Зулуленда, либо открытый военный конфликт. В конечном итоге британские власти предпочли второй путь.

Для того чтобы развязать войну, нужен был лишь формальный предлог, и вскоре он был найден. У вождя Сирайо, находящегося в вассальной зависимости от Кетчвайо, сбежали две жены, которые укрылись в Натале. Однако сыновья

оскорбленного мужа схватили этих женщин и убили. Содеянное получило широкую известность. Английские власти поспешили ухватиться за этот криминальный случай и потребовали у Кетчвайо выдачи преступников³³. Но инкоси не спешил. Он считал, что подчиниться колонизаторам – значит ущемить свои собственные права и вызвать недовольство своего ближайшего окружения.

Следует учесть, что у зулусов верховный правитель был властен над жизнью и смертью своих подданных, рядовой ли это общинник или вождь подвластного племени. Выдать сыновей Сирайо английским властям значило совершить по крайней мере два проступка, явно нарушавших прерогативы инкоси, а также обычаи его племени. Согласно зулусскому семейно-брачному закону, обманутый муж имел право оскотить любовника и казнить неверную жену³⁴. Кетчвайо сообщает, что муж мог также убить обидчика, посмеявшегося нарушить семейную идиллию³⁵.

Второй предлог, так называемое дело Мидл-Дрифт, сводился к следующему. Английские власти соорудили дорогу, которая вела на территорию, находившуюся под контролем Кетчвайо. Зулусы, жившие в районе строительства, воспрепятствовали ее дальнейшему сооружению и даже позволили себе, как сообщает источник, подвергнуть английского инженера Смита «дурному обращению»³⁶. Кетчвайо не имел никакого отношения к этому инциденту. Но колониальная администрация тем не менее приобрела еще один предлог для «справедливого» негодования. 11 декабря 1878 г. Кетчвайо получил ультиматум³⁷. Даже простой перечень всех требований, предъявленный зулусскому вождю, дает основание считать, что власти твердо решили использовать указанные выше происшествия для развязывания войны.

От Кетчвайо требовали в течение трех недель уплатить 500 голов скота за так называемое дело Сирайо и 100 голов скота – за «инцидент у Мидл-Дрифт». Но это еще не все. Зулусы, которых власти послали к инкоси сообщить условия, не осмелились доложить своему «королю» самые страшные

пункты этого ультиматума. Англичане настаивали на выдаче сыновей вассального вождя, виновных в убийстве женщин, и уничтожении всей военной системы зулусов, включая роспуск армии, – как было сказано в документе, требовали «разрешить мужчинам жениться». Попытаемся пояснить это выражение.

Еще Чака, создавая знаменитую впоследствии зулусскую военную систему, установил: «Женитьба для молодого воина – безумие. Их первый и последний долг – защищать интересы нации. Они не смогут сделать это эффективно, если их связывают семейные узы»³⁸. Все молодые воины воздерживались от вступления в брак до сорокалетнего возраста. Но в исключительных случаях, таких, как проявление доблести (коллективный или индивидуальный), они могли получить разрешение «короля» на женитьбу. Получалось, что только посредством войны, позволявшей им смыть свои копы кровью противника, воины могли избежать «тюрьмы безбрачия»³⁹. Однако Кетчвайо отрицал возможность получения подобной «награды» от «короля»⁴⁰.

Зулусский вождь вскоре послал своего индуну Уснитванге к лорду Челмсфорду сообщить о своем намерении выплатить штраф вместо выдачи сыновей Сирайо (о роспуске армии Кетчвайо еще ничего не знал). Но Челмсфорд подчеркнул, что настаивает на выполнении всех условий ультиматума, и, прежде всего, требует уничтожения всей зулусской военной системы. Уснитванге был вынужден сообщить своему повелителю о требованиях английских властей. В рассматриваемом документе Кетчвайо отмечал: «...ничто не заставило бы его согласиться распустить армию»⁴¹.

К тому времени английское командование сосредоточило у границ Зулуленда войска, насчитывавшие более 13 тыс. чел.: 6600 англичан и 7 тыс. африканцев⁴². Английский ультиматум так и не был удовлетворен, и 11 января 1879 г. воинские формирования колонизаторов, разделенные на четыре отряда, вторглись на зулусскую территорию. Началась война. Целую неделю английские войска, утопая в грязи (война началась в сезон дождей) и застревая в зарослях, медленно продвигались

по чужой земле. Тщетно английское командование надеялось встретить хоть какой-нибудь зулусский отряд и навязать ему сражение. Хозяева, видимо, готовили интервентам сюрприз.

В начале войны Кетчвайо надеялся на победу и заключение почетного мира еще до прибытия подкрепления для английских войск. Однако эти мечты были рассеяны после первых же столкновений с силами лорда Челмсфорда⁴³. Две из трех армий зулу, посланных на встречу английским колоннам, потерпели поражение в самом начале боевых действий, и только подразделение под командованием Утшингвайо 22 января 1879 г. сумело разбить английский отряд у холма Изандлвана⁴⁴.

Это сражение, потрясшее Великобританию, заслуживает более подробного описания. Челмсфорд приказал разбить лагерь на холме Изандлван, название которого в переводе с языка зулу означает «место, подобное желудку быка»⁴⁵. Трудно сказать, какие причины побудили Челмсфорда, слывшего опытным военачальником, выбрать столь неудачную позицию. Скорее всего, он недооценивал решимость зулусов. Иначе как понять, что командующий велел остановиться лагерем на такой холмистой местности? Зулусы могли незаметно окружить англичан и внезапно атаковать, отрезав их от основных баз снабжения в Натале.

22 января Челмсфорд предложил Д.Дэрнфорду принять на себя командование отрядом, даже не предполагая, что значительные силы зулусов находятся всего на расстоянии выстрела от английского лагеря. Взяв с собой батальон пехоты, батарею артиллерии и часть кавалерии, Челмсфорд решил обследовать места будущих сражений. При Дэрнфорде остались шесть рот 241-го пехотного полка, 104 кавалериста, 800 солдат-африканцев и две пушки⁴⁶. И в тот же день отряд Дэрнфорда был внезапно атакован зулусами. Их было не менее 15 тыс., и разделены они были на две колонны. Одна атаковала англичан с фронта, другая – с тыла. Внезапность нападения и численное превосходство давали определенные преимущества африканским воинам. Но англичане сумели быстро

сориентироваться и пустили в ход огнестрельное оружие, в то время как зулусы сражались копьями и дротиками. «Зулусы двигались в стройном боевом порядке: учащенный огонь английских войск не был в состоянии остановить их; целые десятки людей выбывали из строя, но ряды немедленно смыкались, и наступление продолжалось безостановочно»⁴⁷.

Первыми дрогнули африканские наемники, среди них началась паника. Пытаясь бежать с поля боя, они били друг друга. Кавалеристам удалось прорваться через плотное кольцо зулусских воинов. Однако путь им преграждала река, и многие нашли в ней свою смерть. Тем временем «зулусы надвигались, как прилив, не останавливаясь ни на минуту, молча, до тех пор, пока не окружили лагерь со всех сторон. Тогда они испустили громкий крик и бросились на лагерь; через пять минут не осталось в живых ни одного человека»⁴⁸.

Представление об огромных потерях англичан дают следующие цифры. Из участвовавших в битве 67 офицеров и 1707 солдат и сержантов погибло соответственно 52 и 806 чел., а также более половины участвовавших в битве чернокожих ополченцев⁴⁹. Сокрушаясь о пережитой англичанами катастрофе, Г.Р.Хаггард сообщал: «Известие произвело такое сильное впечатление потому, что лишь немногие из нас не потеряли кого-нибудь из близких. У сэра Теофила погиб один из трех сыновей... Осборн потерял зятя»⁵⁰.

Весть об этом сражении облетела многие страны. Мало кого могла оставить равнодушным победа зулусских воинов. Однако Кетчвайо говорит об этом успехе намного сдержанней, чем того следовало ожидать. Его больше волнуют потери, понесенные зулусами, чем победа, не повлиявшая на общий исход войны. Правда, Кетчвайо сетует на то, что индуну***** не смогли доставить ему ни одного пленного офицера, а также бросили на поле боя трофейное оружие, в том числе две пушки, захваченные у англичан⁵¹.

Зулусский вождь пытается объективно осмыслить неудачи, постигшие его воинов в ходе войны. Он, в частности, указывает на то, что зулусы, успешно действовавшие во время

коротких наступательных операций, оказались неподготовленными для ведения продолжительных боевых действий на своей территории, поскольку многие чернокожие воины покидали отряды и возвращались в свои краали⁵².

Кетчвайо стремился хоть как-то смягчить остроту конфликта, может быть, поэтому он предпринимает определенный дипломатический маневр и проявляет нерешительность в ходе боевых действий. Верховный вождь в этой связи не участвовал в крупнейших сражениях⁵³. Кроме того, накануне решающей битвы за свою столицу Кетчвайо направляет послов к английскому командованию с «символом мира» – бивнями слона⁵⁴. Однако миролюбивый жест зулусского инкоси не возымел никакого действия, ибо вся его вина заключалась лишь в том, что он был вождем сильного и независимого племени, стоящего на пути экспансионистских устремлений британских колонизаторов.

Документ завершается рассказом о потерях, которые понес в этой жестокой войне народ зулу. Как бы отдавая последнюю дань памяти своим погибшим соратникам, Кетчвайо перечисляет имена всех вождей, павших в борьбе за независимость своей родины⁵⁵.

В заключение сделаю попытку определить значение опубликованного более ста лет тому назад и рассмотренного в данной главе документа. Следует отметить, что историки, исследовавшие англо-зулусские отношения во второй половине XIX в., были вынуждены пользоваться источниками из «вторых рук», главным образом европейского происхождения. Это были записки путешественников, отчеты чиновников и миссионеров, донесения резидентов. К тому же общественное мнение Великобритании и большинства европейских государств также формировалось под непосредственным влиянием информации, исходящей от людей, в объективности которых можно усомниться. Таким образом, документ, появившийся на страницах «Макмилланз мэгэзин», представлял не только зулусскую версию событий, приведших к войне 1879 г., но раскрывал и личность самого автора –

Кетчвайо, деятельность которого умышленно искажалась в интересах британских колонизаторов. Однако и в наши дни «Рассказ» зулусского вождя восполняет определенный пробел в изучении событий, изложенных в этом документе.

2. «ПИСЬМО К ГУБЕРНАТОРУ...».

Эта глава получила такое название не случайно. Дело в том, что на новом этапе своего пленения Кетчвайо обратился с письмами к различным государственным и общественным деятелям Капской колонии и метрополии. Но об этом позднее. Сейчас больший интерес вызывает то, что представлял собою так называемый новый этап пленения зулусского «короля».

Как известно, «Рассказ Кетчвайо о нации зулусов и войне» был опубликован в февральском номере «Макмилланз мэгэзин» за 1880 г. В этот период зулусский вождь находился под стражей в Капской крепости. Но с окончанием войны в судьбе пленника произошли существенные перемены. Кетчвайо переставал быть военнопленным. Теперь содержание его под стражей должно было быть одобрено соответствующим постановлением парламента Капской колонии. В июле 1880 г. был принят специальный билль, согласно которому зулусский «король» подлежал переводу под надзор гражданских властей. Однако только в феврале 1881 г. Кетчвайо был доставлен на ферму «Ауди Молен», неподалеку от Кейптауна⁵⁶.

Положение поднадзорного вождя намного отличалось от того состояния, в котором он находился, пребывая в Капской крепости. Так, бывший «король» мог довольно свободно совершать прогулки по обширной местности и даже охотиться. Как ни странно, Кетчвайо был сослан в район, где проживал опаснейший «преступник», вождь небольшого зулусского племени хлуби Лангалибалеле (?-1889). Вина соседа Кетчвайо заключалась в том, что он возглавил в октябре 1873 г. восстание против английских колонизаторов. Власти вскоре подавили выступление этих африканцев. Суд, состоявшийся в Питермарицбурге, приговорил мятежного вождя к

пожизненной ссылке на остров Роббен. Однако благодаря вмешательству епископа Коленсо ссылка, фактически означавшая медленную гибель, была заменена поселением на ферме Уитвлугг⁵⁷.

Вернемся к судьбе пленного инкosi. Как чувствовал себя зулусский «король» на новом месте? Важно отметить, что Кетчвайо пользовался определенным расположением местной власти. Как бы то ни было, ему предоставили возможность через переводчика, сына норвежского миссионера Р.С.А.Самуэльсона, обратиться с письмами к важным и влиятельным особам, способным определить его дальнейшую судьбу. Кетчвайо стремился к тому, чтобы государственные мужи Англии и Капской колонии, узнав правду о жизни и деятельности зулусского вождя, посодействовали его освобождению. Более того, вождь, как об этом свидетельствует документ, страстно желал вернуть себе былую власть. Он был готов на компромисс и, может быть, поэтому решил на пересмотр своих взглядов относительно хода войны и даже на определенную фальсификацию собственной биографии. Но это станет ясно из анализа документа. А пока по совету того же Самуэльсона Кетчвайо отправляет письма к губернатору Капской колонии Геркулесу Робинсону (1824-1897)⁵⁸, С.Соломону (1817-1892)⁵⁹, Дж.Мерримену (1841-1945)⁶⁰, Д.У.Сойеру (1850-1913)⁶¹, Т.Г.Сканлену (1834-1912)⁶², Г.Э.Вуду (1838-1919)⁶³, принцу Уэльскому и даже королеве Виктории.

Усилия зулусского вождя оказались не напрасными. 26 сентября 1881 г. губернатор Капской колонии сообщил пленнику, что разрешение на его поездку в Лондон получено. Это означало, что вопрос его будет решаться на самом высоком уровне, и Кетчвайо воспользовался такой возможностью. Преодолев наконец ряд бюрократических формальностей, в июле 1882 г. Кетчвайо отплыл в столицу Великобритании. Итогом этой поездки стало возвращение инкosi на родину. Конечно, принимая это решение, британское правительство исходило прежде всего из собственных расчетов. И все же в

известной степени необходимо признать, что если бы не мужественное поведение самого Кетчвайо, то вся эта история могла завершиться совершенно иначе. Нет сомнения в том, что переписка вождя стала одним из важнейших факторов его победы.

Среди писем, отправленных вождем высокопоставленным чиновникам, было и рассматриваемое в этой главе послание к губернатору Капской колонии, написанное 29 марта 1881 г.⁶⁴

В первой части второй главы данного исследования говорилось о причинах англо-зулусской войны 1879 г., когда колониальные власти на основании нелепых обвинений в адрес зулусского «короля» осуществляли давно продуманную политику аннексии в Южной Африке. Уже первые фразы в письме Кетчвайо губернатору Капской колонии свидетельствуют о том, что вождь сумел приблизиться к пониманию истинных целей своих «цивилизованных покровителей». Сам тон, в котором выдержано письмо, говорит о том, что перед нами не простое прошение униженного пленника, а скорее письмо-обвинение (разумеется в рамках тех возможностей, которыми Кетчвайо располагал в ссылке). Сквозь сухие строки печатного листа ощущается скорбь вождя, его униженное самолюбие и даже гнев. Письмо начинается словами: «Я пишу Вам, сэръ Геркулес Робинсон, губернатор этой земли, чтобы спросить, почему мой вопрос замалчивается даже сейчас, когда буры запросили мира и их дело улажено. Я думаю, что настало время выслушать мои доводы и понять, почему я убит»⁶⁵. Вовсе не покаяние читается в этих словах, а скорее уверенность в правоте своего дела и непреодолимое стремление восстановить попорченную справедливость.

Кетчвайо пытается убедить губернатора в том, что он еще со времени вступления на «престол» неукоснительно придерживался всех пунктов англо-зулусского соглашения. Впрочем, речь здесь идет о том, что зулусы как бы согласовывали с английской администрацией законы, по которым творился суд в Зулуленде, осуществлялись взаимоотношения между подданными и «королем», решались

семейные и имущественные вопросы. В частности, Кетчвайо представил ряд традиционных законов на утверждение Т.Шепстону. Для примера можно привести следующие обычаи зулусов, одобренные представителем Ее Величества: «1. Если человек перепрыгивает через границы, в пределах которых размещены девы чести, и соблазняет одну из них, мы наказываем его смертью, ибо тем самым он перепрыгнул через трон, перепрыгнул через короля.

2. Если человек берет жену другого, пока тот еще жив, таким образом обманывает мужа, то мы говорим, что он преступник и достоин быть убитым. Поэтому все мы, вожди Зулуленда, говорим, что убьем такого человека.

3. Мы сказали, что если человек убивает и ест скот, данный ему королем во временное пользование, чтобы доить его, то он поступает негодно, и мы убьем такого человека...

4. Если человек бродит по ночам и уничтожает других людей, то мы забираем его из тех мест, где говорят, что он убивает людей, и переводим в другую часть страны, чтобы убедиться, правда ли это; если о нем докладывают, что он уничтожает людей и на этом месте, то тогда его перемещают снова, чтобы установить истину наверняка; если он не прекращает свои выходки, то мы убиваем его и говорим, что он вредитель и не должен жить. Он преступник, так как уничтожает людей повсюду»⁶⁶.

Попробуем разобраться в своеобразном высказывании зулусского вождя, особенно той его части, которая касается последнего пункта. Современному читателю может показаться нелепым закон, позволяющий людям, подозреваемым в совершении тяжкого преступления, «проявить» себя на новом месте и лишь только после этого подвергнуться заслуженному наказанию. Но не будем спешить с выводами. Нововведение Кетчвайо в действительности было значительным шагом, ведущим к установлению законности. Впрочем, «законность» следует рассматривать не в общепринятом смысле этого слова, а в том, как его понимали в зулусском обществе того времени – обществе, где существовала альтернатива юридическому праву

верховного правителя. Здесь имеется в виду институт так называемых искателей колдунов, которые обладали немалой властью над соплеменниками. Их услугами нередко пользовались инкоси. Э.Риттер, хорошо знавший обычаи зулусов, так описывает явления, которые часто вынуждали суеверных африканцев обращаться к «искателям колдунов»: «В Булавайо (столица «королевства» Чаки) Чаку ждали дурные вести. Началось с того, что над краалем пролетела молотоголовая цапля. Потом забрел дикобраз. Вслед за тем на ограду крааля уселась ворона и заговорила человеческим голосом. И, наконец, у самых ворот крааля убило молнией двух коров. Совершенно очевидно, что тут не обошлось без колдовства. Надо было «вынюхать» злодея или злодеев»⁶⁷.

Возникает вопрос: почему верховному вождю приходилось прибегать к услугам исангомас*? Во-первых, для того, чтобы держать в суеверном страхе десятки тысяч своих подданных. Правители даже первобытных племен понимали, что людьми, находившимися в постоянном страхе, легче управлять. Во-вторых, нередко случалось, что инкоси и их приближенные обогащались за счет своих подданных, ставших жертвами «вынюхивания». Исангомас, зная об имущественном положении подозреваемых, предпочитали указывать на весьма состоятельных (по зулусским меркам) людей, скот которых после их мучительной казни конфисковался в пользу вождя. Позднее верховный правитель одаривал своих приближенных, не забывая при этом наградить палачей и «вынюхивателей»⁶⁸. В-третьих, в повседневной жизни зулусов порой происходили непонятные им явления, которые можно было объяснить только «колдовством». После наказания виновных возникала иллюзия предотвращения будущих неприятностей. Кроме того, общественное мнение было вполне удовлетворено.

«Вынюхивание» представляло собой особый обряд, избежать который не мог никто, кроме верховного вождя. Эта страшная процедура происходила следующим образом: все взрослое население района, в котором, по предположению исангомас, проживал «виновник» случившихся несчастий, выстраивалось

в специально отведенном месте. Затем появлялись «искатели колдунов» в сопровождении палачей, и кровавый спектакль начинался. Принюхиваясь, испуская дикие вопли и выкрикивая заклинания, исангомас шествовали между людскими рядами. Короткий удар кнутом, сделанным из хвоста антилопы-гну, означал смертный приговор для подозреваемого. Обычай предусматривал наиболее жестокий и мучительный способ казни. Осужденному загоняли кол в задний проход. Спаситься от смерти можно было только найдя убежище у инкоси⁶⁹.

Однако как бы вожди ни нуждались в услугах исангомас, наступало время, когда «вынюхиватели» становились опасными даже для верховной власти. Количество «искателей колдунов» быстро росло, ибо для многих это оказывалось не только безопасным, но и весьма прибыльным занятием. А если учесть тот факт, что исангомас освобождались от обязанности служить в армии инкоси, то становится понятным, что статус «вынюхивателей» означал для них не только почет и уважение со стороны суеверных зулусов, но и вполне реальные выгоды.

Относительная независимость от верховной власти, устойчивое материальное положение при праздном образе жизни, возможность оказывать реальное влияние на важнейшие процессы внутри страны – все это вело к тому, что исангомас переставали считаться с мнением и интересами вождя. Более того, нередко они, желая ослабить власть инкоси, указывали палачам на его ближайших советников, верных и надежных военачальников. Самого правителя нельзя было обвинить в «колдовстве», однако, лишившись наиболее преданных приближенных, вождь легко мог стать добычей в борьбе за власть.

Инкоси должен был не без оснований опасаться подкупа «искателей колдунов» теми, кто замышлял его свержение. Это понимали все правители. Они в меру своих возможностей старались ослабить могущество исангомас, подчинить их своей власти. Наибольших успехов в этом удалось добиться Чаке и отчасти – Кетчвайю. Причем расстояние между временем правления Чаки и его племянника, равное почти полувеку,

наложило свой отпечаток и на методы их борьбы. Чтобы получить представление о том, как это проделал Чака, следует обратиться к уже рассмотренному в первой главе «Рассказу Кетчвайо о нации зулусов и войне».

Во времена Чаки насильственный путь представлялся наиболее верным и привычным. Считая, что в борьбе за сохранение и укрепление своей власти все средства хороши, верховный вождь решил попросту уничтожить большую часть враждебных ему знахарей. С этой целью он разработал специальный план, заключающийся в том, чтобы спровоцировать проведение грандиозного «вынюхивания». Его задачей было собрать на это мероприятие всех исангомас страны, а затем при помощи заранее подготовленной хитрости разоблачить прибывших «вынюхивателей», доказав всем, что их сверхъестественные способности – не что иное, как мошенничество.

Вот как об этом сообщает Кетчвайо: «Он (Чака) и два человека, бывшие в курсе дела, добыли бычьей крови и однажды ночью разбрызгали ее над несколькими хижинами. Затем он собрал вместе всех «вынюхивателей» земли и устроил великое «вынюхивание». Их всех призвали назвать человека или тех, кто это сделал. Все «вынюхиватели» обвинили множество разных людей, кроме двух, имевших смелость и сообразительность обвинить в этом Чаку. Инкоси тогда приказал убить всех «вынюхивателей», за исключением двух знахарей, заподозривших его самого. Таким образом, только двое их и осталось в стране»⁷⁰.

Сходное описание эпизода дает в своей книге Э.Риттер⁷¹. Каким же образом развивались события после этой расправы? Документ из «Макмилланз мэгэзин» сообщает: «Их число (вынюхивателей) выросло в правление Дингаана и Мпанде, а также значительно увеличилось в правление Кетчвайо, который имел серьезные намерения избавиться от этих захребетников. Он сказал, что из-за их многочисленности страдают его полки (вынюхиватели были освобождены от военной службы. – Прим. Кетчвайо). Король хотел бы собрать

их, чтобы приказать построить крааль в какой-нибудь непроходимой части страны и затем заставить их жить там, вдали от всех остальных. Однако это никогда не было выполнено»⁷².

Здесь наблюдается явное противоречие. Кетчвайо, как и все его соплеменники, был достаточно суеверен. Его тюремный опекун капитан Раскомб Пул так писал о нем: «Находясь в заключении в Кейптауне, однажды утром король оказался в подавленном состоянии, так как увидел во сне, будто дома происходит что-то неладное»⁷³. Далее Пул приводит замечание переводчика Лонгкаста относительно этого случая: «Если бы он (Кетчвайо) был сейчас королем, то какой-нибудь бедолага был бы из-за этого «вынюхан» и убит, и тогда бы его душа успокоилась снова»⁷⁴. Сам Кетчвайо признает, что порой был вынужден соглашаться с выводами «вынюхивателей» относительно наказания обвиненных ими людей. Но тут же добавляет, что делал это прежде всего в соответствии с обычаем. Это подтверждает и его индуна – мелкий вождь Умкосана: «Да, колдунов в правление Кетчвайо убивали, но это не его вина... Черные с незапамятных времен верили в колдунов, поэтому и он не мог действовать иначе...»⁷⁵. И все же, идя на уступки своим предрассудкам и традициям племени, Кетчвайо сохранял способность трезво анализировать деятельность исангомас. «Кетчвайо признает, что сам он мало верит в колдунов. Он знает, что во многом продолжается взяточничество»⁷⁶. Но мысль свою об освобождении страны от «вынюхивателей» он стремится реализовать законным путем. Именно в этом заключается отличие его действий от действий Чаки. Если в первом случае мы видим прямое насилие, то через пятьдесят лет перед нами уже более тонкая политика – стремление путем изменений в судебном законодательстве ограничить права враждебной прослойки знахарей. Конечно, не только ход времени модифицировал политику верховного вождя. Среди причин, изменивших эту традицию, следует назвать и расселение на зулусских землях европейцев, прежде всего англичан.

Кетчвайо не случайно отмечает положительное воздействие британской администрации в деле существенного ограничения права исангомас казнить или миловать подданных зулусского «монарха». В качестве примера можно привести свидетельство самого вождя о благосклонном отношении Т.Шепстона к принятым законам. «Мистер Шепстон ответил, что в законе относительно человека, крадущегося по ночам, хорошо то, что его испытывают таким образом: перемещают с места на место и убивают, лишь когда удостоверятся в преступлении. Он также сказал, что «мы (т.е. мистер Шепстон и сопровождающие. – Прим. Кетчвайо) не будем ломать ваши законы, так как по этим законам устраняются пороки и управляется страна»⁷⁷.

Итак, Кетчвайо подчеркнуто демонстрирует положительное воздействие европейцев на свою внутреннюю политику. С какой целью? Мне представляется, что в данном случае он идет на определенный политический маневр. Зулусский вождь, как известно, в то время еще находился в ссылке. Однако у него сохранялась надежда вновь обрести не только свободу, но и власть. Именно поэтому Кетчвайо так настойчиво подчеркивает свою лояльность к могущественной державе. И все же трудно представить себе, что в действительности происходило в душе человека, в чьей памяти остались пепелище столицы, трупы любимых воинов, священные инката**, сожженные англичанами⁷⁸.

Попытаемся, учитывая все сказанное выше, проанализировать отношение Кетчвайо к европейцам, а также его взгляды на взаимоотношения зулусов с англичанами и бурами. Как он рассматривает эти весьма щекотливые вопросы?

Кетчвайо ссылается на слова Т.Шепстона, который обещал мир и спокойствие зулусам, если последние будут поддерживать своего «короля» и прислушиваться к советам своих европейских «друзей». В этой связи вождь приводит обращение Умкаселе, доверенного лица Шепстона, который объявил от имени своего патрона собравшимся на «коронацию» зулусам: «Вот ваш король, заботьтесь о нем,

воздерживайтесь от ваших преступлений, обходитесь с ним хорошо и прекратите свои несправедливые деяния, так как я знаю, что вы наброситесь на своего короля и убьете его, как это вы сделали с Чакой и Дингааном. Мпанде умер естественной смертью, так как пользовался нашей поддержкой. Этот король (Кетчвайо) тоже наш, и мы будем следить за вами, так как знаем, что вы убьете его без какой-либо причины и посадите нового монарха по вашему вкусу...»⁷⁹.

Приведенное высказывание Шепстона весьма типично для английской колониальной администрации, не верившей в то, что африканцы способны сами решать свои внутренние проблемы. Нельзя отрицать того факта, что путь к трону многих вождей нередко был залит кровью и усеян трупами. Это лишний раз любили отметить и английские чиновники, занимавшиеся «туземными делами». Прибыв на службу в Черную Африку, они забывали, что в «цивилизованной» Европе случались преступления не менее ужасные, не говоря уже о странах Азии, где еще во второй половине XIX в. претендент на скипетр монарха мог хладнокровно убить ближайших родственников⁸⁰.

Хорошо, что высокопоставленный британский чиновник призывал зулусов к миру. Среди африканских племен кровопролитные войны в то время действительно являлись довольно привычным способом решения спорных проблем. Но справедливости ради надо отметить, что большинство вооруженных конфликтов происходило по вине белых пришельцев. Нередко случалось, что европейские поселенцы либо сталкивали между собой отдельные племена, либо сами брались за оружие с целью ограбления исконных владельцев земли и скота.

Вновь обратимся к свидетельству Кетчвайо, который должен был испытывать двойственное чувство. С одной стороны, он официально провозглашен «королем» зулусов и даже «коронован» самим полномочным представителем британской монархии, с другой – Т.Шепстон как бы одновременно и

надевал на него «корону», и покрепче затягивал своеобразную петлю, наброшенную на шею «короля».

Английский эмиссар, не считаясь с тем, что был всего на десять лет старше Кетчвайо, объявил себя «отцом» зулусского вождя. Но пусть никто не думает, что сэр Теофил спешил осчастливить коронованного зулуса, предложив последнему свою любовь и имущество. Надо полагать, что Шепстон долго морщился бы, если б ему довелось хотя бы временно находиться в обществе «туземного» правителя, и тщательно мыл руки, обменявшись рукопожатием с кем-либо из зулусов. Тайна внезапно нахлынувших чувств легко раскрывается, если учесть, насколько почитаем среди африканцев отец – глава семьи. Вот почему, называя себя «отцом» самого зулусского «короля», Шепстон надеялся на беспрекословное подчинение со стороны африканцев. Между тем Кетчвайо не мог не понять смысл игры английского чиновника, однако счел благоразумным принять ее условия.

Представляется, что Кетчвайо, рассказывая об этих событиях, немного лукавил. Он, еще будучи только возможным претендентом на «престол», нередко выступал против воли своего настоящего отца Мпанде, не одобрял его политику. Кетчвайо также недолюбливал и своих братьев, видя в них потенциальных противников и решил их участь традиционными методами, собственными любой деспотической власти.

Однако Мпанде, опираясь на поддержку европейцев и будучи весьма ловким интриганом, смог удержаться на троне в течение долгого времени. Кетчвайо не мог не удивляться способности отца идти на компромиссы со своими потенциальными врагами – европейскими поселенцами. Возможно, такая политика и позволила Мпанде сохранить мир и умереть в почете, оплакиваемым родными и подданными.

Кетчвайо хорошо знал особенности политики своего отца и, если не одобрял некоторые ее аспекты, то в целом не мог не согласиться с необходимостью компромиссов. Впоследствии, став «королем» зулусов, он был вынужден нередко прибегать к

лабиринту и даже уступкам, рассчитывая на умиротворение британской администрации.

Надо полагать, что в душе Кетчвайо глубоко презирал английских «советников», не доверял Шепстону и подозрительно относился ко всему тому, что было связано с деятельностью европейцев. Однако «король» хотел управлять, а без поддержки британских чиновников и, главное, той силы, которая стояла за ними, Кетчвайо могла бы постигнуть участь его предшественников. Возможно, инкосо даже подозревал, что убийства Чаки и Дингаана не обошлись без вмешательства извне.

В то же время следует отметить, что Кетчвайо надеялся на активную помощь английской администрации в деле умиротворения буров, очень беспокоивших зулусов своими набегами и необоснованными претензиями. Инкосо стремился добиться расположения представителя великой державы, при этом не скупясь на богатые подарки. Вот так повествует об этом сам автор письма: «По отбытии мистера Шепстона я передал триста голов скота в знак благодарности ему и его правительству за прибытие на мою коронацию. Я дал ему также четыре слоновых бивня. Я ежедневно угощал его людей и давал им скот... Затем мистеру Шепстону салютовала вся армия, как он того и желал, и все зулусские войска кричали: «Байте!***»⁸¹.

Итак, согласно документу, зулусскому «королю» удалось установить дружеские отношения с английской колониальной администрацией. А как обстояло дело с другими соседями зулусов – бурами?

В этой связи Кетчвайо приводит многочисленные примеры, свидетельствующие о враждебном отношении буров. Вождь дает понять, что буры смотрели на зулусов как на существа низшего порядка, как на своих слуг. Это несмотря на то, что зулусы являлись подданными Кетчвайо и вовсе не должны были выполнять прихоти европейцев. Среди многочисленных примеров, приводимых вождем, можно упомянуть следующий: «...в районе Секетвайо буры застрелили королевского слугу,

...отказавшегося выполнить их приказ...»⁸². Узнав об очередном преступлении буров, Кетчвайо не стал мстить убийцам своего подданного, а поспешил сообщить об этом инциденте Т.Шепстону, надеясь на содействие своего «покровителя». И что же? Английский эmissар ответил: «Будь спокоен. Я вижу, что буры поступают плохо»⁸³.

Вновь перед нами традиционное английское лицемерие. Вместо реальных действий Шепстон лишь призывает «короля» к спокойствию, тем самым фактически поощряя буров к новым провокациям.

Какова же позиция Кетчвайо в этом вопросе? Многочисленные конфликты, о которых сообщает вождь, должны были вынудить его на ответные меры. Однако «король» строго приказывал своим подопечным воздерживаться от мщения своим обидчикам. В документе об этом можно прочитать следующее: «В то время, когда в краале Куанди люди собрались обсудить свои дела, к ним приблизилась группа буров. Один из них выстрелил в молодого человека, который находился среди собравшихся»⁸⁴. Зулусы немедленно стали преследовать бура, и им удалось захватить этого человека. Однако, посоветовавшись, африканцы решили отпустить его, помня наказ инкоси.

Может показаться, что зулусы боялись буров и поэтому не желали с ними ссориться. Это не соответствовало действительности. Кетчвайо в то время располагал огромной армией, достигавшей, по некоторым данным, пятидесяти тысяч человек⁸⁵. Да, король не желал войны, но не из страха перед бурами. Он понимал, что в случае войны с этими агрессивными европейцами добрым, даже «союзническим» отношениям с английской администрацией пришел бы конец. А ведь именно этого больше всего хотели буры.

С другой стороны, английские власти стремились не допустить вооруженного конфликта между зулусами и бурами, и вот почему. Вне всякого сомнения, Шепстон с помощью своей агентуры знал, что собой представляет зулусская армия, ему было также известно о военном потенциале буров. В случае

войны армия Кетчвайо, несмотря на свое традиционное вооружение, могла бы одержать победу над фермерскими ополчениями. Сотни бурских семей бежали бы в Капскую колонию, а зулусский вождь, возможно, не ограничился бы наказанием своих давних противников. Ведь в глазах африканцев англичане также были колонизаторами.

Но даже если бы английский эmissар представил себе противное, то и в этом случае британским интересам в Юго-Западной Африке грозила бы немалая опасность. Нетрудно понять поэтому беспокойство Т.Шепстона и его окружения относительно усилившихся зулусско-бурских противоречий.

Более того, у английского правительства были далеко идущие планы объединения Капской колонии, Натала, Трансвааля и Зулуленда в единую федерацию. Понятно, что любой вооруженный конфликт мог лишь затруднить для Лондона реализацию этого плана.

Шепстон вполне осознавал опасность для Зулуленда со стороны агрессивных бурских поселенцев. Однако имперские интересы были выше элементарной справедливости, чести, слова джентльмена. Не исключено, что английский эmissар навязал Кетчвайо условие, по которому «король» был обязан поддерживать мир на своих границах и в первую очередь с бурами. Кроме того, следует учитывать, что потомки голландских переселенцев, как и англичане, были колонизаторами. Для них главным врагом в конечном итоге были те, кого они грабили в первые годы колонизации и у кого в будущем собирались отнять еще оставшиеся плодородные земли.

И все же Кетчвайо считал, что для зулусов наибольшая опасность исходит от буров. В какой-то степени «король» был прав. До трагической англо-зулусской войны было еще далеко, планы аннексии в столице Британской империи только вынашивались, а буры уже готовились к массированному вооруженному вторжению на территорию зулусов. Буры имели обширный опыт ведения войны небольшими отрядами – «коммандос», которые использовались против

южноафриканских племен коса и готтентотов в Капской колонии в течение всего XIX столетия⁸⁶.

Конечно, сражаться с воинственными зулусами было куда труднее, чем убивать практически беззащитных готтентотов и бушменов. В связи с этим буры меняют тактику, однако их стратегия тотальной экспансии практически не изменяется. Кетчвайо вспоминает, как небольшие отряды вооруженных буров тайком, словно воры, крадучись пробирались через лесистые массивы Зулуленда и располагались в краалях, жители которых были уничтожены или бежали, причем буры избегали встречаться с вооруженными зулусскими отрядами. Они предпочитали совершать набеги на мирные поселки зулусов, основное население которых составляли старики, женщины и дети. Может возникнуть вопрос: где же была зулусская армия, наводившая страх на другие африканские племена, где были воины, которых уважали даже спесивые английские офицеры? Дело в том, что воины жили в специальных краалях, напомилавших казармы. Буры знали, где расположены эти военные краали, и предпочитали обходить их стороной. Европейские фермеры, оставив благородный труд, становились жестокими грабителями. Они убивали жителей крааля, захватывали скот, похищали женщин и детей⁸⁷.

Во время одного из таких разбойных набегов буры явились в краали вождей Куоди и Махлебе и стали угрожать находившимся там людям. Вот так передает их слова Кетчвайо: «Мы (буры) пройдем через всю страну за ночь и наутро выйдем к Улунди»⁸⁸.

Конечно, подобными действиями и угрозами буры могли запугать некоторые кланы, отдельных малодушных людей, которых, кстати сказать, было немного среди гордых и мужественных зулусов. В то же время Кетчвайо не мог недооценивать угрозы массированного нападения буров. Уповать на посредничество Шепстона уже не представлялось возможным – этот английский «миротворец» показал свое истинное лицо. Оставалось одно: принять превентивные меры

против зарвавшихся фермеров. Зулусский вождь отдал приказ: «Вооружаться и быть наготове»⁸⁹.

Он и не помышлял вести широкомасштабные военные действия, тем не менее в Натале всерьез поверили, что «Кетчвайо вооружился и готовится к войне»⁹⁰. Столь настороженное отношение наталских поселенцев к своим зулусским соседям было следствием их постоянного страха и недоверия к мощному государственному образованию на севере. Историк Дж.Гай точно определил сущность такого положения, при котором длительная независимость Зулуленда воспринималась в Натале как «экономическое и психологическое оскорбление»⁹¹.

Трудно сказать со всей определенностью, кто был инициатором этих провокационных слухов. Как бы то ни было, но Шепстон и его окружение были явно встревожены. Они понимали, что каким бы терпеливым ни был вождь, политика буров может вызвать его справедливый гнев и соответствующие действия.

Итак, буры как будто добились того, к чему так настойчиво стремились: разрушить кажущуюся идиллию в англо-зулусских отношениях. Однако Шепстон не мог допустить триумфа бурской авантюры. Он поспешил с инспекцией ряда земель, населенных различными африканскими племенами, а заодно послал к Кетчвайо сообщить о том, что собирается после этого рассмотреть вопрос границы с бурами⁹².

И еще один любопытный в связи с этими событиями факт. Кетчвайо сообщает, будто буры всерьез решили убить Т.Шепстона⁹³. При этом вождь ссылается на слухи, коими, как водится, «земля полнится». Соответствовало ли это действительности? Буры, возможно, недолюбливали этого чиновника, как, впрочем, любого английского администратора. Однако уж очень маловероятным представляется обращение фермеров к методу индивидуального террора.

Тем временем слухи о готовящемся убийстве Шепстона быстро распространялись и обрастали ужасающими подробностями. Кетчвайо утверждает, что буры «...вывесили кусок тряпки,

символизирующий Шепстона, и стреляли в нее», приговаривая при этом, что убьют и самого «секретаря по делам туземцев»⁹⁴. Надо полагать, что зулусский «король» был заинтересован в распространении этих слухов, так как они давали ему возможность принять соответствующие меры. Он приказал воинам находиться в состоянии боевой готовности для защиты его английского «отца»⁹⁵.

Однако не будем забывать, что Кетчвайо писал все это, находясь в английском плену. Ему хотелось показать свою преданность и даже «сыновнюю» любовь к Т.Шепстону. И поэтому Кетчвайо столь охотно рассказывает губернатору об этом несколько курьезном эпизоде. Правда, нет никаких доказательств того, что буры в самом деле решили убрать «секретаря по делам туземцев». С другой стороны, Кетчвайо под шумок приказал начать мобилизацию своей весьма многочисленной армии.

Т.Шепстон, находясь за сотни миль от Кетчвайо, быстро узнал о распоряжении своего «союзника», посмеявшегося не посоветоваться со своим «отцом». Последовал грозный окрик. Впрочем, обратимся к документу: «Я (Т.Шепстон) скоро буду в Зулуленде. Вы шумите и, как я слышал, вы построили крааль (казарму) и позвали в Куамэйзиканье**** (название крааля)»⁹⁶. Далее Шепстон не без иронии предлагает «королю» пригласить его в указанный крааль, подчеркивая этим свою глубокую осведомленность относительно истинного назначения такого сооружения. Налицо явное стремление английского чиновника помешать Кетчвайо мобилизовать свою армию.

Шепстону удалось успокоить зулусов, пообещав им справедливое решение пограничного спора с бурами. С этой целью он собрал вождей многих племен и кланов. Кетчвайо подробно рассказывает об этом историческом собрании, хотя и не указывает ни даты, ни даже года, когда это произошло. Согласно автору документа, на встречу прибыло около восьмисот вождей. Английский чиновник предложил зулусским представителям описать истинные, по их мнению, границы Зулуленда. И что же? В ответ он получил

исчерпывающую справку. Мне представляется, что если бы образованному английскому джентльмену того времени предложили указать подробные границы английского королевства, скажем, периода Ричарда Львиное Сердце (1157-1199), то он, скорее всего, недоуменно пожал бы плечами. А вот совершенно неграмотные зулусы так подробно излагали Шепстону историю своего государства, что можно было только удивляться их любви к своей родине и ее прошлому.

С малых лет зулусские дети с трепетным вниманием слушали рассказы своих отцов о прославленных вождях племени, и прежде всего о Чаке. При этом старейшины с гордостью могли поведать о блестящих сражениях, выигранных этим инкосо, дать подробное описание присоединенных к небольшому в те времена «королевству» Чаки земель, рассказать об особенностях растительного и животного мира.

В соответствии с лучшими зулусскими традициями вожди, присутствовавшие на встрече, подробно описали исконные границы своей страны. Для подтверждения этого факта обратимся непосредственно к документу. «На территории Натала она (граница) когда-то простиралась до Умкомази (Умкомаас, река южнее г.Дурбана), а выше она доходила до Претории⁹⁷, где вождь Умзиликази⁹⁸ был побежден зулусами»⁹⁹. Подобная осведомленность партнеров по переговорам могла вызвать у Шепстона скорее досаду, чем восхищение. Территория, границы которой указали зулусы, в самом деле была огромной. На эти земли, конечно, исконные владельцы уже претендовать не могли. Однако их историческая память должна была служить грозным напоминанием европейцам, посягавшим на зулусскую территорию.

Между тем переговоры с Шепстоном стали заходить в тупик, угрожая рассорить недавних «союзников». После некоторой паузы Т.Шепстон предложил своим собеседникам установить границы, которые были реальными, учитывая создавшуюся обстановку.

Из рассказа Кетчвайо явствует, что территория Зулуленда должна иметь следующие рубежи: на юге границей служила река Тугела, на западе – река Баффало, бравшая начало у Драконовых гор, до реки Игуа (Вааль), и на севере граница должна была простираться по территории племени свази (амасвази) и далее вдоль реки Понголо¹⁰⁰.

Но и эти вполне обоснованные границы нередко нарушались бурами, стремившимися к захвату части Зулуленда к востоку от Драконовых гор до истоков реки Белая Умфолози¹⁰¹.

Т.Шепстон занял в вопросе о границах вполне определенную, но не принципиальную позицию. Он посоветовал зулусским представителям не предлагать столь «широкие» границы. На что африканцы дали достойный ответ: «Разве вы не просили нас описать границы нашей страны? Мы указали Вам свои границы до прихода буров, когда последние силой отняли наши земли»¹⁰².

Твердая позиция зулусов окончательно разозлила Шепстона и его окружение, которые рассчитывали на легкую дипломатическую победу над «темными» и «дикими», как они считали, африканцами. Кетчвайо в своем «Письме...» упоминает ответ зулусов, как бы подводящий итог этим переговорам: «Нет другой границы, кроме той, что мы определили вначале»¹⁰³.

Казалось бы, яснее не скажешь. И на этом можно было бы завершить рассказ о переговорах, если бы не один досадный случай, коим не преминул воспользоваться Шепстон, чтобы не только сорвать переговоры, но и приобрести, если будет позволено так выразиться, «политический капитал».

Представление о происшедшем дает исследуемый документ. Вкратце все сводилось к следующему: неподалеку от места встречи сторон расположилась группа зулусских юношей, прибывших туда вместе с вождями. Следует учитывать, что согласно обычаям страны каждый молодой человек в Зулуленде является в то же время воином армии верховного вождя. А если учесть также напряженную обстановку тех лет, непрекращающиеся конфликты с бурами, частые

междоусобные столкновения среди зулусов, то станет ясно, почему юноши явились на переговоры вооруженными. Следует добавить и то, что ко времени правления Кетчвайо огнестрельное оружие перестало быть редкостью у зулусов. Английские и бурские торговцы охотно переправляли этот товар в Зулуленд, получая при этом немалые барыши. Другой вопрос – качество оружия. Оно оставляло желать лучшего. Зачастую приобретенное ружье несло больше опасности самому владельцу, чем его противникам. Среди многих дефектов довольно часто встречался такой, как самопроизвольное разряжение...

Что же произошло с Т.Шепстоном? Все вышесказанное имело своей целью помочь лучше понять сущность инцидента. А случилось вот что. У одного из юношей из-за неосторожного обращения ружье выстрелило. Пуля пролетела на почтительном расстоянии от англичан. Вскоре, однако, в Натале серьезно утверждали: «...в мистера Шепстона стреляли умышленно... его шляпа даже пробита пулей»¹⁰⁴. Сам виновник этих слухов тогда объявил своим собеседникам, что только на следующий день сможет подвести итог переговоров. Однако наутро удивленные зулусы обнаружили, что Шепстона «и след простыл». Так безрезультатно закончилась первая попытка решения английским эмиссаром вопроса о границах Зулуленда.

Следующей попыткой урегулировать пограничный конфликт, согласно документу, было назначение Т.Шепстоном специальной комиссии¹⁰⁵. Состояла она из представителей Кетчвайо, вождей наталских зулусов и одного английского чиновника¹⁰⁶.

Первоначальным решением комиссия определила, что граница Зулуленда «есть дорога для фургонов, ведущая в Инкоме (река к северо-востоку от реки Баффало) и проходящая через Дудусини (приток реки Инкоме) прямо в центре страны, под Секетвайо (крааль вождя Секетвайо). Далее она... ведет к Идумбе, горе прямо посреди Зулуленда»¹⁰⁷. Реакция Кетчвайо была ясно выражена в его ответе члену комиссии Гебуле: «Что

же плохого сделал я, коль мистер Шепстон, мой отец, отбирает у меня всю страну? ...Было бы очень хорошо, если бы он смог найти мне другую землю, достаточно большую, чтобы разместить на ней зулусскую нацию»¹⁰⁸.

Вскоре Кетчвайо было велено отправить своих представителей к Рорки Дрифт (место переправы на реке Баффало) для встречи с Джоном Шепстоном, братом «секретаря по делам туземцев». На встрече, кроме вождей и Дж.Шепстона, присутствовали также представители от буров, в том числе Лэндтмен, известный среди зулусов под именем Гининиза¹⁰⁹.

История этого бурского переселенца такова. После аннексии англичанами в 1843 г. Натала буры, перейдя Драконовы горы, направились в Трансвааль через ту часть зулусской территории, где позднее, в 1853 г., был основан город Утрехт¹¹⁰. Часть буров попыталась получить от Мпанде разрешение селиться к востоку от реки Баффало. В результате стороны пришли к следующему решению: Мпанде согласился предоставить буру по имени Гининиза право пользоваться землей в этом районе при условии, что тот будет служить своеобразным ограничителем дальнейшей экспансии буров на восток¹¹¹. На том и договорились. Дальнейший ход событий показал, что на деле все эти соглашения оказались пустым звуком. Буры продолжали упорно продвигаться в глубь зулусских земель. Как мы видим, к моменту описываемых событий их претензии распространились на значительную территорию к востоку от Утрехта и реки Инкоме.

Обратимся к переговорам у Рорки Дрифт. Поначалу стороны продолжали настойчиво отстаивать свои позиции по вопросу о границах. Казалось, дело не сдвинется с мертвой точки. Но положение резко изменилось после выступления самого Лэндтмена. По всей видимости, у этого бура хватило мужества честно рассказать историю своего соглашения с Мпанде. Это и позволило ему дать суровую, но справедливую оценку действиям европейцев. Вот как Кетчвайо передает его слова: «...буры неправы... вся земля, на которую претендуют зулусы, принадлежит им. Буры забрали ее постепенно»¹¹². В результате

заявление Лэндтмена оказало определенное влияние на решения комиссии, вынудив Дж.Шепстона признать права зулусов на землю. Обращаясь к властям, он сказал: «Идите сейчас домой и сообщите королю о своей победе над бурами. Мы убедились, что земля, на которую вы претендуете, действительно ваша и была отнята у вас силой. Мы уходим, чтобы сообщить английской нации об этом, и вернемся обратно, чтобы по праву вернуть вам эту землю»¹¹³. Так передает слова Дж.Шепстона автор «Письма...».

Увы, это было последнее, что услышали зулусы о ходе законного разрешения их спора с бурами. В следующий раз им напомнили о границах лишь в связи с более важным событием – получением ультиматума от английского правительства.

Уже говорилось о том, что привело к появлению указанного документа. Формальным поводом для объявления ультиматума стало пресловутое «дело Сирайо» и «казус у переправы Мидл-Дрифт». Трактовка событий в основном совпадает с их интерпретацией в «Рассказе Кетчвайо о зулусской нации и войне». Однако тщательное изучение «Письма Кетчвайо к губернатору Капской колонии» вынуждает нас вновь обратиться к известным событиям.

Сыр-бор разгорелся из-за преступления, совершенного сыновьями вассального вождя Сирайо. И если в «Рассказе...» лишь приводятся факты из этой истории и Кетчвайо прежде всего стремится оправдать свои действия, то в «Письме...» он откровенно указывает на то, как колониальная администрация пыталась использовать это злополучное убийство.

Кетчвайо подчеркивает, что проступок детей Сирайо не является из ряда вон выходящим случаем и уж, конечно, не был направлен против англичан. Если из «Рассказа...» могло сложиться впечатление, что зулусский «король» до конца не понял истинных целей своих «покровителей», то в «Письме...» он ясно показывает: «...Мпанде не проявил к вам никакой враждебности, и я не совершил ничего дурного. Вторгаясь в мои земли, вы, должно быть, имеете иные цели. Это не может произойти из-за поступка сыновей Сирайо. Англичане только

что короновали меня... Как же так можно: короновать меня утром, а уже в полдень свергать с трона?»¹¹⁴.

Уже отмечалось, что в первом документе – «Рассказе Кетчвайо о зулусской нации и войне» – важное место занимает описание войны 1879 г. Это вполне закономерно. В частности, Кетчвайо должен был немало сказать и об Изандлване, хотя и очень деликатно, чтобы не оскорбить чувства своих тюремщиков. Но что мы читаем о событиях 1879 г. в «Письме к губернатору Капской колонии»? Иногда складывается впечатление, будто этот документ писал совсем другой человек.

Если в «Рассказе...» инкосо не скрывает того факта, что в начале 1879 г. имело место вооруженное противостояние двух армий – английской и зулусской, то в «Письме...» он сообщает: «...Я тогда приказал своим людям не стрелять, пока их не подвергнут обстрелу... В это время войска (англичан) убивают и опустошают все вдоль и поперек. Я же все еще приказываю своим войскам не стрелять и не бросать ассегаи...»¹¹⁵.

А как же насчет сражения при Изандлване? В «Рассказе...» Кетчвайо, хотя и скромно, но все же упоминает об этой победе. Но уже в «Письме...» бывший верховный вождь делает вид, будто ничего трагически-постыдного для противника не произошло. Вот что об этих событиях можно прочесть в документе. «Я приказал Туингвайо, который был во главе войск, не идти сразу на англичан, а провести совещание и затем послать несколько вождей спросить англичан, почему они опустошают страну и убивают зулусов... мои вожди совещались... но внезапно они услышали грохот орудий и увидели пыль и дым, поднимавшиеся к небесам, и наших фуражиров, примчавшихся назад в лагерь и сообщивших: «Кавалерия рядом». Тогда вожди, зная, что работа смерти началась, прервали собрание и поспешили к своим полкам. Войска тотчас поднялись на холм и, достигнув вершины, встретили англичан, вступив с ними в бой у Изандлваны. Наутро генерал (Челмсфорд) сражался с группой моих воинов и победил их»¹¹⁶.

Вот и все, что Кетчвайо сообщает в своем «Письме...» о знаменитом сражении, вызвавшем искреннее восхищение во многих странах. Фактически «король» умышленно обходит это событие молчанием. На то имелись, по всей видимости, определенные причины. Во-первых, Кетчвайо лично не принимал участия в битве. Во-вторых, с момента трагического поражения «первой в мире»¹¹⁷ пехоты прошло два года, и в Европе утихли восторги и восхищение зулусской армией. В-третьих, автор послания к важному английскому чиновнику рассчитывал на сочувствие к своей судьбе, и было бы опрометчиво вспоминать событие, принесшее, помимо жертв и конфуза, отставку консервативного кабинета Дизраэли. Между тем многие высокопоставленные чины британского колониального офиса зачастую являлись активными сторонниками знаменитого премьер-министра.

Вернемся к тому времени, когда Кетчвайо узнал о ряде поражений своих военачальников в англо-зулусской войне. «Король» тогда решил послать своего представителя к епископу англиканской церкви в Натале Джону Коленсо. Такой шаг, на мой взгляд, был вполне оправданным и разумным. По сути дела вождь обращался к общественному мнению Капской колонии, Натала и метрополии, ибо епископ был хорошо известен и в Южной Африке, и на Британских островах как защитник прав и интересов угнетенных африканцев. Зулусы и их вождь пользовались особым уважением у Коленсо и его семьи. Кетчвайо через своего посланца просил объяснить уважаемого священнослужителя, почему англичане «поступают таким образом»¹¹⁸. Как явствует из «Письма...», Коленсо предложил зулусскому «монарху» проявить выдержку, добавив при этом: «Это была ошибка Шепстонов (братьев Теофила и Джона)»¹¹⁹.

Трудно сказать, насколько был искренним ответ Дж.Коленсо. Епископ не мог не знать, что война 1879 г. была санкционирована на самом высоком уровне в Лондоне. Тем не менее Коленсо направил гнев зулусов против всего лишь исполнителей имперских замыслов правительства. С другой

стороны, священник не желал вражды между зулусами и англичанами. Может быть, поэтому он решил пожертвовать репутацией второстепенных чиновников, чтобы оградить правительство своей страны, армию, простых поселенцев от справедливого гнева побежденных зулусов. Однако трудно представить себе, чтобы после содеянного британской армией в Зулуленде Кетчвайо и его народ сохранили дружелюбное отношение к англичанам.

Следующие строки «Письма...» дают представление о том, как на самом деле воплощалась «цивилизаторская миссия» колониальных войск в этой стране: «Английские войска... достигли Куадукузы (здесь и далее название населенных пунктов Зулуленда), угнали жителей и сожгли крааль... Затем они пришли в ЭКуэкетене и сожгли ее. Затем пришли и сожгли ЭНкуэкуэни...»¹²⁰. Тем не менее Кетчвайо снова пытается добиться расположения противника, отправляя к английскому командованию своих представителей с подарками и предложением о мире. Вот что он сам сообщает по этому поводу: «На следующее утро полковые мальчики пришли к Умфолози (река в Зулуленде) собрать дров и были обстреляны... В тот же день я послал большое количество скота, чтобы... заключить мир с англичанами»¹²¹.

В этом месте повествования в очередной раз сталкиваемся с попыткой ссыльного вождя апеллировать к милости своих поработителей. Кетчвайо настойчиво подчеркивает, что вся инициатива ведения войны, в сущности, принадлежала исключительно рядовым воинам, а также его непокорным индунам. «Король» повествует о том, как один из его полков, который должен был передать англичанам скот, отказался выполнить этот приказ. Согласно источнику, создававшаяся ситуация выглядела следующим образом: «Я (Кетчвайо) тогда спросил, почему они против того, чтобы англичане получили скот. Они сказали: «Лучше мы все погибнем». Я ответил им: «Кто собирается убивать вас? Или вы не знаете, что англичане убьют меня за ваши дела, а вас отпустят на свободу?»¹²².

Судя по всему, к этому времени Кетчвайо все больше начинает беспокоить его собственная судьба. И это понятно. Война близилась к концу. Поражение зулусов в ней уже было очевидным. Командование английских войск настойчиво стремилось захватить «короля». Эти события находят отражение и в «Письме...»: «Пока Умьямана (индуна Кетчвайо) был на полпути к сэру Гарни, он встретил солдат, направлявшихся за мной (Кетчвайо). Когда мне сказали о них, я испугался, потому что убедился в намерениях англичан убить меня... Я тогда сказал себе: «Что я могу сделать кроме того, как бежать? Я сделал все, что мог, и это не помогло»¹²³.

Побег Кетчвайо не должен нас удивлять. Он, будучи вождем враждебного англичанам племени, мог ожидать самой суровой кары, как это было принято у африканцев. Правда, можно предположить и другую версию. Кетчвайо в течение многих лет был знаком с европейцами, в частности с англичанами, знал их обычаи и нравы. Учитывая это, побежденный вождь был вправе ожидать снисходительного отношения к своей персоне, и вот почему. Кетчвайо считал себя, и не без основания, лояльным союзником английских властей и мог надеяться, что цивилизованные британцы не посмеют лишить жизни ими же «коронованного» вождя. В конце концов он мог бы предвидеть, что в качестве наказания его принудят выплатить определенную контрибуцию либо, в крайнем случае, лишат части племенной территории.

И все же «король» предпочел тайно скитаться по различным краалям, преследуемый по пятам английскими солдатами, лишь бы не попасть в руки победителей. Такое поведение поверженного вождя имеет основания, если учесть следующие обстоятельства. Для зулусов инкоси был своеобразным символом единства, мирного сосуществования различных племен и кланов, обычно предпочитавших «помериться силами» между собой. Более того, Кетчвайо считал себя олицетворением верховной государственной власти. Миссионер А.Т.Брайант, много лет наблюдавший жизнь и быт зулу, отмечал: «Король был у зулусов не только властелином,

но и верховным жрецом клана, и мы в различное время наблюдали, как короли осуществляли оба эти вида власти. Поскольку для зулусов единственными богами были духи умерших королей, то живым представителем их на земле был царствующий монарх»¹²⁴. Мог ли Кетчвайо в таком случае допустить свое пленение? Инкоси понимал, что его отсутствием в стране воспользуются многие вассальные вожди, которые только того и ждут, чтобы начать вооруженную борьбу за власть. К сожалению, Кетчвайо не рассказывает в этом документе, каким образом английским властям удалось взять его в плен и отправить в Капскую колонию.

Несомненный интерес вызывает концовка «Письма...». Кетчвайо здесь пытается оправдать свои действия. Если в первом документе его автор рассказывает о своих многочисленных жертвах, то в «Письме...» вождь уже выглядит вполне гуманным правителем.

Попробуем разобраться в этих, на мой взгляд, далеко не случайных противоречиях. Многочисленные обвинения Кетчвайо в жестокости по отношению к своему народу и армии наиболее полно можно рассмотреть на примере двух особенно характерных случаев. Первый представляет собой попытку массового дезертирства из армии инкоси и последовавшие за этим карательные меры со стороны верховной власти. Необходимо пояснить, что ежегодно вождь приказывал своим воинам являться на осмотр, дабы продемонстрировать инкоси свою боеготовность, а заодно отремонтировать старые военные краали и выстроить новые. Это была своеобразная воинская повинность, по всей видимости, не очень легкая. Согласно «Рассказу...» вождя, на сборы не явилось довольно много воинов, что было расценено им как «потеря власти»¹²⁵. Кетчвайо немедленно послал воинов с приказом уничтожить дезертиров, которым от имени инкоси было сказано: «Вы, больные мужчины, не нужны стране, так что я избавлю лекарей от забот по уходу за вами»¹²⁶. Однако из «Письма...» явствует, что в результате карательной акции убиты лишь четыре человека, а не сотни, как об этом повсюду говорили¹²⁷.

Кетчвайо не раз стремился показать себя миролюбивым и справедливым правителем. Обращаясь с письмом к английскому губернатору, он приводит такой пример. Как-то раз Кетчвайо приказал двум своим полкам «надеть кольца», т.е. жениться. В данном случае вождя интересовала не проблема рождаемости и семейного благополучия молодых зулусских женщин. Причина состояла в том, что холостые мужчины своей агрессивностью представляли угрозу миру и спокойствию на границах Зулуленда. Сам «король» говорил об этом следующее: «Юноши в Зулуленде были очень беспокойны и задиристы, с нетерпением желая омыть свои копья в крови. Они готовы были воевать где угодно...»¹²⁸. А при сложном для Зулуленда внешнеполитическом положении подобная «активность» способна была лишь усугубить подозрения натальской администрации по отношению к Кетчвайо и его «агрессивным намерениям». Отсюда вполне понятно стремление вождя хотя бы путем женитьбы несколько утихомирить своих воинов.

Девушки, которым выпала честь стать женами этих воинов, не пожелали разделить с ними супружеское ложе, так как предпочли им других мужчин. Все знали, какие страшные кары ожидали тех, кто посмел бы ослушаться «короля». Однако юные нарушительницы приказа были готовы и на это ради любви. Тогда вождь решил применить силу. В «Письме...» в связи с этим говорится, что был вызван специальный полк, который «принудил их выйти замуж». И лишь как результат «местных перегибов» четыре девушки были убиты¹²⁹.

Между тем в первом документе подобный случай имеет более трагический финал. «Он (Кетчвайо) приказал группе женщин выйти замуж за воинов одного из полков»¹³⁰. Но они отказались. Кетчвайо не заставил себя долго ждать с репрессиями. Вызванный для наказания строптивых невест полк перебил их. Это преступление отнюдь не смутило вождя, который, по собственному признанию, «решил показать народу, кто хозяин»¹³¹.

Как видно, в «Письме...» Кетчвайо явно умалчивает о своих жестоких методах правления. И все же нелепыми кажутся слухи, приписывающие ему исключительную кровожадность и крайний деспотизм. Только недоумение может вызвать, например, утверждение, будто Кетчвайо, просыпаясь по утрам, имел привычку убивать сразу десяток девушек¹³². Конечно, справедливости ради надо отметить, что жестокости инкосо было не занимать. Но, с другой стороны, следует помнить, что у зулусов существовала вековая традиция, согласно которой многие поступки карались смертью. Заметим, что Мпанде, слывший миролюбивым по отношению к европейцам, был безжалостным к своим подданным. И, наоборот, его сын Кетчвайо, казавшийся многим английским миссионерам и колониальным чиновникам жестоким тираном, на самом деле стал первым зулусским инкосо, попытавшимся смягчить жестокие традиции и законы своей страны. В частности, выше уже отмечалось стремление Кетчвайо оградить своих подданных от произвола исангомас. Но парадокс в том, что как раз это решение «монарха» и вызвало наибольшее недовольство его крайне суеверного народа¹³³.

В заключение своего письма Кетчвайо обращается к Г.Робинсону с просьбой: «Я прошу Вас рассмотреть мои доводы и больше не держать меня вдали от моих жен и детей... Все, что мое в Зулуленде, было уничтожено и разграблено. Мои дети и жены ввергнуты в горе ныне правящими вождями... Я хочу, чтобы вы, англичане, в этом убедились¹³⁴».

Этими словами, полными надежды, Кетчвайо обращается к влиятельному английскому администратору. Какой же могла быть реакция тех, к кому апеллировал ссыльный «король»? Уже отмечалось существенное смещение акцентов автором «Письма...» относительно роли британских властей, и особенно Т.Шепстона. Казалось бы, Кетчвайо должен был и в этом вопросе проявить свойственную ему гибкость и осторожность. Но если вспомнить, что между опубликованием «Рассказа...» и написанием «Письма...» прошло почти тринадцать месяцев, то станет ясно, что за этот период

произошли значительные перемены в общественной жизни Капской колонии и метрополии. Англо-зулусская война 1879 г. вызвала в английском обществе далеко не однозначную реакцию. Конечно, победа британской армии над зулусами не опьянила большую часть общественности островов. Всем были памяты мужественная борьба африканцев и те многочисленные жертвы, которые понесли колониальные войска. В результате кабинет лорда Биконсфильда пал и многие ответственные чиновники колониального ведомства вынуждены были подать в отставку. Правительство без труда нашло «козлов отпущения». Среди прочих им оказался и Т.Шепстон. Таким образом, Кетчвайо, зная о постигшей его бывшего «опекуна» опале, мог позволить себе более правдоподобно излагать факты.

Особое внимание автор «Письма...» уделяет зулусско-бурским отношениям. Кетчвайо прав, когда стремится вызвать особый интерес у своего корреспондента к этой проблеме. Неоднократно подчеркивалось, что зулусский вождь надеялся реабилитировать в глазах победителей свою многогранную деятельность. Тем не менее он не упускает возможности обвинить, и вполне справедливо, европейских экспансионистов, причастных ко многим его бедам.

Отмечая агрессивность буров, Кетчвайо осуждает, пусть косвенно, и британскую политику в своем регионе. Правда, и в первом документе вождь намекал на это, однако «Письмо...» не оставляет сомнений в прозрении бывшего английского «союзника». Данный документ в еще большей степени раскрывает характер такой сильной личности, как Кетчвайо. Кроме того, из «Письма...» мы узнаем об истории зулусов, их обычаях. Нельзя не учитывать того, что зулусы во времена Кетчвайо оставались верны традициям, существовавшим еще при Чаке. Подробный анализ быта и традиций этого народа не является целью этой работы, однако автор этих строк убежден, что народ, представителями которого были Чака, Дингаан, Кетчвайо, не мог быть легко поработан. Известно, что в ходе войны зулусам было нанесено жестокое поражение,

колонизаторы сожгли столицу, надругались над местными святынями. Но даже в таких крайне неблагоприятных условиях седовласые старцы и задиристые юноши продолжали помнить свои истоки, почитать обычаи и были готовы при необходимости вновь сражаться.

Кетчвайо, проявляя дипломатический талант и политическую дальновидность, не считал возможным откровенно восхищаться мужеством своих воинов, победивших хваленную английскую пехоту. Но нет никаких сомнений в том, что его подданные хранили гордую память о победе при Изандлване.

Да, побежденный вождь просит у своих поработителей справедливости в решении его участи и судьбы своего народа. Но Кетчвайо не сломлен, у него ясная голова и твердая убежденность в правоте проводимой им политики. Это также позволяет считать рассматриваемый документ неоценимым источником по исследованию различных аспектов истории зулусских племен и их взаимоотношений с европейцами.

3. ТАИНСТВЕННЫЕ ПОКАЗАНИЯ ВОЖДЯ.

В среду, 6 июля 1881 г., в жизни ссыльного Кетчвайо произошло важное событие. В этот день он начал давать показания специально созданной комиссии «по законам и обычаям туземцев»¹³⁵. В ее состав входили видные чиновники Капской колонии Джакоб Бэрри (1832-1905)¹³⁶ и Томас Апингтон (1844-1898)¹³⁷, специально прибывшие для этой цели на ферму Ауди Молен. Переводчиком на этой встрече служил все тот же Р.С.А.Самуэлсон.

Надо полагать, что Г.Робинсон, тогдашний губернатор Капской колонии, уже ознакомился с письмом Кетчвайо. При желании он мог не обращать особого внимания на своеобразный «крик души» бывшего правителя Зулуленда. Однако к тому времени у английского правительства созрел план, согласно которому Кетчвайо отводилась немаловажная роль на юге Африканского материка. Для этого имелись веские основания. В Лондоне учитывали, что бывший «король» пользовался весомым

авторитетом у вождей небольших племен и кланов, не говоря уже о рядовых зулусах. Кроме того, учитывая свободолюбивый и воинственный характер зулусов, в правительственных кругах решили, что еще не настало время превращать Зулуленд в колонию, управляемую исключительно английскими чиновниками. Наконец, общественное мнение метрополии все еще сочувственно относилось к этому южноафриканскому народу.

Может быть, поэтому обращение Кетчвайо к губернатору Капской колонии и другим политическим деятелям страны было встречено с пониманием. Есть все основания полагать, что друзья зулусского вождя, среди которых был Р.Самуэлсон, посоветовали ему именно так и поступить.

Трудно себе представить, что прибытие в Ауди Молен специальной комиссии обуславливается только «доброй волей» губернатора. Об этом, в частности, свидетельствуют вопросы, заданные ссыльному вождю.

При дознании Кетчвайо предложено было ответить на 301 вопрос. Все их можно условно разделить на шесть тем: семья и брак; законодательная, исполнительная и судебная власть в Зулуленде; отношения собственности и наследования; традиции и верования; внешние связи; военная система. Главное место среди них занимала проблема семьи и брака.

На первый взгляд может показаться странным тот факт, что высокопоставленные чиновники оставили на время свои ответственные должности для того, чтобы выяснить у Кетчвайо подробности семейно-брачных отношений, существовавших у его соплеменников. На деле же подобный интерес имел не только профессиональную направленность в деятельности Дж.Бэрри, представителя комиссии, серьезно занимавшегося «туземной» проблемой в Южной Африке, но и важный военно-политический аспект.

Попытаемся разобраться в этом довольно сложном вопросе. Итак, члены комиссии, не успев добраться до фермы, где содержался Кетчвайо, узнают, что один из слуг вождя покончил жизнь самоубийством. Такое деяние само по себе

было относительно редким в среде африканцев, тем более в таких необычных условиях. Вполне естественно, что это чрезвычайное происшествие заинтересовало членов комиссии. Ее председатель не преминул воспользоваться случаем спросить вождя о причине, побудившей его слугу свести счеты с жизнью. Неожиданно для чиновников выяснились любопытные обстоятельства, связанные с кодексом чести у зулусов.

К этому событию мы еще вернемся. Вначале важно выяснить и другие обстоятельства, заставившие Кетчвайю ответить на все вопросы (их было около ста) по проблемам семейно-брачных отношений.

Неоднократно отмечалось, что английская колониальная администрация стремилась к широкой экспансии в Южной Африке. Но много ли знали о политической, военной и экономической структуре, сложившейся в Зулуленде за несколько десятилетий до англо-зулусской войны 1879 г., в соответствующих офисах Лондона и Капской колонии?

Справедливости ради надо отметить, что колониальные власти уже давно проявили интерес к тому, что происходило в стране Чаки. Однако сведения, поступавшие из Зулуленда, касались главным образом «туземной» армии, а также характеристики инкоси и его ближайшего окружения. Британскую администрацию меньше всего занимали особенности быта зулусов, обычаи этого племени. Однако упорное сопротивление, оказанное армией Кетчвайю колонизаторам, и, главное, победа зулусов при Изандлване вынудили англичан обратить внимание на особенности их общественно-политической структуры. Надежды на то, что зулусы потеряли свой боевой пыл, свойственный им при Чаке и Дингаане, во многом не оправдались. Кроме того, ссыльный вождь готов был сотрудничать с официальными представителями английского правительства и объективно ответить на все вопросы.

Наконец, еще одно важное обстоятельство, вызвавшее к жизни специальную комиссию по «законам и обычаям туземцев». В

начале 80-х гг. XIX в. вновь резко обострились англо-бурские отношения, дело дошло до вооруженных столкновений. К тому же в это время племена коса, свази и другие с оружием в руках выступили против британских колонизаторов. Колониальные власти, напуганные ростом «бурского экстремизма» и недовольством африканцев, стремились наладить «добросердечные» отношения с зулусами.

Конечно, война 1879 г. донельзя осложнила англо-зулусские отношения, но в Лондоне надеялись, что можно будет исправить положение. Направив комиссию в Ауди Молен, власти рассчитывали, с одной стороны, «прощупать» настроение Кетчвайю, а с другой – вооружиться необходимыми сведениями из «первых рук» относительно различных сторон жизни зулусов. Нельзя также не учитывать того обстоятельства, что в долгосрочной перспективе английское правительство надеялось на экспансию всего Зулуленда. Таким образом, свидетельства Кетчвайю, по мнению стратегов из колониального ведомства, были способны помочь чиновникам осуществить управление свободолюбивым народом. Прошло не так много времени, и в 1897 г. Зулуленд стал частью Натала, находившегося под британским управлением.

Автор этих строк уже сообщал, что члены комиссии были удивлены самоубийством человека из ближайшего окружения «короля», находившегося под пристальным надзором колониальных властей. В этой связи Бэрри спросил вождя: «Мы полагаем, что он пытался изнасиловать женщину и страх перед последствиями этого заставил его покончить с собой. Какое было бы наказание, если бы он совершил такое преступление в своей собственной стране?»¹³⁸. Кетчвайю отвечал, что такой человек был бы незамедлительно казнен. Вождь также отметил, что зулусские законы стоят на страже чести и достоинства женщины. Ответ Кетчвайю вызвал недоумение у членов комиссии, которые резонно заметили: «Если достоинство женщины пользуется таким уважением, то почему, как утверждают, с ними обращаются таким образом: покупают и продают в жены, не спрашивая их согласия?»¹³⁹.

Кетчвайо пояснил: зулусских девушек принуждали выходить замуж потому, что они вступили в связь с мужчинами, не имевшими право носить головные кольца¹⁴⁰. Эти молодые люди являлись воинами и были обязаны находиться в специальном краале. Такие порядки существовали задолго до правления Кетчвайо. Основатель зулусской военной системы – вождь Чака – ввел закон, согласно которому все мужчины были обязаны призываться в армию, и только специальное разрешение правителя предоставляло им возможность вступать в брак, а значит, покидать военный крааль. Правда, в случае войны они обязаны были возвращаться туда вновь¹⁴¹.

Зулусы, по-видимому, отличались от других африканских народов еще и тем, что семейные отношения в этом племени строго регламентировались и являлись объектом пристального внимания верховной власти. Отчасти это обстоятельство можно объяснить жесткой милитаризацией всех сторон жизни зулусского общества.

Кетчвайо особо отметил, что главой семьи является отец, пользующийся большой властью¹⁴². Это же подтверждает и Брайант, писавший: «Основу социальной организации зулусов представлял глава семьи, который пользовался всеми правами... Зулусская семья имела под собой твердую почву, опираясь на сильные плечи отца семейства»¹⁴³. Судьба дочерей фактически полностью зависела от воли главы семьи. В частности, отец решал, за кого конкретно должна выйти замуж его дочь и сколько скота следует потребовать от претендента на ее руку. Кетчвайо об этом говорит: «...девушка отдается тому, кого выбирает ее отец»¹⁴⁴.

Выбор отца во многом зависел от имущественного положения жениха. Как правило, «выкуп» был не очень обременителен для мужчины. Брайант в этой связи приводит такие данные: «В то время за невесту давали от трех до десяти голов скота в зависимости от общественного положения семьи»¹⁴⁵.

Члены комиссии, явно неудовлетворенные ответом вождя, спросили: «Разве это правильно, что отец продает свою дочь человеку, которого она не любит, лишь ради скота,

полученного за нее?»¹⁴⁶. Кетчвайо, прекрасно знавший обычаи и законы своего племени, подробно объяснил англичанам суть удивившей их традиции. Оказалось, что отец, отдавая дочь замуж, не считаясь с мнением последней, «заботится о ее благосостоянии в будущем»¹⁴⁷. Вождь не соглашался с комиссией, подозревающей зулусских отцов в корысти. Он утверждал, что на самом деле количество скота, полученного главой семейства в качестве выкупа, не имеет решающего значения. Если на одну девушку претендуют несколько женихов, то отец смотрит не на количество скота, а считается с мнением дочери и ее слово в этом случае является последним в выборе спутника жизни. Наконец, Кетчвайо утверждал, что девушка, бежавшая от своего жениха и нарушившая желание отца, не подлежит наказанию¹⁴⁸.

Ответы зулусского вождя должны были, как кажется, пристыдить представителей цивилизованной нации. Британские чиновники делали вид, будто не знают о том, что ни один джентльмен не рискнет жениться, не выяснив предварительно состояние своей избранницы.

Как и следовало ожидать, мужчины у зулу находились в более привилегированном положении, чем женщины. Кетчвайо отмечает, что любой мужчина, получивший разрешение на женитьбу, может взять несколько жен в зависимости от наличия у него скота. При этом вождь ссылается на экономический фактор. Жены обязаны были возделывать сады и огороды, заниматься детьми и выполнять другие многочисленные обязанности. Кроме того, несколько жен в перспективе давали возможность иметь много детей. А это, по мнению Кетчвайо, значило следующее: «...дети, когда вырастают, перед своей женитьбой много работают на него (отца)»¹⁴⁹.

Не следует думать, будто зулусы стремились иметь большую семью ради эксплуатации своих детей или получения «выкупа» за дочерей. Вождь, понимая смысл задаваемых ему вопросов, подчеркивал, что мужчины радовались рождению сына больше, чем дочери, несмотря на то, что благодаря невесте ее

отец увеличивал свое имущество. Сыновья для зулусских родителей были опорой в старости. Вот как об этом можно прочесть в документе: «Сыновья остаются ухаживать за отцом, тогда как дочери выходят замуж и покидают его»¹⁵⁰.

И еще одна любопытная деталь: случалось, что муж уличал жену в неверности. Во многих странах в те времена изменнице грозила бы смерть, а у зулусов, согласно Кетчвайю, супруг «отсылал ее прочь»¹⁵¹. Значит, у зулусов существовал развод – в то время, когда даже во многих европейских государствах о таком способе решения семейных проблем даже не помышляли.

Как в этом случае решались имущественные дела? Кетчвайю дает пространственный ответ на этот непростой вопрос. Он отмечает, что если жена «вела себя дурно» и поэтому отправлена восвояси, то скот в этом случае возвращается мужу. Правда, инкоси не уточняет, что следует понимать под «дурным поведением». По зулусским законам правомерность поступка супругов решает суд вождей. И если они находят, что действия главы семьи были неверными, то «ее возвращают мужу и скот остается во владении отца»¹⁵².

Конечно, и у зулусов были случаи, когда муж или жена по какой-либо причине покидали друг друга, но сыновья и дочери всегда оказывали почтение своим родителям, проявляя о них трогательную заботу. Кетчвайю говорил своим английским собеседникам, что слышал о многих случаях, когда «женщины отказывались идти к своим мужьям, пока те не отдавали скот отцу или матери»¹⁵³. Это замечание вождя во многом свидетельствует о преданности не только родителям, но и традициям своего народа.

Приниженное положение женщины в зулусском обществе во многом было связано с отношениями собственности. Как правило, сами женщины были собственностью вначале отца, затем мужа или наследника. Нередко случалось, что девушка, еще пребывая в родительской хижине, могла иметь свое небольшое имущество: козу, корову и т.п. Однако, выйдя замуж, дочь оставляла все это отцу. Другое дело – дочери

вождя. Им было позволено забирать свою собственность, и порой довольно приличную, в крааль своего суженого¹⁵⁴.

Оставим дела семейные с их сложной и запутанной системой прав и обязанностей супругов. Мы не погрешим против истины, отметив, что практически во всех человеческих обществах эта проблема зачастую бывает трудноразрешимой. Если зулусы сравнительно легко справлялись со своими семейными заботами, то это лишний раз свидетельствует о мудрости народных обычаев.

Однако читатель, видимо, помнит, что великая заморская держава в лице ее полномочных представителей предъявила правителю сравнительно небольшого племени грозный ультиматум. В нем среди прочего порицалось беззаконие, якобы царившее в Зулуленде, вследствие чего правительство Ее Величества направило войска, дабы установить там «законность и порядок».

Неужели в стране Кетчвайю не существовало закона, и властвовала лишь воля «деспотичного короля»? Бывший инкоси по этому поводу высказался следующим образом: «...король проводит дискуссии с вождями... Они издают законы. Он (правитель) не может принять закон без согласия вождей...»¹⁵⁵. И далее Кетчвайю не без гордости добавляет: «Нет в Зулуленде человека, который бы не знал закона»¹⁵⁶.

Правомерно ли было обвинять зулусов в отсутствии у них законности? Право же, лицемерию колонизаторов не было предела. В то время, когда влиятельные чиновники высокомерно поучали ссыльного «короля», на Британских островах было нелегко найти человека, четко представлявшего себе отечественное правосудие. Законы «туманного Альбиона» были так запутанны и противоречивы, что порой седовласые клерки юридических контор нередко признавались в своей некомпетентности. Можно ли серьезно говорить о правовом сознании подданных английской королевы, когда даже образованные джентльмены не рискнули бы утверждать, будто знают законы своей страны, где не существовало писаной конституции?

Могли ли знать простодушные зулусские вожди, что правительство страны, гордившейся своими демократическими традициями, готово ухватиться за сомнительный повод ради достижения своей цели? Вот почему в Лондоне прибегли к поистине иезуитским методам ведения внешних сношений с африканским правителем, земли которого уже давно приглянулись английским поселенцам.

Военные действия начались... По-видимому, британские стратеги рассчитывали на обычную прогулку по вечнозеленым холмам и изумрудным долинам. Но зулусские воины вынудили интервентов прибегнуть к использованию совершеннейшего для того времени оружия, чтобы победить их «короля». Неудивительно поэтому, что члены специальной комиссии, допрашивая бывшего инкоси, интересовались знаменитой военной системой своих недавних врагов.

Зулусы были известны как наиболее мужественные, стойкие и искусные воины среди всех племен юга Африки. В связи с вышеупомянутым следует более детально рассмотреть, что же представляла собой их военная организация. В начале главы говорилось о Чаке и его военной реформе. До проведения преобразований в армии военное дело у зулусов оставалось на довольно примитивном уровне. Но следует отметить: как бы ни был талантлив Чака и сколь бы ни были велики его организаторские и полководческие способности, все же, не имея достаточных предпосылок, заложенных в самих традициях и быте зулусов, он вряд ли смог бы добиться таких блестящих результатов.

Весь уклад жизни этого племени способствовал воспитанию бескорыстных, неприхотливых и до фанатизма преданных своему делу воинов. Их обучение начиналось с 17-летнего возраста, когда юношей на два-три года отдавали на воспитание в один из военных краалей, где они также пасли «королевский» скот. Там, среди воинов своего клана, юный зулу обучался основам военного искусства. По достижении молодыми людьми 20-летнего возраста из них формировали новый боевой полк (и-буто)¹⁵⁷.

Итак, приверженность зулусов дисциплине в сочетании с реформами Чаки, изменившими оружие, тактику ведения боя и обучения воинов, привели к тому, что у этого зулусского «короля» появилась армия, не имеющая себе равной на юге Африки.

Прошло более полувека. Если армия, доставшаяся Чаке по наследству, состояла, согласно Э.Риттеру, не более чем из 300 воинов¹⁵⁸, то Ф.Финни¹⁵⁹, посетивший Зулуленд в 1877 г., отмечает в своем отчете: «Я насчитал двадцать военных краалей, которые, если принимать в среднем по две тысячи воинов на крааль, в сумме дадут 40 тысяч бойцов... и я убежден, что эти цифры расходятся с действительным числом на несколько тысяч. Я полагаю, что король Кетчвайо мог бы после мобилизации выставить 60 тысяч воинов, причем значительная часть их будет вооружена ружьями»¹⁶⁰.

Таким образом, накануне войны 1879 г. зулусские воины были вооружены далеко не только «копьями и дротиками». Более того, «инспектор туземных школ» свидетельствовал, что сам Кетчвайо не без гордости рассказывал ему о непревзойденном мастерстве своих стрелков, утверждая: «Они столь искусны во владении ружьем, что могут попасть в любую часть тела бегущего зверя». В самом деле, добавляет Финни, «он (Кетчвайо) считал их более умелыми стрелками, чем англичане»¹⁶¹.

Нельзя не признать, что эти сведения исходили из необъективного источника. Достаточно в этой связи указать, что они использовались в докладе Джона Ноубла Королевскому колониальному институту в феврале 1879 г., в самый разгар англо-зулусской войны. В целом рапорт Ф.Финни носил антизулусский характер. Вместе с тем свидетельства этого чиновника относительно армии Кетчвайо следует считать достаточно достоверными. Данные Финни во многом находят подтверждение в письмах некой Уилкинсон, жившей и работавшей с 1870 г. на миссионерской станции в Зулуленде. В письме от 15 мая 1871 г. она рассказывает о бартерных сделках англичан и португальцев с зулусами. В нем, в частности,

можно прочитать: «Продолжается большая торговля оружием. Зулусы очень стремятся заполучить его... Торговля оружием и боеприпасами началась недавно... и сейчас каждый воин имеет ружье, а вожди – много ружей»¹⁶².

В то же время, как ни парадоксально, зулусы почти не использовали огнестрельное оружие в войне 1879 г. Как отмечалось, причиной тому было крайне низкое качество ружей, которые поставлялись зулусам недобросовестными торговцами-контрабандистами. И потому в основном на вооружении у Кетчвайо, как и полвека назад, оставался верный и надежный ассегай.

Теперь перейдем к рассмотрению организации зулусского войска. Оставалась ли она неизменной со времен Чаки? Казалось бы, и здесь годы должны были внести коррективы, тем более если учесть, что за почти тридцатилетний период правления Мпанде дисциплина в армии значительно ухудшилась. Суровая регламентация всех сторон жизни зулусского воина уступила место более либеральному отношению к вопросам брака, следовательно, осложнила комплектование войска¹⁶³.

Однако при Кетчвайо наметилось возвращение к прежним строгим порядкам, установленным еще Чакой. В ответах на вопросы членов комиссии вождь подтверждает, что давал разрешение на женитьбу сразу всему полку, воины которого достигали «брачного» возраста (около 40 лет). Объясняя причину отказа в разрешении на «досрочную» женитьбу, инкоси говорит: «Король не может позволить определенным полкам жениться потому, что они слишком молоды и работают в военных краалях»¹⁶⁴.

Какую работу выполняли воины? Согласно Кетчвайо, зулусским солдатам приходилось не так уж сладко. Они занимались «строительством военных краалей, посевом, жатвой, возделыванием садов и огородов для короля»¹⁶⁵. Но что по этому поводу сообщают другие источники, в частности миссионеры? Обратимся к А.Брайанту: «Юноши собирались в военные краали по воле короля. Хотя их не подвергали

муштровке, они действовали и как армия, и как полиция, и как рабочие команды. Они сражались в боях с врагами и делали набеги на чужие стада, если государственных фондов было недостаточно (государственным запасом считался королевский скот). Именем короля разрушали чужие краали и уничтожали осужденные семьи, творили правосудие над упорными преступниками, строили и ремонтировали королевский крааль, обрабатывали его поля и изготавливали для него военные щиты. И за все это получали лишь скудное пропитание, никакой платы, ни слова благодарности. Ведь это являлось обязанностью каждого перед государством, и ее должны были выполнять беспрекословно, ни на что не жалуясь»¹⁶⁶.

Как видим, Кетчвайо в своем ответе упоминает лишь часть функций своих «импи». Вполне понятно его стремление скрыть некоторые «одиозные» в его положении стороны зулусской военной организации. Правда, есть все основания полагать, что армия инкоси выполняла все указанные выше обязанности. Например, описание карательной акции можно прочитать в любопытном документе «Жизнь и путешествия одной дамы в Зулуленд и Трансвааль в царствование Кетчвайо». Способ исполнения отрядом приказа по уничтожению осужденной семьи был таков: «Капитан импи производит расчет своих людей, и каждый становится с копьем в руке у входа в хижину. Как только обитатели выходят наружу, их пронизывают копьем подобно тому, как охотник, стоя над прорубями северных морей, вонзает свое копье в тюленя высунувшегося подышать»¹⁶⁷.

Важной чертой, характеризующей перемены в военной структуре во времена Кетчвайо, был отказ от своеобразного поощрения молодых воинов, проявивших доблесть в бою. Существовала традиция, введенная Чакой, согласно которой воины, отличившиеся в сражении, получали право на женитьбу. Разумеется, что такая награда поощряла молодых воинов к поиску новых источников кровопролитий, дававших им возможность продемонстрировать свою храбрость.

Однако во времена Кетчвайо положение коренным образом изменилось. Он уже не мог проводить ту же захватническую политику по отношению к соседним племенам, что и его дядя. Чака, прежде чем приступить к широким завоеваниям, укрепил свою власть внутри своего племени. Между тем Кетчвайо вынужден был решительно подавлять сепаратистские тенденции внутри своего племенного союза.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что во второй половине XIX в. рядом со страной зулусов появились куда более активные в осуществлении своих экспансионистских планов соседи. На юге осели англичане, а на западе – буры. Вступать в конфликт с европейцами было бы не только неразумно, но и губительно.

Единственной сферой приложения воинственного пыла были племена свази, жившие на севере. Одно время инкоси даже планировал войну со своими соседями. Однако Кетчвайо вынужден был отказаться от войны из-за вмешательства английской администрации Натала. А ведь зулусского вождя можно было понять: не так легко было умиротворить «беспокойных и задиристых юношей», полных боевого запала и решимости «омыть свои копья».

Воины вождя Кетчвайо хорошо знали правило: героизм, проявленный в бою, дает право иметь семью задолго до истечения срока службы в армии. Наслышаны были об этой традиции и члены комиссии. На вопрос Апингтона о том, придерживается ли этого правила Кетчвайо, бывший правитель ответил: «Нет, это не имеет значения»¹⁶⁸.

Положение воинов, ушедших в запас по выслуге лет, по сравнению с прошлым временем практически не изменилось. Кетчвайо отмечает: «Да, женатые люди все равно – солдаты, но не такие, как молодые. Последние выполняют работу в разных частях страны, а женатые работают вблизи своих краалей»¹⁶⁹. По мнению вождя, это означает: «Солдаты, которые носят головные кольца, не работают на короля»¹⁷⁰. Мужчины, получившие право носить головные кольца, пользуются куда большей свободой, чем неженатые.

Интересно, что в ответ на вопрос о плате солдатам экс-«король» выражает явное недоумение, спрашивая: «Почему я должен платить им?»¹⁷¹. В общем система снабжения армии оставалась неизменной. Кетчвайо, как и его предшественники, предоставлял определенное количество скота на полк, и «они должны были брать его в разные части страны для разведения»¹⁷².

И, наконец, вернемся к тому, с чего начали рассказ об армии: к вопросу о высоких моральных качествах зулусов, их патриотизме. Согласно Кетчвайо, в его стране не существовало принудительной воинской повинности, несмотря на то, что «каждый мужчина в Зулуленде начинал свою жизнь солдатом»¹⁷³.

О причинах такого положения вождь дает простой и логичный с точки зрения зулусов ответ: «Каждый хочет быть солдатом. Если кто-то остается дома, то другие смеются над ним и говорят, что он унгого*»¹⁷⁴.

По всей вероятности, члены специальной комиссии еще до приезда на ферму Ауди Молен были осведомлены о зулусской армии. Беседа с Кетчвайо еще больше расширила знания английских представителей о военной организации этого племени. Разумеется, правитель, опиравшийся на такую военную машину, мог без труда не только подчинить своей власти соседние племена, но и разрушить далеко идущие планы европейских колонизаторов.

Вот почему следующей проблемой, интересовавшей Бэрри и Апингтона, была проблема отношений зулусских правителей с эмиссарами британского правительства. Уже на второй день своего пребывания у Кетчвайо члены специальной комиссии приступили к допросу вождя относительно «особых» отношений его отца Мпанде с бурами.

Нам нелегко судить, почему англичане интересовались деятельностью Мпанде, считавшегося другом европейцев. Может быть, они решили выслушать версию сына Мпанде, который, как известно, не одобрял действия своего отца, и на

основании этих показаний лучше понять суть политики самого Кетчвайо и его отношений с «союзниками».

Итак, Джакоб Бэрри спросил Кетчвайо: «Признавал ли когда-нибудь Мпанде, что обязан бурам властью?» На это бывший «король» ответил: «Нет, однажды, когда Дингаан был убит своими подданными, Мпанде пришел к бурам и был взят ими под защиту...»¹⁷⁵. Кажется, наступил «медовый месяц» в отношениях с европейцами. Однако не тут-то было. Кетчвайо не считал нужным подробно рассказывать о причинах разрыва между Мпанде и его «протекторами».

Между тем известно, что буры, вмешавшись в конфликт между братьями Дингааном и Мпанде охотно поддерживали последнего. Конечно, Дингаан не мог устроить ни буров, ни англичан. Он недаром считался наследником Чаки, фактическим продолжателем его политики. Дингаан не желал идти на уступки фермерам, стремившимся к экспансии, и в конце концов был убит.

На мой взгляд, в ответе Кетчвайо явные противоречия. С одной стороны, он признает, что буры «взяли Мпанде под свою опеку»; с другой – отрицает факт верности последнего по отношению к этим европейцам. Тогда, как объяснить, что Мпанде на протяжении своего долголетнего правления неоднократно шел на уступки своим «друзьям»?

Но не даром в жилах многих буров текла французская кровь. Они хорошо усвоили: «Аппетит приходит во время еды» и, пользуясь уступками зулусского правителя, требовали все больше земли, пастбищ, скота и батраков. Мог ли Мпанде удовлетворить неуемный аппетит жадных к чужому достоянию фермеров? Разрыв с бурами был неизбежен, тем более в это время на политической сцене появились более могущественные «покровители» – англичане, и Мпанде сделал выбор...¹⁷⁶.

Дальше последовал такой вопрос: «Признавал ли Мпанде английскую власть над собой?». Ответ Кетчвайо: «Нет, зулусы никогда не признавали английской власти, но они всегда были за связи с англичанами»¹⁷⁷.

Зулусский вождь и в данном случае проявил свою дипломатическую изворотливость. Отрицая зависимость внутренней и внешней политики «королей» от английской администрации, Кетчвайо в то же время подчеркивал свое стремление к союзническим отношениям с британцами. Для подтверждения сказанного Кетчвайо углубился в историю. По его мнению, аннексия английскими властями Натала способствовала прекращению набегов на Зулуленд. Но такая идиллия продолжалась недолго. Вскоре, замечает Кетчвайо, буры вновь стали осуществлять свои грабительские вторжения на зулусскую территорию.

Наконец, самым, на наш взгляд, «коварным» вопросом был тот, который касался Т.Шепстона. В «Письме к губернатору» Кетчвайо не без основания жаловался на сэра Теофила. Может быть, поэтому члены комиссии решили обратиться к вождю с разъяснением о его отношениях с этим британским чиновником. Как Кетчвайо должен был поступить? Вновь рассказать о двуличии Шепстона? Уже отмечалось, что вождь понял сущность хитроумной политики своего английского «отца» и поэтому решил ограничиться при ответе общими фразами, из которых следовало: «Он (Кетчвайо) ничего не делал, чтобы признать власть Шепстона, но обычно говорил с ним в дружеской манере и признавал королеву»¹⁷⁸.

Бэрри и его спутник вряд ли могли что-либо понять из приведенной выше фразы. Шепстон якобы оставался «другом», сам Кетчвайо чтит английскую королеву, так что можно ли было усомниться в лояльности бывшего зулусского «монарха»?

Вождь дал понять своим высоким гостям, что еще до его официальной «коронации», на которой изволили присутствовать Шепстон, народ Зулуленда признал Кетчвайо своим инкоси. Опытные английские чиновники должны были догадаться: свергнувший «король» по-прежнему считал себя подлинным вождем своего племени и стремился им оставаться в будущем.

Своеобразной лакмусовой бумагой, определявшей политику «туземных» правителей по отношению к Англии, были их взгляды на миссионерскую деятельность. Проблема миссионерского присутствия на суверенной территории африканского племени была сложной и противоречивой.

Лондонское миссионерское общество, основанное в конце XVIII в., пользовалось неизменной поддержкой правительства Великобритании и доброжелательным отношением общественности. И это не случайно. Сотни «служителей бога» активно работали в различных районах необъятной Британской империи. Их деятельность в основном была гуманной и помогала аборигенам получить образование и медицинскую помощь. В то же время «святые отцы» охотно представляли страну, подданными которой они являлись, и это сказывалось на их проанглийских настроениях, поддержке большинства акций местной колониальной властью и т.п.

Еще более сложным оказалось положение английских миссионеров, трудившихся в Зулуленде, который признавался самостоятельным государственным образованием. Во времена Чаки, например, миссионеров было крайне незначительное количество. Известно, что наиболее активным «служителем бога» был Н.Айзекс, написавший прекрасное двухтомное воспоминание о своем пребывании в стране зулусов. Этот, по сути, пионер миссионерского корпуса в зулусском государстве выполнял функции резидента британского колониального ведомства. Однако молодому англичанину было важно не только наблюдать за тем, что происходило в стране великого вождя Чаки, но и попытаться приобрести доверие у местной знати. И Натаниэлю это удалось. Рассказывать о ярких приключениях Айзекса в южной Африке не является моей задачей, однако не вспомнить этого человека нельзя хотя бы потому, что его опыт во многом использовался другими миссионерами в более позднее время, также находившимся в необычных условиях.

Бэрри и его компаньон интересовались отношением Кетчвайю к жившим в Зулуленде миссионерам. Как относились к

«служителям бога» инкосо и его окружение, английские власти прекрасно знали благодаря миссионерским отчетам, донесениям чиновников, запискам путешественников. Важно было знать о настроениях зулусов и деятельности миссионеров. Обратимся к ответам зулусского вождя: «Они делали добро, они были способны помочь людям, давая им лекарства. Они были хорошие люди и не причиняли беспокойства»¹⁷⁹.

В Англии священнослужители, нередко обращаясь к своей пастве, призывали к трезвости, и такое обращение было очень актуальным. Например, в беднейших районах британской столицы алкоголизм и проституция превратились в постоянных спутников их обитателей. Об этом хорошо знали английские юристы, ставшие на определенное время членами специальной комиссии. То, что они интересовались вопросами пьянства среди зулусов, не должно вызывать у нас удивление. Во всяком случае, Кетчвайю сумел убедить своих собеседников в том, что члены его племени традиционно пьют пиво, которое изготовлялось в любой семье. При этом пиво можно было употреблять в любом количестве. Оно было таким же обыденным для зулусов напитком, каким кофе являлся для англичан¹⁸⁰. Вместе с тем Кетчвайю отметил, что более крепкие напитки, типа бренди, зулусам известны только благодаря английским торговцам.

В данной главе автор этих строк коснулся лишь тех вопросов, которые более всего подходят к нашей общей проблеме – англо-зулусские отношения во времена Кетчвайю. Хотя большинство ответов этого зулусского вождя касаются бытовых и этнографических вопросов, тем не менее и этот документ представляет немалый интерес для исследователя.

Мы узнаем о специальной комиссии, созданной властями для того, чтобы лучше представить себе этот все еще загадочный для колонизаторов народ посредством вопросов и ответов, задаваемых вождю племени – Кетчвайю. Казалось, что эта затея совершенно не имеет никакого отношения к планам британского правительства. Ведь об этом племени

колониальной администрации было известно настолько, чтобы планировать аннексию всех зулусских земель.

На мой взгляд, английское правительство не случайно решило направить ответственных чиновников к Кетчвайю. «Письмо к губернатору» оказалось тем документом, который лишним раз убедил многоопытные колониальные власти в целесообразности использования «короля» и его окружения в своих целях. У чиновников сложилось впечатление, будто Кетчвайю, несмотря на поражение и плен, не озлобился на своих противников. Он неоднократно повторял, отвечая на вопросы Бэрри, о своем дружелюбии к англичанам и их правительству, лично королеве и даже Т.Шепстону.

Ответы Кетчвайю позволили лучше себе представить этого незаурядного человека, глубже понять его взгляды на различные проблемы общественно-политической и бытовой стороны жизни зулусского племени.

Таким образом, «третий» документ, именуемый «Свидетельства Кетчвайю правительственной комиссии...», дополняет первых два и создает цельный образ их автора и его народа. Они также помогают понять сложные отношения, сложившиеся между зулусами и их европейскими соседями в последней трети XIX в.

4. ЗУЛУСЫ В ОПИСАНИЯХ РУССКИХ ЖУРНАЛИСТОВ.

В предисловии к данной работе я особо отмечал: ни в советской, ни даже в зарубежной африканистике нет специального исследования, посвященного источникам, автором которых был зулусский вождь Кетчвайю. Более того, нельзя не отметить, что в русскоязычной историографии такой важной проблеме, как английская колониальная политика в Южной Африке в последней трети XIX в., не уделено должного внимания, а англо-зулусской войне 1879 г. вообще не посвящено ни одной работы.

Между тем в русских периодических изданиях XIX века этим проблемам отводилось немало места. Это свидетельствует о том, что в тот период в России общественность внимательно следила за событиями, происходившими в далекой Южной Африке.

Может возникнуть вопрос: чем объяснить интерес русской общественности к зулусам и их вождю? В предисловии подчеркивалось, насколько сложный и противоречивый характер носили русско-английские отношения в 70-е гг. XIX в. Надо иметь в виду, что этот период характеризуется активной внешней политикой России, с одной стороны; с другой – очень важными внутренними реформами, которые начались с отменой крепостного права в 1861 г.

Поражение России в Крымской войне 1853-1856 гг. и подписание унижительного Парижского мирного договора привели к необходимости реабилитировать великую державу, ее военную мощь в глазах европейского сообщества. Кроме того, усиление национально-освободительного движения славянских народов, живших под гнетом Османской империи, не могло оставить русскую общественность и правительство совершенно безучастными к их судьбе. К тому же Россия претендовала на политические и военно-стратегические интересы в этом регионе, так что ее активная политика на Востоке была обусловлена рядом причин. Но могла ли Англия, постоянно стремившаяся к расширению своей колониальной империи, допустить вмешательство России в «балканские дела»?

Вот почему исход борьбы балканских народов за свою свободу зависел не только от их собственных усилий, но и от международной обстановки, от результатов соперничества европейских держав в так называемом восточном вопросе. К числу этих государств принадлежали в первую очередь Англия, Австро-Венгрия и Россия. Английская дипломатия на словах выступала защитницей «целостности» Османской империи, но на деле это было традиционное средство противодействия внешнеполитическим интересам России и

служило удобным прикрытием собственных планов территориальной экспансии на Ближнем Востоке.

Со своей стороны, царизм, хотя и ослабленный поражением в Крымской войне, не отказывался от аннексии на Балканах и Ближнем Востоке. В пореформенный период еще большее значение приобрели экономические мотивы этой политики, связанные с колонизацией Средней Азии, ростом хлебного вывоза через черноморские порты, проникновением русских товаров в ближневосточные страны.

Вместе с тем царское правительство стремилось использовать в своих интересах искреннее сочувствие широких кругов русского общества освободительной борьбе славянских народов, рассчитывая, что победоносная война с Турцией подорвет нарастающее в стране революционное движение и укрепит самодержавие. Попытка европейских держав при помощи дипломатического давления в 1875-1878 гг. и затем на Константинопольской конференции в конце 1876 г. заставить турецкое правительство провести в балканских провинциях реформы не принесли успеха. Султан Абдул-Хамид II, уверенный в непримиримости противоречий между державами и ободренный поддержкой со стороны Англии, отказался принять выработанный конференцией проект.

24 апреля 1877 г. русское правительство объявило войну Турции. В итоге, одержав победу над Блистательной Портой и заключив 3 марта 1878 г. выгодный для себя Сан-Стефанский мирный договор, Россия оказалась перед лицом англо-австрийской коалиции.

Начать новую войну русское правительство было не в состоянии. Армия была истощена, запасы военного снаряжения израсходованы, финансовые ресурсы резко сократились. Кроме того, царизм и по соображениям внутренней политики не мог решиться на большую войну.

Однако в результате дипломатических манипуляций Англии и России удалось прийти к компромиссу прежде всего за счет интересов народов Балканского полуострова. И все же отношения между Россией и Англией оставались сложными, и

стороны с недоверием следили за действиями друг друга. Достаточно в этой связи отметить, с каким беспокойством взирали из Лондона за присоединением Средней Азии к Российской империи. Ведь Средняя Азия, оказавшись под управлением Петербурга, была великолепным плацдармом для наступления на Афганистан и Индию. Конечно, эти страны не входили в аннексионистские планы царского двора, но в Англии помнили время, когда в Петербурге решили захватить «жемчужину» британской короны, наказав правительство туманного Альбиона.

И если безумная затея Павла I вызвала в Лондоне лишь временный испуг, то русская общественность имела основания с серьезной тревогой относиться ко многим внешнеполитическим акциям правительства Ее Величества. В России не могли еще забыть интервенцию англичан в Крым, обстрел портовых сооружений в Одессе во время Крымской кампании.

Стоит ли удивляться тому, что русские журналисты, зная двуликую позицию британского кабинета по вопросу о национальных чаяниях славян на Балканах, с нескрываемым удовлетворением писали о начавшейся войне с Турцией 1877-1878 гг.

Примером этому могут служить корреспонденции, опубликованные в «Русском Вестнике». Этот журнал издавался с 1856 г. в Москве М.Н.Катковым (1818-1887). В четвертом номере этого издания за 1877 г. в «Политических заметках» можно было прочитать: «Наконец, дело коснулось самой чести России, и державное слово выговорено: с Богом, вперед! На святую брань, за святое дело!»¹⁸¹.

Надо признать: журналист В.Неклюдов, автор публикации в «Русском Вестнике», на мой взгляд, правильно понял лицемерное поведение Англии на Константинопольской конференции. На словах правительство Ее Величества было обеспокоено положением христиан в Османской империи, но на деле Джон Буль мечтал отторгнуть у султана новые владения, приносящие огромные барыши.

Конечно, русское правительство в лице талантливого дипломата А.М.Горчакова (1798-1883) понимало, какие цели на деле преследуют представители могущественной европейской державы.

Мне представляется: хотя царизм также стремился к осуществлению своих имперских устремлений, все же отдельные акции императорского двора объективно были направлены на защиту угнетенного славянского населения Балканского полуострова. Поэтому трудно не согласиться с автором «Политических заметок», писавшим: «Итак, по собственному сознанию Лондонский кабинет оказывал систематическое противодействие всем первоначально в союзе трех императоров выработанным мерам к умиротворению. И не только такой взгляд английского кабинета не был тайной для Порты, но, как мы видели, Англия шла далее самих турок, отвергая даже то, на что они сами согласились...»¹⁸².

Антирусская политика английского кабинета в те годы во многом была традиционной. Нет возможности подробно об этом рассказать, но важно отметить: в рассматриваемый период казалось, что война между Россией и Англией неизбежна. В этой связи уместно вспомнить публикацию, посвященную армии противника и помещенную в журнале «Нива»¹⁸³.

Статья под названием «Английский солдат» была опубликована в 1875 г., через год после введения в России всеобщей воинской повинности, сменившей рекрутский набор, который существовал с 1705 г. Анонимный автор преследовал определенную цель: показать, что «волонтерская» система набора в британскую армию отнюдь не лучше рекрутчины, от которой так страдало население России. В этой связи он писал: «Разумеется, нельзя сравнивать английского солдата с русским. В таком сбродном, наемном войске не может быть того единодушия, того энтузиазма, как там, где каждый солдат рядом со своим братом и каждый готов «костями лечь» за матушку Россию и за православную веру»¹⁸⁴.

Такого рода публикации, по мнению их создателей, должны были усилить чувства патриотизма в русском отечестве в то время, когда значительно осложнились отношения между Россией и Англией. Читателю как бы внушали: в случае войны победа будет за русским солдатом.

Спустя несколько лет, в журнале «Русский Вестник» можно было прочитать: «И этой-то грозной английской силой угрожали нам? Нам, защитникам Баязета, покорителям Карса, защитникам Шипки, покорителям Турецкой империи?...»¹⁸⁵.

А ведь в самый разгар русско-турецкой войны премьер-министр Великобритании лорд Биконсфильд (Дизраэли) угрожал России войной. Трудно со всей определенностью сказать, насколько серьезны были намерения у британского премьера, важно другое – все это отражало враждебное отношение Лондона к России.

Может быть, это обстоятельство в какой-то степени объясняет интерес русской общественности к Южной Африке, к региону, где хваленая английская пехота потерпела поражение от зулусов при Изандлване.

Естественно, у общественности России сразу же возник интерес к этому южноафриканскому племени. Что это за народ, победивший англичан? Что сообщали своим читателям русские журналы о зулусском племени и его знаменитом вожде?

Вот что писал журнал «Иллюстрированный вестник» в заметке, посвященной нравам и обычаям зулусов. «У зулусов, как и у большинства диких народов, многоженство в большом употреблении и обуславливается, между прочим, также и экономическими соображениями. Жена – раба и невольница, с утра и до вечера работающая на мужа. Это она пашет поле, засеивает его, наблюдает за всходом, жнет, мелет, она печет хлеб, она варит пиво, и пока ее повелитель пирует, она же прислуживает ему. Сообразно с этим, зулус, замышляя жениться, должен предварительно выкупить себе жену...»¹⁸⁶.

Справедливости ради, надо отметить: русский читатель в то время не должен был удивляться царившему среди зулусов патриархату. Разве положение женщин у многих народов,

населявших Российскую империю, было лучше? Разве не нужно было мужчинам некоторых регионов страны собирать немалые деньги для «выкупа» невесты?

Другой, не менее популярный журнал, «Иллюстрированный мир» также сообщал любопытные сведения: «...монарх кафрского племени зулусов Кэтевейс (Кетчвайо) ввел в своих владениях обязательную воинскую повинность по прусскому образцу, благодаря которой он располагает теперь армией из 35 тысяч воинов, снабженных ружьями, заряжающимися с казенной части. При этой армии имеется надлежащее количество артиллерии, составляющей гордость и радость всего племени зулусов. Такие блистательные результаты добыты Кэтевейсом при посредстве самого непреклонного деспотизма, который обнаруживается им, впрочем, не только в сфере Марса, но и в делах Венеры. Африканский монарх, пользуясь в самых широких размерах правами «отца народа», распоряжается по собственному благоусмотрению всеми сердечными делами своих подданных.

Все молодые люди обязательно несут военную службу. Когда, по мнению монарха, государство нуждается в обогащении новыми гражданами, он делает смотр своим войскам и говорит: «Такой-то полк, вперед! Налево – кругом! Марш – жениться!» и полк идет»¹⁸⁷.

Следует несколько поправить автора этой заметки. Во-первых, военная система зулусов сложилась еще при Чаке, и к «прусскому образцу» не имеет никакого отношения. Во-вторых, анализ документов, автором которых был Кетчвайо, свидетельствует, что зулусская армия артиллерии не имела. Наконец, проблема брака воинов решалась не так примитивно-опереточно, как написано в этом журнале.

В журнале «Нива» в 1879 г., в самый разгар кризиса на юге Африки, была опубликована большая статья «Король зулусов Сетевайо и его владения»¹⁸⁸. Стоит обратить внимание: автор этой публикации приводит свидетельства англичан, писавших о зулусах: «Королевство зулусов нельзя, конечно, назвать очень большим, говорят они, но его неограниченно-

деспотическое устройство, своеобразная военная система и, ко всему этому, решительный характер повелителя делают это королевство одним из самых могущественных Африканских туземных государств, стоящим в этом отношении, быть может, выше королевства Ашантиев и даже императора Федора Абиссинского, когда он бросил перчатку Британской империи»¹⁸⁹.

Далее автор данной статьи справедливо указал: «Основателем «могущества» его и теперешней «династии» считался король Чака... Это был, так сказать, кафрский Наполеон. Сплотив свободное зулусское племя в крепкое целое, он скрепил его военной организацией и очистил побережье Индийского океана от всего сопротивлявшегося его власти...»¹⁹⁰.

Но для нас особый интерес представляет описание жизни и деятельности вождя Кетчвайо, данное в журнале «Нива». К тому же следует отметить: статья в этом русском издании появилась в ноябре 1879 г., т.е. после триумфальной победы африканцев при Изандлване и последующих неудач воинов храброго племени в борьбе с могущественной державой.

К тому времени зулусский вождь Кетчвайо ждал своей участи; находясь в заключении в Кейптаунской крепости. Тем не менее русский журнал с должным участием писал о плененном «короле». В частности, автор пространной заметки о зулусах ссылался на свидетельства Т.Шепстона, который так характеризовал Кетчвайо: «...этот последний несравненно выше всех туземных начальников, с которыми ему приходилось вступать в соглашения. Сетевайо показался Шепстону энергичным, способным и вместе открытым, прямодушным человеком. Он быстро схватывал сущность всего, что ему говорили. Из рассказов британского уполномоченного видно, что Сетевайо скорее молчалив, нежели словоохотлив и пренебрегает лишними словами, вообще тем, что ему кажется недостаточно серьезным или не идущим к делу...»¹⁹¹.

И, наконец, в заметке о Кетчвайо говорится: «Сетевайо в настоящее время человек полный сил и энергии, каким был

всегда. Подобно отцу своему, королю Умпанду (Мпанде), он толст до такой степени, что в парадный экипаж его сажают на руках; то же самое происходит, когда ему приходится выходить из экипажа»¹⁹².

Народ, военная организация которого заставила восхищаться многие европейские страны, в том числе и Россию, привлекал большое внимание исследователей, журналистов и политиков. Однако русского журналиста, готовившего очерк о зулусах, как видно, особо интересовала военная система этого племени. Об этом можно прочитать следующее: «Зулусы – воинственное племя и военная организация, основанная на принципе общей службы, как нельзя более подходит к характеру этого народа. Каждый зулус считается воином с пятнадцатилетнего возраста и служит всю жизнь... У Сетевайо насчитывают 33 полка, всего от 40 до 50 тысяч человек. Особенность системы – в самом порядке формирования армии, заключавшемся в том, что молодые полки отделены от полков боевых, опытных в своем деле и лишь постепенно приобретают свое место в ряду этих последних; затем ни один солдат не имеет права вступить в брак без разрешения своего государя, который обыкновенно женит сразу целый полк»¹⁹³.

В 1879 г. журнал «Иллюстрированный мир» поместил статью «Страна зулусов»¹⁹⁴. Ее автор начинает с того, что объясняет причины, побудившие редакцию опубликовать этот материал. Он писал: «Страшное поражение, нанесенное англичанам дикими зулусами, принадлежащими к племени кафров, возбуждает к ним в настоящее время общий интерес, и потому мы сообщаем некоторые подробности об этом народе и обитаемой им стране»¹⁹⁵.

Значительное место в указанной выше статье отводится географии южной части Африканского материка; особое внимание обращается на описание территории, населенной зулусами. Автор, в частности, отмечает: «Название «кафр» происходит от арабского слова «кафир» (неверный); но туземцы не любят этого названия, считая его презрительным, и называют себя «Бан-ту». Страна кафров простирается к

востоку до самого Мозамбикского пролива и Индийского океана, к югу и юго-западу граничит с английскими владениями и страной готтентотов, а к северу – с разными малоизвестными племенами»¹⁹⁶.

Итак, русские журналы различной политической ориентации немало внимания уделяли описанию страны зулусов, их обычаям, а также знакомили своих читателей с вождем этого племени Кетчвайо. Конечно, такой интерес был связан прежде всего с необычной для африканского племени военной победой над подразделением могущественной европейской державы. Таким образом, ход англо-зулусской войны, ее причины, последующие события, связанные с ней, тем более находят весьма подробное освещение на страницах русских периодических изданий.

Теперь следует разобраться в такой дилемме: на чьей стороне авторы публикаций? Ответить на этот вопрос, на мой взгляд, не представляется сложным, и вот почему. Ранее отмечалось, что к концу 70-х гг. позапрошлого века серьезно обострились англо-русские отношения; также была предпринята попытка рассмотреть причины этого явления.

Разумеется, широкая колониальная экспансия Англии в различных частях мира не могла радовать Россию. Уже в силу того, что интересы обеих держав в некоторых регионах оказывались идентичными. В качестве примера можно привести обоюдность интересов (как экономических, так и политических) в Афганистане, Иране, Турции, на Балканском полуострове, северном Китае и т.д.

Правда, Россия не претендовала на «особые» отношения в Южной Африке и как будто признавала приоритет Англии в этом регионе. Тем не менее стремление британского правительства подчинить своему влиянию бургские республики вызвало нервность в Петербурге. Как мне представляется, это связано с тем, что в этот период Россия стремилась улучшить отношения с Германией, которая значительно укрепила свои позиции в Европе в результате поражения Франции в войне с Пруссией в 1870 г. Между тем Отто

Бисмарк не скрывал симпатий своего правительства к бурам и отнюдь не бескорыстно предлагал им экономическую и военную помощь.

Царизм опасался образования антирусского союза во главе с Германией. Русское правительство, пожалуй, было не против столкнуть между собой Англию и Германию. Во всяком случае, в Петербурге не приветствовали активной английской колониальной экспансии в Южной Африке и при случае стремились даже «подыграть» молодому германскому хищнику.

Однако обратимся к журнальным корреспонденциям. Заметим, что русские журналы не имели специальных корреспондентов в Южной Африке. Но в столице Британской империи традиционно находилось немало русских журналистов. Кроме того, владельцы периодических изданий, стремясь сократить расходы, предпочитали черпать информацию из английских газет, главным образом «Таймса».

По вполне понятным причинам наибольшее внимание журналы уделяли непосредственно военным действиям, которые имели место в ходе англо-зулусского конфликта 1879г.

Откроем «Вестник Европы», где в майском номере за 1879 г. помещена корреспонденция из Лондона под названием «Африканские колонии и война с зулусами». Надо отметить, что неизвестный нам автор публикации начинает свой рассказ с истоков английского колониализма в Южной Африке. Он, в частности, пишет: «История английских колоний в Южной Африке, история довольно сложная, но ее следует знать для того, чтобы понять нескончаемые войны с кафрами и зулусами. Можно, во всяком случае, набросать главные черты этой истории: она поучительна для всякого вопроса о колониях вообще, а мы можем встретить в английских владениях всевозможные виды колонизации»¹⁹⁷.

Автор много и довольно подробно повествует об истории колонизации Натала и Трансвааля. Кстати сказать, далеко не все, что им излагается, – достоверно, но нельзя не признать; в сложной ситуации в Южной Африке можно разобраться, лишь

зная историю ее экспансии. Как обычно, автор восхищается зулусами, их военной тактикой и организацией. Но обратимся к публикации: «У зулусов существует весьма сложная военная организация. Справедливо говорят, что крайности сходятся: эти дикари давно уже стоят на том пункте, к которому пришли только теперь цивилизованные европейцы, т.е. каждый должен быть солдатом. Мальчиков вербуют в армию, когда они достигнут пятнадцатилетнего возраста, и обучают военному делу: все они вооружены луком, который напоминает ассегай, а также современным огнестрельным оружием, которым снабжены, по-видимому, в достаточном количестве; число этих воинов простирается до сорока или пятидесяти тысяч.

Войска, которыми могли располагать англичане, состоят из 6600 англичан и 7000 туземцев; они были распределены на четыре отряда, расставленных на границе, отделяющей Натал от страны зулусов, и 11 января утром вступили на неприятельскую территорию»¹⁹⁸.

Далее в статье расписывается дислокация войск зулусов и их противников. Однако в центре внимания автора, освещающего боевые действия сторон, события при Изандлване. Читаем следующие строки: «Я далек от мысли набросить хотя бы малейшую тень сомнения на храбрость английских войск и в особенности тех злополучных солдат, которые так жалко погибли от рук дикарей... Но лучшие войска бывают парализованы и обессилены, если их застигнут врасплох, а это – то самое, по-видимому, и случилось»¹⁹⁹.

Автор рассказывает, что произошло у холма Изандлвана, ссылаясь при этом на журнал «Эдинбургское обозрение». Хотя в публикации русского журналиста нередко присутствует слово «дикари» при упоминании зулусов, тем не менее он открыто не осуждает действия чернокожих воинов. Более того, мужественное сопротивление зулусов автор упоминает среди причин падения кабинета Б.Дизраэли. Подводя итоги той бури возмущения, которая охватила английский парламент и прессу при печальном известии о поражении в Африке, журналист

отмечал: «...что касается зулусов: последние являются непреодолимым препятствием колонизации»²⁰⁰.

И все же неизвестный нам публицист, будучи человеком своего времени, не мог считать, что антиколониальная борьба зулусов является справедливой во всех отношениях. Не следует забывать, что журнал «Вестник Европы» выражал интересы умеренной либеральной буржуазии. Для большинства читателей этого издания действия зулусов все же представлялись предосудительными: ведь африканцы выступали, по их мнению, против «законной» политики «цивилизованного» европейского государства.

Да, отношения России и Англии в то время оставляли желать много лучшего, но решительно порицать колониализм не решались даже самые здравомыслящие издатели. Разве Россия в этот же период своей истории не стремилась к широкой экспансии, например в Средней Азии?

Как и следовало ожидать, «Военный сборник» подробнее всех других русских изданий освещал ход военных действий в Южной Африке. В апрельском номере этого журнала была опубликована пространная заметка «Война англичан с зулусами»²⁰¹. Надо отдать должное автору статьи, подписавшемуся инициалами «В.Н.», В.И.Недзвецкий, который показал прекрасное знание предмета, объективность и высокий профессионализм. Автор был прав, отмечая, что «натянутые отношения, давно уже существовавшие между англичанами, занимающими колонию мыса Доброй Надежды, и соседними туземными племенами, перешли в январе текущего года в открытое военное столкновение английских войск с племенем зулусов. Вспыхнувшая война грозит принять весьма серьезный оборот для Англии, требуя от нее значительного напряжения сил, уже сравнительно истощенных борьбой с Афганистаном, конец второй, судя по последним известиям, представляется еще не в близком будущем»²⁰².

Правда, автор отмечал, что несмотря на многочисленные конфликты между европейскими колонистами и «туземцами», особой угрозы английскому господству в этом регионе он не

усматривает. В статье много внимания уделяется взаимоотношениям между англичанами и их «подопечными», а также быту и обычаям зулусского племени. Автор считает, что «причиной настоящей войны между англичанами и зулусами послужили, как уже было сказано, давнишние споры из-за границ»²⁰³.

В работе рассматривается предыстория англо-зулусского конфликта. Особое внимание уделяется, в частности, восстанию племени бапеди (в статье – баниды) под предводительством вождя Секукуни (в статье – Секоцени). Важно отметить, что автор заметки связывает борьбу бапеди против колонизаторов с деятельностью Кетчвайо (в статье – Цетивайо). Жаль, что в данном обзоре автор не упоминает другого африканского вождя, также самоотверженно боровшегося против колониальной экспансии, – Лангалибалеле. Впоследствии судьбе будет угодно свести этих двух именитых узников – «короля» зулусов и вождя маленького племени хлуби – Лангалибалеле. Впрочем, «В.Н.» можно понять: главной целью его обзора было дать подробное описание военных действий в ходе англо-зулусской войны. И, кроме того, следует отметить: если в настоящее время русскоязычному читателю мало что известно о борьбе Секукуни и Лангалибалеле, то стоит ли удивляться тому, что в то время в России об указанных выше вождях практически ничего не знали.

Вернемся к рассмотрению военных действий. Наиболее интересными, на мой взгляд, являются те страницы очерка, которые посвящены рассказу о сражении при Изандлване. Приведем некоторые выдержки из этого обзора. «Зулусы двигались в стройном боевом порядке; учащенный огонь английских войск не был в состоянии остановить их; целые десятки людей выходили из строя, но ряды немедленно смыкались, и наступление продолжалось безостановочно; наконец, крылья зулусской армии охватили английский лагерь, и вся масса резерва с криком бросилась вперед. Английские войска, расстрелявшие патроны, штыками встретили

неприятеля, но не могли остановить его, и тогда-то началось полное истребление англичан. Их потери определяются не менее как в 60 офицеров, около 500 нижних чинов европейских войск и около 70 человек из туземных войск. Зулусы захватили в лагере 102 повозки, 1400 волов, две пушки, 400 бомб и ядер, 1200 ружей, знамена 24-го пехотного полка и множество провианта»²⁰⁴.

Возникает вопрос: какие источники использовал Владислав Иванович Недзведский для составления своего обзора, и в частности, данных о потерях англичан при Изандлване? Конечно, ответить на этот вопрос со всей определенностью трудно. Однако есть основания полагать: английская пресса (как ни горько было осознавать весь ужас тяжелого поражения) много и достаточно подробно писала о ходе англо-зулусской войны. По всей вероятности, известное удовлетворение неудачами «африканской кампании» испытывала оппозиция – либеральная партия и ее пресса. Задача либеральной печати сводилась к резкой критике позиции тори и их лидера Б.Дизраэли. Вот почему эти издания охотно и очень подробно описывали неудачи английских войск. В качестве примера можно привести такое популярное издание, как «Эдинбургское обозрение».

По всей видимости, автор заметки в «Военном сборнике» не был непосредственным свидетелем англо-зулусской войны. Однако, находясь в столице Британской империи, он мог достаточно объективно осветить данные события. Автор статьи хорошо осведомлен о действиях английского правительства и командования войсками, предпринятых ими после трагического поражения. Он пишет: «Известие об исандульском поражении и просьба генерала Челмсфорда о присылке ему подкреплений вызвали усиленную деятельность английского военного министерства. Совет министров решил немедленно отправить на юг Африки шесть батальонов пехоты, два кавалерийских полка, две батареи, роту саперов, три обозные и одну санитарную роты, всего около 7000 человек. Вместе с тем было послано приказание двинуть на

африканский театр войны войска из Индии и с острова Св.Маврикия. В парламент внесено предложение об ассигновании кредита в 1 500 000 фунтов стерлингов на войну с зулусами...»²⁰⁵.

В июньском номере «Военного сборника» было опубликовано продолжение очерка об англо-зулусской войне. «В.Н.» уточняет данные о подкреплении, полученном английскими колониальными войсками в течение ряда месяцев 1879 г. В этой же части своего обзора автор в качестве источника упоминает английскую прессу. В частности, «В.Н.» цитирует газету «Таймс» – одно из наиболее уважаемых и осведомленных изданий в Великобритании²⁰⁷. Фактически второй очерк «Война англичан с зулусами» основан на материалах газет «Таймс», «Дейли ньюз» и др. В то же время «В.Н.» дает собственные комментарии к сообщениям этих английских газет, причем его работа свидетельствует о том, что автор обзора был квалифицированным военным специалистом. В июльском номере «Военного сборника» подробно анализируется передислокация английских войск в Южной Африке, приводятся многочисленные цифры, дающие возможность оценить положение колониальных войск. Вот какие выводы делает автор «Иностранного военного обозрения»: «Цифры эти рисуют в крайне неудовлетворительном состоянии боевую готовность английских батальонов: например, 94-й полк получил 2/5 своего численного состава из других полков, причем 1/4 – из молодых людей, не достигших двадцатилетнего возраста... Все это с достаточной ясностью свидетельствует, насколько истощены боевые средства Англии, а между тем положение дел на юге Африки таково, что отсылка дальнейших подкреплений до сих пор не может быть остановлена. Война с зулусами совершенно неожиданно для лиц, руководящих политикой Англии, превратилась в серьезную войну, уже стоившую англичанам значительных жертв как деньгами, так и людьми»²⁰⁸. Для того чтобы усилить впечатления читателей по поводу тяжелого положения британских войск в Южной

Африке, автор обзора приводит свидетельства газеты «Стэндед», из которой следует, что в 60-м пехотном полку «полковник и старшие капитаны были больны: в строю оставалось только три офицера. Солдаты в лихорадочном жару, страдая дизентерией, целыми рядами лежали под повозками. Врачей почти не было, не было и палаток, испорченная вода и дурная пища раздавались в недостаточном количестве. Не менее безотрадно было санитарное состояние и других английских полков, и это, разумеется, не могло не отозваться дурно на духе войск»²⁰⁹.

С другой стороны, русский автор похвально отзывается о вожде Кетчвайо и его полководческом даре. В этой связи в «Военном сборнике» можно прочитать: «Король зулусов, судя по всему, хорошо знаком с общим положением дел. С тех пор, как численность английских войск выросла в три раза, и гарнизон Экоу был освобожден, он ограничился строгой обороной. При таких условиях англичанам весьма трудно будет настичь его, вследствие крайне невыгодного для них театра военных действий. Вместо большой войны, весьма выгодной в настоящее время для его противников, Цетивайо повел малую войну, непрерывно тревожа неприятеля, лишая его необходимых средств...»²¹⁰.

Следует признать: положение колониальных войск в Южной Африке было не из легких, и конечная победа досталась англичанам немалой кровью. В то же время, если вспомнить анализ военных действий, данный в документах, автором которых был Кетчвайо, то станет ясно, что тактика зулусов далеко не всегда была безупречной. Однако об этом совершенно не упоминается в обзорах «Военного сборника». И все же, несмотря на противоречивость информации, помещаемой на страницах различных русских журналов, большинство публикаций стремились объективно подходить к оценке событий англо-зулусской войны.

Подведем итоги. В этой небольшой по объему главе проанализирована лишь небольшая часть публикаций, посвященных событиям в Южной Африке. Следует отметить,

что этой проблемой интересовались также и многочисленные газеты, издававшиеся в России. Кроме того, рамки данной работы не позволяют проанализировать целый ряд журналов, в которых также имелась информация об англо-зулусских отношениях в последней трети XIX в. Но даже та часть сообщений, которые нашли свое отражение в этой главе, позволяют сделать важные выводы.

Во-первых, русская общественность живо интересовалась английской внешней политикой и, в частности колониальной. Это во многом было результатом того, что к концу 70-х гг. XIX в. значительно обострилось соперничество Англии и России на международной арене.

Во-вторых, большинство изданий трезво оценивали сущность британской политики в Южной Африке. Более критически к оценке действий англичан подходили журналы консервативного направления, такие, как «Русский Вестник», издававшийся М.Кратковым. Во многом это связано с тем, что в позиции этих изданий более заметны были тенденции славянофильства, в то время как издания прозападного толка, подобно «Вестнику Европы», более ориентировались на Западную Европу и поэтому в своей оценке событий проявляли определенную лояльность к самому либеральному государству Европы.

В-третьих, все журналы особо отмечали победу зулусов при Изандлване, зачастую не скрывая своего восхищения этим мужественным народом.

Наконец, военные обзоры, опубликованные в специальном журнале «Военный сборник», свидетельствуют о характерной позиции этого издания. Главная черта – объективность и беспристрастность. Основное место отводится анализу стратегии и тактики вероятного противника. Учитывая, что важнейшим соперником для России в тот период была прежде всего Великобритания, становится понятным повышенный интерес специализированного журнала к ходу военных действий, победам и поражениям английских войск. Автор обзоров критикует способ ведения войны, применяемый

англичанами, и в то же время с определенной симпатией относится к тактике боевых действий, которую используют зулусы. Конечно, с автором можно спорить по ряду вопросов, относящихся к освещению хода боевых действий. Важно другое: военные специалисты из «Военного сборника» были удовлетворены победой зулусского асегая над английскими нарезными ружьями в битве при Изандлване. В очерке также с явной похвалой отзываются о «партизанском» методе ведения войны, применяемой зулусами.

В заключение следует отметить, что несмотря на некоторые неточности и противоречия, содержащиеся в публикациях на международную тематику, русские журналы периода буржуазно-либеральных реформ являются ценным источником по проблемам внешней (колониальной) политики европейских государств, в частности Великобритании. Разнообразие оценок, содержащихся в журнальных публикациях, позволяют современному историку проследить также и за изменениями общественного мнения внутри самой Российской империи.

5. СМЕРТЬ КЕТЧВАЙО.

Английскому исследователю истории зулусов Ч.Т.Биннсу уже после написания книги «Последний король зулусов» стали известны новые обстоятельства смерти Кетчвайо. По официальной версии, смерть Кетчвайо произошла от сердечного приступа, однако по всему Зулуленду ходили разные слухи, а те зулусы, которые общались с королем и знали всю историю, единодушно отвергали эту причину.

Вскоре после того, как весть достигла Лондона, «Медикал Таймс» опубликовала сведения, процитированные в «Натал Уитнесс» 2 апреля 1864 г.: «После получения сфигмографического (запись пульса артерии) изображения пульса Кетчвайо, сделанного Дж.К.Б. во время пребывания короля в Мельбари Роуд, в Лондоне, он писал:

«Заявление о том, что бывший король Кетчвайо внезапно умер от ожирения сердца, должно быть, вызвало желание у наших

читателей подробнее узнать о состоянии его здоровья во время пребывания в Англии в августе 1882 г. Прослушивание показало абсолютно нормальные тоны сердца, и различные сфигмограммы говорили об абсолютно здоровой артериальной системе. Основное недомогание Кетчвайо заключалось в том, что от чрезмерного употребления мяса и малоподвижного образа жизни он страдал запорами».

3 сентября 1962 г. мне посчастливилось иметь беседу с принцессой Магого. Ее бабушка (жена Кетчвайо) находилась с королем в хижине, когда он умер, и утверждала, что Кетчвайо отравили. Рассказ об этой смерти, передаваемый из уст в уста, дошел до Магого. Так зулусский народ сохраняет выдающиеся события своей истории.

Принцесса рассказала мне эту историю так: «Слуги принесли королю обед, состоящий в основном из мяса, приготовленного слугами, которыми окружил его Осборн. Он запретил людям Кетчвайо готовить для него. Кетчвайо съел кусок мяса и тут же, обратившись к одной из своих жен, сказал, что ему плохо. У него начались ужасные судороги. Вдруг голова короля упала на грудь, и он бессильно откинулся на спину. Ни вода, которую не него лили, ни другие способы не могли привести его в чувство: он был мертв».

Сэр Генри Балвер косвенно ссылаясь на версию отравления: «Хотя вожди узуту несколько раз посылали за Динузулу, он отказывался явиться из-за боязни быть отравленным, как отец». Знаменательно то обстоятельство, что за две недели до смерти Кетчвайо искал убежища от покушений, которые предвидел, в военном лагере. Приют ему не дали, и король скрылся. Но туземная полиция настигла его и доставила на прежнее место. В докладе полиции говорилось, что Кетчвайо пытался бежать.

Примерно в это же время произошло покушение на Мниаману. Поступившее сообщение о смерти Мниаманы не подтвердилось. Оказалось, что он очень болен и даже был при смерти, но поправился. Считали, что его случайно или намеренно пытались отравить. Из всего этого видно, что

предпринимались серьезные попытки избавиться от лидеров, поддерживавших королевскую семью.

В течение многих лет во всех частях страны я расспрашивал зулусов об обстоятельствах смерти Кетчвайо, и ответ почти неизменно был один и тот же: «Его убил Сибебу» (Ч.Т.Биннс. Динузулу. – М., 1978. – С. 254-255).

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В результате проведенного исследования можно прийти к следующим выводам:

1. Анализ документов, автором которых был зулусский вождь Кетчвайо, показывает, что они позволяют по-новому рассмотреть сложные проблемы англо-зулусских отношений в последней трети XIX в.

2. Изученные документы могут быть использованы как источник, позволяющий исследовать различные аспекты истории зулусов, их экономическое, политическое и социальное положение.

3. Политика английской администрации была направлена на экспансию земель африканцев, ликвидацию зулусской государственности и превращение вождя Кетчвайо в обычного колониального чиновника.

4. Исследование документов выявило противоречия, встречающиеся в тексте. Это следует объяснить такими обстоятельствами. Все три источника: «Рассказ Кетчвайо», «Письмо к губернатору» и, наконец, «Свидетельства» зулусского вождя – были опубликованы в разное время. Однако общим для них явилось то, что все они появились в период пленения и ссылки их автора – Кетчвайо. Вот почему вождь не мог быть совершенно свободным от влияния сложной ситуации, в которой он оказался, и определенного давления английских властей. Со всей определенностью можно утверждать, что сама колониальная администрация во многом несет ответственность за некоторые неточности и противоречия в трудах зулусского вождя. Хорошо известно,

что Кетчвайо создавал эти документы при непосредственном участии переводчиков и редакторов.

С другой стороны, «король» не был так прост, как полагали современники. Тщательное изучение документов показывает, что вождь был внимательным и деятельным политиком, осознававшим свое сложное положение.

По вполне понятным причинам вождь стремился не обострять отношения с британским правительством, и если в некоторых документах можно прочесть весьма нелестные отзывы об отдельных чиновниках, как например о Шепстоне, то основная идея его свидетельств заключается в том, что он остался лояльным по отношению к английским властям, правительству, королеве. В конце концов чиновники могут быть разные.

Можно ли такую позицию Кетчвайо признать ошибочной? Надо иметь в виду, что он не только стремился обрести свободу. Вождь рассчитывал, и это главное, вернуть утраченную власть. Тогда, может быть, им руководил эгоистичный расчет и непомерное властолюбие?

Надо думать, что Кетчвайо понимал: спасти Зулуленд от анархии и сепаратистских амбиций мелких властителей, а затем и окончательной аннексии можно в том случае, если в его стране будет установлена сильная централизованная власть. Конечно, английским колонизаторам было выгодно, чтобы отдельные вожди постоянно дрались между собой за власть, за земли, за скот и т.п. Это обстоятельство позволило бы европейским «благотетелям» постоянно вмешиваться во внутренние дела зулусов. Понимал ли это Кетчвайо? Без всякого сомнения, он хорошо знал тактику англичан и буров, наблюдая их действия еще в бытность «принцем».

Еще один любопытный момент. Я неоднократно отмечал, что ссыльный вождь часто обращается к образу «короля» Чаки. В этом я усматриваю не только дань традиции, любви и почти божественного преклонения перед великим предком. Скорее всего Кетчвайо, будучи «монархом», стремился следовать его политике. В то же время, как мне представляется, Кетчвайо

лишний раз хотел показать, что его правление проходило в совершенно иных политических условиях.

Чака смог собрать земли, объединить родственные зулусам племена, создать свою военную систему и т.п. В то время Англия только мечтала о большой империи на юге Африки. Колонизаторы тогда еще только довольствовались сравнительно небольшой Капской колонией. Тем не менее в Кейптауне с немалым беспокойством следили за успехами верховного правителя зулу, реформатора и полководца. Нельзя сказать, что их радовали военные успехи Чаки, укрепление его абсолютной власти. Вместе с тем колонизаторы ничего не могли предпринять для того, чтобы предотвратить усиление зулусского племени.

Вспомним, в каких условиях правил Кетчвайо. Вначале буры, а затем английские поселенцы все активнее продвигались на северо-восток. Натал становится британским владением, тогда как еще несколько десятилетий до аннексии эта территория была неотъемлемой частью зулусской страны и находилась под управлением Чаки и Дингаана.

Аппетиты английских колонизаторов вдохновляли буров на новые грабительские рейды. Кетчвайо неоднократно обращался к своим «друзьям» – британским властям – за помощью, однако последние делали вид, будто ничего не происходит. Зулусский вождь при желании мог обратиться в бегство зарвавшихся фермеров, ибо он владел сильной и хорошо обученной армией. Но Кетчвайо не желал войны. Между тем в Лондоне давно решили сбросить с «престола» зулусского «короля», грезившего славой своего великого дяди, и установить над этой территорией свою «опеку».

В то время английское правительство могло себе это позволить. Значительная часть Южной Африки была под их контролем, в регионе находились немалые подразделения британских колониальных войск; им удалось разобщить южноафриканские племена и мобилизовать некоторых вождей – противников Кетчвайо – в свою армию. Все это сулило

относительно легкую победу в грядущей войне с зулусским «королем».

Мог ли Кетчвайо рассуждать таким образом? Если судить по документам, на основе которых написана данная работа, вождь понимал ситуацию, при этом не строя особых иллюзий относительно порядочности английских властей. Об этом свидетельствует его отношение к Т.Шепстону. И никакие демагогические заявления этого британского деятеля, ни его «отцовские» наставления не могли обмануть зулусского вождя. Теперь обратимся к еще одному важному аспекту моего исследования. Какое отражение в русской периодической печати нашли события, имевшие место в 1879 г. в Южной Африке? Необходимо подчеркнуть, что российское общественное мнение живо отреагировало на ход и результаты англо-зулусской войны. Как уже отмечалось, большинство журналов Москвы и Петербурга с большой симпатией относились к африканцам, подчеркивая их справедливую борьбу против колониальной экспансии Великобритании. Это во многом объяснялось сложной внешнеполитической ситуацией, выразившейся в обострении отношений между Петербургом и Лондоном в конце 70-х гг. Необходимо также отметить, что информация о событиях в Южной Африке, отраженная на страницах русскоязычных изданий, в целом была достаточной объективной. В то же время анализ журнальных публикаций позволяет утверждать, что основным источником информации для большинства обзоров и корреспонденций служили сообщения британской прессы, донесения чиновников внешнеполитического ведомства. Этим объясняется тот факт, что не все публикации на эту тему, появившиеся в русской прессе, имели достоверный характер.

В этой связи хотелось бы обратиться к другой немаловажной проблеме этого исследования. Как правило, историки, изучающие прошлое африканских народов, используют в качестве источников всякого рода свидетельства европейского происхождения, часто ссылаясь на то, что аборигены не имели письменности. Однако большинство западных ученых

забывало, что у африканских народов исстари существовала устная историческая традиция.

Многие английские путешественники и особенно миссионеры восхищались обычаями своих подопечных, согласно которым, юношей обучали не только охотничьим премудростям и боевым приемам, но и рассказывали о прошлом своего народа. На таких уроках можно было познать историю, этнографию, географию и фольклор. Из поколения в поколение, из уст в уста передавались живые и образные повествования о знаменитых вождах и их деяниях, полководцах и их военных подвигах. Одним словом, рассказы стариков служили не только важным воспитательным целям, но и способствовали сохранению исторического сознания, своих истоков, которыми африканцы и, в частности зулусы, так гордились.

Таким образом, документы Кетчвайо во многом основаны на устной традиции. Они служат доказательством, как важно использовать источники из «первых рук», имеющие сугубо «африканское» происхождение. Они в основном избавлены от тех недостатков, которые обычно встречаются в документах европейских авторов. Даже если представить себе, что свидетель описываемого события – честный и благожелательный к аборигенам человек, то все равно в его дневнике сделана запись человеком, недостаточно знающим психологию африканцев, до конца не сумевшим разобраться в мотивах того или иного поступка, совершенного, например «туземным» правителем. Европейец воспринимает увиденное глазами человека, не только внешним видом отличающегося от африканца. Его воспитание, образование, наконец, среда, формировавшая взгляды такого носителя информации, коренным образом влияли на «виденье» события, о котором повествует автор.

Наконец, последнее, о чем хотелось сказать: документы, автором которых считается Кетчвайо, дают возможность как бы увидеть самого зулусского вождя, познать его сложный характер; понять, насколько это возможно, психологию

чернокожего властителя, жившего в труднейший период истории африканских народов.

Кетчвайо всегда гордился тем, что является наследником Чаки и всячески стремился подражать основателю зулусской династии. Но вместе с тем Кетчвайо осознавал, что живет в иных исторических условиях, вынуждавших его идти на компромисс с европейцами ради сохранения наследия великого предка. Нельзя винить Кетчвайо в том, что ему не удалось сбересть зулусскую государственность, раздавленную мощной и безжалостной колониальной машиной.

В конце XIX в. большинство африканских народов стали жертвой европейской колониальной экспансии, однако в анналах истории Кетчвайо сохранится как мужественный и по-своему незаурядный правитель некогда сильного африканского государства.

Глава III

Общественность России и пресса города Николаева об англо-бурской войне (1899-1902).

Казалось бы, парадоксальная ситуация: в Российской империи – общественное мнение. В государстве, справедливо называемом «тюрьмой народов», где подавлялось инакомыслие, а охранка преследовала людей за малейшее проявление оппозиции к царскому режиму, и вдруг – «общественное мнение».

Однако в истории России мы не раз встречаем факты красноречиво свидетельствующие, что правительство империи в определённых ситуациях не только признавало общественное мнение, но и поддерживало его, когда это было особенно выгодно, а иногда даже считалось с ним.

Например, в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 годов настроение значительной части российского общества было на стороне угнетённых народов Балканского полуострова. Официальный Петербург, учитывая это обстоятельство, принялся более активно поводить далекоидущую политику в Азии в решении так называемого Восточного вопроса.

Компетентные органы Российского государства, если это было в интересах правительства и его внешней политики, вполне лояльно относилось к критике отдельных русских чиновников и даже министров, если те «колебались», не проявляя необходимую «твёрдость».

Пресса была заполнена статьями, фельетонами, заметками, допускавшими несвойственную русской журналистике открытость суждений, лишь бы эти публикации способствовали формированию проправительственного мнения читающего населения.

Весьма показательны события связанные с англо-бурской войной 1899-1902 годов. Они являют собой типичный образец манипулирования общественным мнением, когда официально допускались «ура-патриотические» высказывания на разном уровне, жёсткая критика Англии, «братские чувства» и

солидарность с неведомыми бурами, лишь бы пресса не касалась нищеты русского крестьянина и безысходности рабочего, дискриминации малых народов и общего упадка экономики, а так же многих других острых вопросов. Подобная политика проводилась как на общероссийском, так и на региональном уровне.

Особый интерес для автора представляет позиция прессы города Николаева, в то время одного из центров русского кораблестроения; города, где проживало немало отставных офицеров и «низших чинов» армии и флота и где не менее активно чем в столице проявлялся интерес к англо-бурской войне и событиям с ней связанным.

1. Общественное мнение России об англо-бурской войне.

Сам по себе навязывается вопрос: а что знали читающие россияне о Южной Африке? Представьте себе – не так мало, как могло показаться. Например, люди почтенного возраста с интересом следили за войной между южноафриканским племенем зулу и Англией в 1879 году. И как ликовала либеральная часть российского общества, когда пришло известие о разгроме зулусами английского отряда. Нужно отметить, что газеты и особенно журналы России много писали об Английских владениях в Африке и почти всегда симпатии журналистов и читателей по колониальному вопросу совпадали.

Россияне искренне сочувствовали угнетённым африканцам, и лишь немногие поддерживали Англию в её несправедливой борьбе за право властвовать над другими народами. И это понятно: русский человек всегда был на стороне обиженных, к тому же сам жил несладко и знал не понаслышке, что такое нагайка и катаджка.

Поворотным моментом в развитии знания о Южной Африке среди широких масс, как России, так и всего мира, послужила англо-бурская война. Российская общественность бурно

откликнулась на эту войну. «За здоровье президента Крюгера служили молебны, от оркестров, играющих в публичных местах, требуют «гимн буров», который повторяется бесчисленное количество раз» – свидетельствует петербургский журнал начала 1900 года¹. Интересные строки можно подметить в книжке «В помощь бурам»: «Буры и всё «бурское» интересуют теперь решительно все слои общества, и в великосветской гостиной, и в редакции газеты, и в лакейской, и даже в извозничьем трактире только и слышны разговоры о бурах и африканской войне»². Это был информационный переворот. Одно событие, столь далёкое и не имеющее прямого отношения к их судьбам, заставило миллионы людей приковать к себе внимание.

Могла ли Российская империя, великая держава, остаться совсем в стороне от этих событий?

Ещё во время первой войны между Англией и Трансваалем русское посольство в Лондоне направило в Петербург резко пробурские оценки событий. Но тогда представления официальной России о ситуации на Юге Африки не были особенно чёткими. Вероятно, поэтому даже письмо вождя южноафриканского народа пондо в 1886 году осталось без ответа. А он адресовал его «Царю. Санкт-Петербург. Россия» с просьбой взять под покровительство его народ и защитить его от англичан³.

В середине 90-х годов XIX века, особенно после английской попытки завоевать Трансвааль в 1895г., обстановка изменилась. Положение в Трансваале и вообще на юге Африки освещалось в мировой и в русской печати. В 1890 г. в Трансвааль отправили русских горных инженеров – изучать опыт горнорудного дела для его применения на приисках Урала и Сибири. С начала 80-х годов на юг Африки, прежде всего в Трансвааль, пошла эмиграция из России. К 1914 г. она насчитывала уже около 40 тыс. человек. Это были, главным образом, евреи, бежавшие от погромов и дискриминации. Но хотя они уезжали из России, их контакты с нею далеко не

всегда прерывались. И получалось, что эта эмиграция содействовала зарождению связей Трансвааля с Россией.

Была и ещё одна причина усиления российского интереса к Южной Африке. Многие русские путешественники, побывав на африканском Юге, писали о сходстве буров с русскими. Подчеркивалась религиозность буров, патриархальность, спокойный характер, хозяйственность, домовитость, даже внешний облик: физическая сила, окладистые бороды. Во всем этом усматривались общие черты с русским мужиком. Такое сравнение довольно прочно утвердилось в сознании многих россиян.

Все это, вместе взятое, создало и в правительственных кругах, и в общественном мнении предпосылки к установлению отношений с Трансваалем. В середине 90-х в Петербурге обсуждался вопрос о назначении консула в Йоханнесбург. Речь шла о почетном консуле, таком же, как в Кейптауне, где русский почетный консул был уже несколько десятилетий в связи с заходами российских кораблей в Кейптаун. По требованию Петербурга консул в Кейптауне прислал в июле 1895 г. сведения об экономической ситуации в Трансваале и о россиянах, обосновавшихся там. По сведениям российского Министерства иностранных дел, их было тогда четыре тысячи. Министерство иностранных дел 10 августа 1895 г. препроводило этот отчет министру торговли и мануфактур⁴. В октябре и ноябре оба министерства рассматривали вопрос о консульстве в Трансваале и решили, что обстоятельства для этого ещё не созрели.

28 марта 1897 г. министр иностранных дел России М.Н. Муравьев обратился к министру финансов С.Ю. Витте с предложением рассмотреть возможность установления отношений с Трансваалем. Муравьев подчеркнул растущую роль Африки в мировой политике. В Трансваале, указывалось в его письме, находится от семи до восьми тысяч выходцев из России, каждый десятый житель Йоханнесбурга – российского происхождения, и общий размер капитала этих лиц составляет 500 тыс. ф.ст., по тому времени громадную сумму⁵.

Трансваальское правительство перед лицом усилившейся угрозы со стороны Англии оказалось крайне заинтересованно в связях с другими европейскими государствами. В апреле 1897г. Трансвааль попросил министерство иностранных дел Франции о содействии в установлении официальных и торговых отношений с Россией⁶.

Препятствием на пути установления отношений с Трансваалем была Лондонская конвенция, навязанная Трансваалю после их первой войны. Согласно этой конвенции, Трансвааль не мог устанавливать дипломатические отношения с другими государствами, если это как-то затрагивало интересы Великобритании. Великобритания стремилась ограничить суверенитет Трансвааля. Она отказывала ему даже в праве на его официальное название. Страна называла себя: «Южно – Африканская Республика», но стараниями англичан за ней повсюду закрепилось её давнишнее название: «Трансвааль».

Е.Е. Стааль, посол России в Лондоне, по поручению М.Н. Муравьева выяснял вопрос о юридической возможности установления отношений⁷, и дипломаты пришли к выводу, что на консульские отношения это давнее ограничение не распространяется, к тому же Франция и Германия уже установили отношения с Трансваалем и на более высоком уровне.

В августе 1898 г. Россия провела переговоры с представителем Трансвааля в Европе уже напрямую, без посредства французских дипломатов. Переговоры вел князь Урусов, посол России во Франции. Тут уже события развивались стремительно. 16 сентября Френсис Вильям Рейтц, государственный секретарь Трансвааля, запросил у Петербурга согласие на назначение д-ра Виллема Лейдса, посла Трансвааля во Франции, Германии и Бельгии, послом в России. Николай II согласился на это предложение, и 28 сентября товарищ министра иностранных дел России В.Н. Ламздорф сообщил Рейтцу о решении императора.

Таким образом, были установлены дипломатические отношения. Но российское посольство в Претории не было

открыто. Над Трансваалем уже собирались грозные тучи, и через год началась война.

В первые недели англо-бурской войны Николай II путешествовал по Дании и Германии. В дневнике 14 (27) октября 1899 г. он записал: «Читал с интересом английские газеты о войне в Южной Африке»⁸. Своей сестре Ксении он писал 21 октября (3 ноября) более определенно:

«Как и ты Сандро (Великий князь Александр Михайлович), я всецело поглощен войною Англии с Трансваалем; я ежедневно перечитываю все подробности в английских газетах от первой до последней строки и затем делюсь с другими за столом своими впечатлениями. Я рад, что Аликс (Императрица Александра Федоровна) во всем думает, как мы; разумеется, она в ужасе от потерь англичан офицерами, но что же делать - у них в их войнах всегда так бывало!

Не могу не выразить моей радости по поводу только что подтвердившегося известия, полученного уже вчера, о том, что во время вылазки генерала White целых два английских батальона и горная батарея взяты бурами в плен!

Вот, что называется, вляпались и полезли в воду, не зная броду! Этим способом буры сразу уменьшили гарнизон Лэдисмита в 10 тысяч человек, на одну пятую, забрав около 2000 в плен.

Недаром старик Крюгер, кажется, в своем ультиматуме к Англии, сказал, что, прежде чем погибнет Трансвааль, буры удивят весь мир своею удалью и стойкостью. Его слова положительно уже начинают сказываться. Я уверен, что мы ещё не то увидим, даже после высадки всех английских войск. А если поднимется восстание остальных буров, живущих в английских южно – африканских колониях? Что тогда будут делать англичане со своими 50 тысячами; этого количества будет далеко недостаточно, война может затянуться, а откуда Англия возьмет свои подкрепления – не из Индии же?

Ты знаешь, милая моя, что я не горд, но мне приятно сознание, что только в моих руках находится средство вконец изменить ход войны в Африке. Средство это очень простое – отдать

приказ по телеграфу всем туркестанским войскам мобилизоваться и подойти к границе. Вот и все! Никакие самые сильные флоты в мире не смогут помешать нам расправиться с Англией именно там, в наиболее уязвимом для неё месте.

Но время для этого ещё не пришло: мы недостаточно готовы к серьёзным действиям, главным образом потому, что Туркестан не соединен пока сплошной железной дорогой с внутренней Россией.

Однако же я увлекся, но ты поймешь, что при случае невольно иногда самые излюбленные мечты вырываются наружу, и невозможно удержаться, чтобы не поделиться ими».

Для осуществления «излюбленной мечты» Николай решил начать с Вильгельма II: «Я намерен всячески натравливать императора на англичан, напоминая ему о его известной телеграмме Крюгеру!»⁹. Внимание русского царя и его окружения к англо-бурской войне было непритворным. В первые же недели англо-бурской войны царь провел несколько дней с германским кайзером. Казалось бы, самое время было договориться, как прекратить начавшуюся кровавую бойню, ведь у обоих императоров была общая позиция. Вся Европа ещё помнила грозную телеграмму, которую Вильгельм послал Крюгеру в 1896 г., сразу после рейда Джемсона. Договориться им, вроде бы, было легко. Они всячески демонстрировали свои приятельские отношения, называли друг друга «Ники» и «Вилли». Николая и его семью Вильгельм встречал в Потсдаме в начале ноября 1899 г., надев русскую военную форму. Затем они вместе охотились на фазанов, куропаток и зайцев.

Министр иностранных дел Муравьев в это время завершал поездку по европейским державам: Германии, Испании и Франции. И хотя визит был неофициальным, в честь Муравьева устраивались торжественные приемы на 70, а то и на 100 персон. Он был принят французским президентом Лубе. Во влиятельной газете «Санкт-Петербургские ведомости» сочли нужным привести оценку этого визита из французской газеты «Фигаро»: «Европейское положение по многим причина

требует теперь крайней бдительности. В нем возможны перемены, которые немедленно отозвались бы на интересах Росси и Франции. Время выбрано поэтому удачное для обмена мнениями о них и для соглашения»¹⁰. Одновременно возросла численность русских военных кораблей в Средиземном море и в Атлантике. В октябре 1899 г. во французский порт Брест вошли четыре русских крейсера. Правда, это вряд ли могло быть угрозой «владычице морей». Другое дело – слухи о передвижении русских войск близ пределов Афганистана и Индии. Российское правительство решило провести военную демонстрацию «при посредстве соответствующих военных распоряжений, долженствующих ограничить свободу действий Англии»¹¹. В конце 1899 г. в российских газетах появилось сообщение: «Ввиду распространившихся в последнее время известий о тревожном положении дел в Афганистане...сделан опыт передвижения небольшой части войск с Кавказа в Закаспийскую область»¹².

Приходится ли удивляться, что активность России вызывала беспокойство в Англии. Накануне встречи царя с кайзером гадали, к чему эта встреча может привести.

Но каковы бы ни были намерения России, удар по ним был нанесен сразу же. В ходе встречи царя с кайзером в Потсдаме, 8 ноября, стало известно, что Великобритания и США пришли к соглашению с Германией о разделе острова Самоа. В тот же день британское правительство получило сведения, что Муравьеву не удалось убедить французское правительство предпринять сколько-то определенных действия против Англии¹³. Для Франции намного важнее были противоречия с Германией – вопрос об Эльзасе и Лотарингии. Поэтому осложнять отношения с Великобританией она не захотела.

Ни о каких совместных действиях царь и кайзер не договорились. Больше того, уже через несколько дней, 20 ноября, едва расставшись с Николаем, Вильгельм II с семьей и с канцлером Буловым прибыли на яхте «Гогенцоллерн» в Англию и был принят в королевском дворце в Виндзоре. 14 ноября в Лондоне был официально подписан англо –

германский договор о Самоа. К тому же Англия перестала препятствовать излюбленному плану Вильгельма: строительству Берлинско-Багдадской железной дороги. 27 ноября турецкий султан объявил, что предоставляет немецкой компании концессию для строительства дороги через Басру в Багдад.

Россию Вильгельм в дальнейшем подталкивал к решительным действиям против Англии, но не для того, чтобы участвовать в них, а лишь затем, чтобы шантажировать Лондон российским нажимом и использовать его в своих целях¹⁴. А Джозеф Чемберлен в ходе встречи с Бюловым стремился настроить германского канцлера и против России, и против Франции. Предложил даже раздел Марокко, с тем, чтобы Германии досталось атлантическое побережье. Вильгельм и Бюлов отклонили это – не захотели идти на обострение с Францией.

О политике России лучше судить не по заверениям царя, а по деловым документам, державшимся в строгом секрете. Пожалуй, важнейший из них – записка Ламздорфа от 22 января 1900г., который был тогда товарищем министра иностранных дел, а через несколько месяцев стал министром: «О задачах внешней политики России в связи с англо-бурской войной». Начиналась она общей оценкой значения англо-бурской войны для мировой политики: «Разыгравшиеся на Африканском материке с начала осени минувшего года события, сосредоточили на себе всеобщее внимание и приобрели в глазах правительств почти всех государств особливую важность по тем неожиданным последствиям, к которым привело столкновение сравнительно ничтожных военных сил двух небольших южноафриканских республик с войсками могущественной Англии».

Ламздорф разбирал требования воинственных кругов России, которые хотели максимально использовать обстановку, когда у Англии были связаны руки. Мечтали захватить порты в Черном и Средиземном морях, и даже в Персидском заливе. В шовинистской печати это называлось «компенсациями». Ламздорф выступил против таких прожектов как

дорогостоящих и вообще нереальных. Даже давнюю мечту российских правительств – захват пролива Босфор – он назвал нереальной. Обстоятельно рассмотрел замыслы России и других великих держав во всех районах столкновения их интересов, вплоть до Ирана и Дальнего Востока. И сделал вывод: «Настоящее общее политическое положение вещей не вызывает необходимости со стороны императорского правительства принятия какой – либо стоянки для нашего флота, ни при посредстве военного занятия какой бы то ни было территории или стратегической позиции». Единственное, что Ламздорф предложил, это несколько укрепить позиции России в Османской империи, в Ираке и Афганистане – и то не военными, а дипломатическими мерами. Выражая точку зрения правящих кругов России, М.Н. Муравьев писал: «Мысль об участии России в каком бы то ни было союзе или коалиции держав против Англии должна быть совершенно исключена»¹⁵. «Нам, более чем когда-либо, следует заботиться о сохранении спокойствия... дабы ничем не усложнять общего политического положения», – утверждал В.Н. Ламздорф¹⁶. Записка Ламздорфа была послана в несколько других министерств. Военный министр А.Н. Куропаткин выразил явное недовольство, считая, что надо начать давление на турецкое правительство, чтобы оно уступило России Босфор. Управляющий морским министерством тоже не сдержал пыла и пожалел, что Россия ничего не выгадает от затруднений своего старого соперника. Зато министр финансов С.Ю. Витте высказал прямо противоположное мнение, возразив даже против предложенных Ламздорфом мер усиления российского влияния в соединенных странах Центральной Азии и дав понять, что России вообще не к чему об этом думать при её тяжелом финансовом положении¹⁷.

Действительно, время для России было трудное. Экономический кризис, сокращение промышленного производства, а главное – неурожай и голод в ряде губерний.

Вильгельм II подталкивал Россию к вторжению в Индию. Он прямо говорил об этом российскому послу в Берлине в начале

января 1900г¹⁸. Но опасность такого шага осознавали и в высших военных кругах России. На закрытом совещании генералов и офицеров в конце 1899 г. генерал М. Грулев резко осудил призывы к походу на Индию и никто ему не возразил. Но доклад Грулева решили не публиковать, чтобы не раскрывать перед Англией свои карты и по-прежнему держать её в напряжении.¹⁹

В целом победила точка зрения Ламздорфа. Призывы вторгнуться в Индию или захватить Босфор так и остались призывами. Но свои позиции в Центральной Азии Российская империя все же несколько укрепила. В декабре 1899 г. она добилась от Ирана ещё на десятилетие продления обязательства не давать иностранным державам концессий на строительство железных дорог. В январе 1900 г. Россия дала Ирану заем, условием которого было вытеснение на иранском рынке английских товаров российскими. В случае нарушения сроков по платежам этого займа Россия получила право «установить контроль над таможами, доходом коих упомянутый заем гарантирован»²⁰. В Османской империи правительство Николая II добилось концессии на строительство железной дороги вдоль южного берега Черного моря. А с Афганистаном Россия в начале 1900 г. установила дипломатические отношения, чему Великобритания всегда препятствовала.

Эти перемены в Центральной Азии произошли в результате англо – бурской войны. «Русско-персидский заем и русско-персидские концессии также до известной степени связаны с этими событиями. В Тегеране не решились бы на этот шаг, столь неприятный англичанам, если бы престиж Великобритании не был столь поколеблен южно – африканскими событиями»²¹.

А теперь от событий мирового масштаба вернёмся к тому, что происходило в самой России с началом англо-бурской войны, обратимся к реакции народа.

Издавалось множество русских книг о той войне. Статей – не сосчитать. А брошюры печатали не только в столицах – в

Санкт-Петербурге и Москве – или крупных городах Российской империи – Киеве, Варшаве, Тифлисе, но даже в Борисоглебске. Фотографии бурских бойцов, генералов, президента Крюгера и его соратников – во всех иллюстрированных изданиях. И с самыми восторженными подписями.

В церквях собирали пожертвования в пользу буров. В Трансвааль посылали иконы, альбомы, роскошно изданную Библию, складни, пластинки с записями русских стихов и песен в честь буров. А после известия, что бурский генерал Кронье взят в плен, прошла широкая кампания по сбору средств, чтобы подарить ему братину – громадную братскую чашу из порфира с серебряным орнаментом. Эта братина была послана вместе с листами, на которых расписалось 70 тыс. человек. Листы озаглавлены: «Подписи к братине от русских людей командиру буров Питу Кронье». Это все хранится теперь в Претории в Историческом музее. А некоторые русские книги попали в библиотеку Стелленбошского университета.

Улицам русских городов давали названия в честь борьбы буров. В одну лишь харьковскую Городскую управу поступили предложения дать трем новым улицам названия: Трансваальская, Жуберовская и Крюгеровская²². Южноафриканские события отразились в театральных и цирковых репертуарах. Постановка в Московском городском манеже в феврале 1900 г. называлась: «На высотах Драконовых скал или война буров с англичанами»²³.

Общим ажиотажем пользовались торговцы. Появились игрушки, карикатурно высмеивающие Джона Буля, и картинные изображения буров. Ресторанам, трактирам, закусочным давали новые названия: «Претория», «Трансвааль».

Центром организации помощи бурским республика стал Голландский комитет для оказания помощи раненым бурам. Его председателем был пастор голландской общины в Санкт-Петербурге Хедрик Гиллот. Комитет издал три воззвания к народу России. В первом, в октябре 1899 г., был призыв к

сбору средств для раненых буров. Во втором, в ноябре, говорилось, что уже собрано 70 тыс. рублей и эти пожертвования направлены на организацию санитарного отряда на 40 коек под названием: «Русско-голландский походный лазарет». В третьем, в декабре, – что общая сумма пожертвований уже превзошла 100 тыс. рублей, что госпиталь уже обеспечен средствами на шесть месяцев, считая проезд туда и обратно, врачи и сестры милосердия уже двинулись в путь: голландские – из Амстердама, русские – из Санкт-Петербурга.

Для сбора дополнительных средств комитет обратился к видным петербургским художникам, артистам, музыкантам, композиторам, писателям и общественным деятелям с просьбой прислать свои портреты, фотографии, автографы, картины и рисунки. Так появился альбом «С.-Петербург – Трансвааль», с репродукциями картин И.Е. Репина, Н.К. Рериха, К.Е. Маковского и других русских художников, с портретами и фотографиями артистов балета, оперы, драматических театров.

Нельзя утаивать и тот факт, что в рядах бурской армии сражалось определённое количество российских добровольцев, но вот сколько их было? Известны только подсчеты, сделанные английскими и американскими военными корреспондентами. Они оцениваются как наиболее достоверные и приводятся в ряде изданий: российских добровольцев – 225²⁴. Достоверно известно, что «военное министерство России послало туда шесть официальных агентов (военных атташе) и несколько разведчиков, выступавших на театре военных действий под видом волонтеров»²⁵. Это, конечно, была малая толика из числа желавших. Уже в первые дни войны в редакции газет обращались «лично и письменно, многие лица с просьбою дать им указание, как прикомандироваться к направляющимся в Трансвааль добровольческим отрядам»²⁶. В гостиной пастора Гиллота, которая до того времени была тихой и спокойной, стали толпиться «люди из всех сословий, все рвутся к бурам»²⁷. Но путь из России был дальше и дольше, чем из

западноевропейских стран. Надо было добраться до Марселя или какого-нибудь ещё порта Западной Европы, откуда плавали корабли на Юг Африки. Дорога стоила громадных денег. К тому же русские, путешествуя зачастую в пределах своей огромной страны, имели намного меньше опыта в путешествиях за рубеж, чем европейцы.

Но даже о тех, кто смог добраться и принять участие в войне, о тех 225 – мы знаем очень мало! Основной источник сведений – отчет об этой войне, представленный военным атташе Василием Иосифовичем Гурко, когда он вернулся в Россию. Отчет подробный, объемистый – 340 страниц. Есть там и списки и русских добровольцев. Но названы только 25 фамилий²⁸, в основном офицеры. Да и о них сведения даны крайне лаконичные. Только фамилии (имена не названы), воинские звания (и те не редко перепутаны) и иногда наименования их полков в России. Военный атташе собирал сведения о новшествах военного искусства, применявшихся в англо – бурской войне, и явно не считал своей задачей сбор данных о добровольцах.

Елизавета Фокскрофт, русская эмигрантка, поселившаяся в Трансваале, собирая сведения о Государственном архиве в Претории о приезде волонтеров из России, смогла назвать ещё только 14 человек²⁹, поскольку учет приезда добровольцев велся в бурских республиках только в первые месяцы войны. Так кто же были остальные 186? Конечно, статистика в России никогда не была на высоте. Но не дать никаких сведений, даже фамилий подавляющего большинства, более 80% добровольцев! И при том возбуждении, которое царило в России из-за этой войны! Поразительно.

И ещё более удивительно, что никто из ученых – тех, кто касался темы о добровольцах, даже не задался вопросом, кто же были эти люди. Мы долго бились над этим и, в конце концов, нашли ключ к загадке. Во всяком случае кажется, что нашли.

Дело в том, что понятие «русские» трактовалось по-разному. У английских и американских журналистов, которые

подсчитывали численность волонтеров от каждой из стран, был один подход. У официальных кругов России – другой. Журналисты, очевидно, считали русскими выходцев из России, которые осели в Южной Африке, кто осел сравнительно недавно. Такого же подхода придерживались и английские власти. За помощь бурам они выселяли этих людей из Африки на родину – в Россию. Подавляющее большинство этих эмигрантов были евреи. И во время войны 3 тыс. из них должны были вернуться в Россию. Но русской бюрократии очень не хотелось считать их своими, российскими подданными. Русские евреи, которые сражались в бурских командос, не попадали ни в какие русские отчеты. А таких волонтеров было немало.

В русские отчеты не попали и осевшие в Южной Африке русские и литовцы. Приехавший в начале 1900 г. из России доброволец Владимир Рубанов вспоминал потом, что в «русском отряде» «были ещё русские крестьяне, которые задолго до войны поселились в Южной Африке»³⁰. Другой вернувшийся в Россию доброволец вспоминал, что в «Русском отряде» было восемь иммигрантов из Литвы – все из – под города Ковно (ныне – Каунас). Они эмигрировали в Южную Африку за два – три года до войны³¹. Они, как и русские мужики, остались безымянными. Никто не зафиксировал их имен.

Не попали в официальные отчеты и многие другие добровольцы, Военное министерство интересовало главным образом офицеры, из чего и исходил Гурко, составляя свой список. А остальные – куда их приписать? Россия, как говорил Чехов, страна казенная. Большинство же добровольцев, очевидно, ни по какому государственному ведомству не числились. Они не укладывались в прокрустово ложе русской бюрократической статистики. Но и никакая другая страна тоже не считала их своими. Вот они и выпадали из всех перечней. Не попал в официальные отчеты Иван Кириллович Заболотный, который потом стал депутатом I Государственной думы. Отсутствует в них Николай Евграфович Попов³².

Широкую известность среди добровольцев приобрел Евгений Яковлевич Максимов – он стал бурским генералом³³, грузинский князь Нико Багратиони, Александр Иванович и Федор Иванович Гучковы.

Медицинский отряд Российского Красного Креста работал в Южной Африке с января по август 1900 г. В его составе были 6 врачей, 4 фельдшера, 9 сестре милосердия, 20 санитаров и 2 «агента по административной и хозяйственной части». За шесть с половиной месяцев он оказал амбулаторную помощь 5716, а стационарную – 1090 больным и раненым³⁴. Второй отряд – Русско-голландский госпиталь – тоже был снаряжен целиком на деньги, собранные в России. В него входили четыре российских врача и четыре сестры милосердия. Он работал в Южной Африке с февраля по май 1900 г.³⁵

Активную роль в пробурской кампании играли монархические и черносотенные силы. Им эта война была крайне выгодна: на мировой арене ослаблялся главный соперник, Англия, в самой России бедствия народа отодвигались на задний план перед сочувствием бедствиям чужого народа. Они стремились использовать войну для разжигания шовинизма.

С этой целью у буров подчеркивались черты подлинного и надуманного сходства с русскими – и именно те черты, которые правящая верхушка хотела бы культивировать в своем народе: патриархальность, фанатичную религиозность, неприятие «растленного» Запада. Все это должно было помочь властям бороться внутри страны с любыми силами протеста, кому были по душе достижения западных демократий. Так откликнулась на начало англо-бурской войны влиятельная газета «Новое время»³⁶. В той же статье прославление бура сопровождалось поношением англичанина: «Храбрый бур тщится отстоять свою независимость от прожорливого британца»³⁷. Это противопоставление, буквально теми же словами, кочевало по страницам русской монархической печати. «Либеральный, корыстолюбивый бритт... не мог принести постоянного упорного сопротивления честного консервативного бура»³⁸.

От прославления бурского консерватизма и осуждения британского либерализма совершался переход к рассуждениям о консерватизме и о либерализме уже как о явлениях всемирного плана. «Буры составляют одну семью, чуждую всякой партийности и всяких либеральных «отрицательностей». Они живут в привычках строжайшей дисциплины, и старшие являются прирожденными и бесспорными руководителями младших».

Из военных успехов буров тоже делался обобщающий вывод: «Глубокий исторический смысл теперешней войны в том, именно, что вера, патриотизм... патриархальная семейственность, первобытная племенная сплоченность, железная дисциплина и полное отсутствие «современной цивилизации» оказались уже... такой несокрушимой силой, такой твердыней, перед которой затрепетал организм старинной, первоклассной, считавшейся непобедимой Англии»³⁹. А из идеи вредности «современной цивилизации» для самой России вытекало, что её борьба против Англии ведется в интересах всего человечества: «Ведя на территории азиатского материка упорную борьбу с Англией, мы боремся не только за себя, но и за человечество, мы боремся за преобладание интересов гуманности над животным эгоизмом англосаксонской расы»⁴⁰. И даже более того: Россия должна бороться против всего Запада, который якобы Россию презирает и унижает. А для этого Россия может объединяться против Запада даже с татаро-монгольскими завоевателями, какими были в средние века Чингисхан и Мамай. «По-моему, выгоднее было бы объединиться с будущими Мамаем и Чингисханами и вести их на Европу, чем сражаться за тех, которые нас глубоко ненавидят и пытаются уничтожить не мытьем, так катаньем»⁴¹. Так, начав с восхваления патриархальности, фанатической набожности, консерватизма и неприхотливости буров, приходили к противопоставлению России Западу.

Это компрометировало дело буров, заставляло многих задумываться, вызывало сомнения и даже протест. Так

студенты Санкт-Петербургского университета заявляли: «Мы все искренне и широко сочувствуем бурам, как борцам за свою независимость и свободу». Но «у нас есть более родные и вопиющие нужды... разве мы можем и смеем забыть, что в трех южных губерниях сотни тысяч населения голодают, из Закавказья тоже приходят самые тяжкие вести?»⁴². Этому вторил либеральный журнал «Вестник Европы»: «У нас довольно и своих дел и всяких невзгод»⁴³. Так же высказывалась и народническая «Неделя»⁴⁴. А социал-демократы еще резче: «Помилуйте, но что вам за дело до буров? Подумайте о своем народе. Посмотрите, что делается на юге: ведь там голод»⁴⁵.

В целом буров поддерживали почти все круги русского общества, а отнюдь не только проправительственные. В истории России можно найти не так уж много примеров, когда общество было так же единодушно. Даже либералы негодовали на Великобританию за её предательство либеральных идей. Главным было сочувствие слабому, на которого напал сильный. Это чувство охватило тогда многие страны. В России оно особенно усилилось давней неприязнью к Великобритании.

2. История газеты «Южанин» («Южная Россия»).

Теперь от проблем общероссийского масштаба перейдем к проблемам региональным, а в частности остановимся на особенностях присущих региональным источникам информации о англо-бурской войне и событиях так или иначе связанных с ней. Автору, как уроженцу города Николаева, пришла в голову мысль остановиться на прессе города Николаева периода англо-бурской войны, как на одном из вышеупомянутых источников.

В рассматриваемый период в провинциальном городе Николаеве существовала одна постоянно издающаяся газета к истории, которой мы сейчас и обратимся.

К моменту окончания выхода в свет первой николаевской газеты «Николаевский вестник» в городе уже существовала другая газета: «1 октября 1882 года начала издаваться в городе вторая, но ежедневная газета – «Николаевский листок объявлений»⁴⁶. Издавал и редактировал газету Василий Андреевич Даценко – активный общественный деятель, гласный Думы, член Городской Управы, инженер-механик.

Редакция и контора газеты помещалась на углу улиц Соборной и Спасской. Печаталась газета в типографии М.В. Рюмина. Газета выходила ежедневно, кроме понедельника и дней после праздничных. Подписная цена на год с пересылкой – 5 рублей. Цена отдельного номера 5 копеек.

Издание неслучайно имело подзаголовки «Ежедневная справочная газета». На первой странице, на почетном месте публиковались Приказы по Морскому ведомству, а также Главного командира Черноморского флота и портов. Газета также регулярно информировала своих читателей об экономической и торговой жизни региона. Печатались объявления, судебная хроника, происшествия, письма в редакцию. Перепечатывались из других газет разного рода необычные жизненные истории, большей частью трагические. Имелась также рубрика «Театр и музыка».

1 июля 1884 года из названия газеты убирается последнее слово, и она называется «Николаевский листок». Сам же В.А. Даценко, утвержденный в должности городского головы, в августе 1884 года оставляет газетную работу и передает «Николаевский листок» в руки Митрофана Васильевича Рюмина.

Приступив к изданию газеты, капитан-лейтенант М.В. Рюмин в ноябре 1884 года меняет название газеты на «Южанин». Содержание «Южанина» носило информационный характер, причём упор делался на культуру и просвещение. В разделе «Смесь» регулярно печатались различные смешные истории, курьёзы. Не обошлось здесь без запретов. За статьи по вопросу о пересмотре гимназической программы постановлением Министерства внутренних дел в апреле 1890 года издание было

приостановлено. Объявлено, что на 8 месяцев, однако срок был затем сокращён.

М.В. Рюмин оставляет газету за год до своей смерти – в июле 1900 года, хотя морской службы не покидает. Скончался после выхода в отставку с должности старшего помощника капитана над Николаевским военным портом, в чине генерал-лейтенанта.

Что же касается дальнейшей истории газеты «Южанин», то в июле 1901 года её владельцем и редактором становится Сергей Петрович Юрицын, который 2 декабря того же 1901 года переименовывает её в «Южную Россию» – «Ежедневную политическую, экономическую и литературную газету».

Учёный садовод, получивший образование в Петербургском лесном институте и продолживший учёбу в Сорбонне, потомственный почётный гражданин, С.П. Юрицын придерживался либеральных позиций, начиная от умеренно-просветительских и кончая сугубо радикальными.

В номере от 2 декабря 1901 года, когда издание поменяло своё название, отмечалось, что «являясь выражением интересов южной окраины России, газета своё главное внимание обращает на всестороннюю разработку экономических и культурно-общественных вопросов, выдвигаемых жизнью избранного ею региона».

Продолжая издавать «Южную Россию» до времени её запрещения – декабря 1905 года, С.П. Юрицын с середины 1904 года перестаёт быть её редактором. Им становится сначала Владимир Петрович Юрицын, а затем Давид Маркович Козиков.

Формально по закону, «Южная Россия» не была закрыта, а только приостановлена. Известный николаевский председатель биржевого комитета, гласный Городской Думы, общественный деятель Георгий Антонович Властелица принимает решение: вместо приостановленной «Южной России» издавать газету «Новороссия».

Первый номер этой газеты вышел 22 декабря 1905 года и был разослан бесплатно всем подписчикам «Южной России».

Печаталась газета в Русской паровой типографии П.А. Яворского – угол Соборной и Спасской, дом Рюмина. Контора и редакция газеты располагались там же.

Газета придерживалась направления «Южной России». Временами редакция давала понять читателям о зависимости от цензуры (в виде заметок от редакции о не возможности публикации тех или иных материалов).

Не просуществовав и года, «Новороссия» прекратила существование.

Продолжить издание «Южной России» Г.А. Властелице так и не удалось. Однако газета с таким названием позднее в Николаеве выходила. Но уже с 14 января 1915 по 1917 год.

Более краткую историческую справку о интересующей нас газете находим в «Адрес – календаре и справочной книге Николаевского градоначальства на 1902 год»: «1 октября 1882 года начала издаваться в городе вторая, но ежедневная газета – «Николаевский листок объявлений», под редакцией отставного инженера-механика В.А. Даценко. Первоначально программа этой газеты была очень узкой, и только через два года В.А. Даценко получил право уничтожить в заголовке слово «объявлений» и несколько расширить программу. Новая газета отняла у «Николаевского вестника» значительную часть его подписчиков в 1885 году.

Между тем «Николаевский листок» продолжал развиваться, хотя и очень медленно. В июне 1884 года В.А. Даценко из членов городской управы был избран на пост городского головы и уступил свою газету владельцу типографии капитан-лейтенанту М.В. Рюмину. Под новой редакцией в ноябре того же года «Николаевский листок» переименовал название на «Южанин» и начал выходить в увеличенном формате и по значительно расширенной программе. В октябре 1897 «Южанин» значительно увеличил свой формат.

В июле 1900 года Рюмин передал издание газеты учёному лесоводу С.П. Юрицыну, который исходатайствовал разрешение на издание этой газеты по программе больших провинциальных газет.

С 2 декабря 1900 года «Южанин» переименован в «Южную Россию»⁴⁷.

Газета уделяла внимание как местным, так и мировым новостям. С началом англо-бурской войны на тот момент ещё в «Южанине» появляется отдельная колонка под незамысловатым названием «Англо-Трансваальская война». На протяжении всей войны эта колонка являлась для николаевцев основным источником информации о ходе кампании и событиях так или иначе связанных с этой войной. Кроме того, в рубрике «Телеграммы» постоянно появлялись наиболее свежие информационные сообщения мировых и Российских телеграфных агентств. Рубрика «Англо-Трансваальская война» стала настоящим информационным окном, смысловая нагрузка которого просто поражает. Материал, находящийся в этой рубрике, не просто был перепечаткой центральных газет, а содержал проанализированную информацию из многих источников как пробурских так и пробританских. Строки из многих мировых газет и телеграфных агентств приводились на страницах рубрики. Мнения огромного числа людей по поводу англо-бурской войны были услышаны в Николаеве благодаря «Южанину» («Южной России»). Также были опубликованы и воспоминания участников событий как иностранных, так и Российских, особый интерес вызывает заметка в рубрике «Англо-Трансваальская война» от 9 февраля 1901 года рассказывающая о событиях в Южной Африке со слов непосредственного участника событий, который, к тому же, проживал в Николаеве:

« - Преподавателем Николаевской инженерной академии, инженер-полковником Щёголевым было сделано на днях в академии чрезвычайно интересное (не только для специалистов военного дела) сообщение о командировке его на южно-африканский театр военных действий летом 1900 года. Лектор прибыл на главную квартиру буров, когда Претория была уже в руках англичан, и Буллер с Робертсом, преследуя буров, заставили их принять сражение у с. Мандодорн. Лектор был очевидцем этого сражения и так его описывает: протяжении

позиции, довольно хорошо выбранной, доходило до 45 вёрст, оборонялась же она отрядом в 3 000 буров с 4-мя пушками большого калибра «Длинные Томы». Характер опорного пункта имела отдельная высота, находившаяся несколько впереди общего фронта позиции буров и позволявшая фланкировать доступы к ней фронтальным огнём. Буры сознавали значение этого пункта и заняли его лучшим своим отрядом – командой йоханнесбургской полиции, в числе 80 человек. В фортификационном отношении, однако, эта высота не была укреплена сильнее других пунктов. Резерва у буров не было. С помощью гелиографа главнокомандующий генерал Бота поддерживал сношения со своими подчинёнными. Англичане направили главный удар против холма, занятого йоханнесбургской полицией. До 60 орудий, в том числе полевые гаубицы, в течение нескольких дней сыпали снаряды на этот холм, занятый 80 человеками; когда потеря от этого огня у буров достигла приблизительно 50% личного состава, оставшиеся в живых отступили. Англичане заняли этот холм, после чего вся армия буров отступила. После этого буры отказались от операций большими силами и начали партизанскую войну. Сметливость буров и их умение пользоваться новейшими изобретениями военного искусства ярко выразились во время осады ими Ледисмита.

Двумя электрическими прожекторами буры каждую ночь освещали Ледисмит, а когда Буллер вздумал переговариваться с Уайтом, направляя на облака свои сигналы, буры, с помощью своих прожекторов, направляя пучки света в ту же точку, стирали, в буквальном смысле слова, эти сигналы.

В конце сообщения лектор, с помощью волшебного фонаря и экрана, показал слушателям в увеличенном размере ряд сделанных им в Южной Африке фотографических снимков с различных позиций, фортификационных деталей укреплений и военных сцен, которые ему пришлось видеть во время его интересной и поучительной командировки».

3. Газетные вырезки.

Как уже было сказано выше в газете «Южанин», позже «Южная Россия», существовала специальная рубрика, посвящённая подробному изложению хроники событий англо-бурской войны, анализу зарубежных и российских источников, а так же общественного мнения, под названием «Англо-Трансваальская война». Наиболее срочные известия приводились в рубрике «Телеграммы», а курьёзы и шутки, связанные с конфликтом, читатель мог увидеть в рубрике «Смесь». Для большей наглядности автор счёл нужным привести в качестве примера несколько вырезок из выше перечисленных рубрик, датированные первой половиной января 1901 года и которые способны показать историческую ценность приведённого в них материала.

Среда 3 января 1901 г.

«Англо-Трансваальская война».

В британской армии в Южной Африке всё заметнее, по словам «Berliner Tageblatt», распространяется неохота к продолжению борьбы, чтобы не сказать, упадок духа.

Английский офицер: «В руках британцев находится несколько городов и несколько постов по главной линии железной дороги, которые они более или менее способны защищать. В других же местах можно появляться только со значительной силой. Летучие колонны беспрестанно высылаются в погоню за некоторыми из больших команд, перед ними эти команды разбиваются для того, чтобы по уходу колонны снова собраться вместе. Летучие колонны состояются обыкновенно из пехоты. Люди отважны и в открытой местности идут под огнём невидимого противника на холм, где за каждым камнем кроется смерть, но удача не приветствуется торжествующими криками, так как для каждого ясно, что результат не стоит понесённых утрат. Пехота знает, что ей не загнать до смерти и не поймать наездников; конным войскам ясно, что они в 50 раз больше рискуют потерей жизни, находясь постоянно в наступательном положении, и даже генералы осознают, что от

них требуют невозможного, отдавая приказания разбивать все встреченные команды без помощи со стороны других. Правда, иногда им удаётся рассеять команду на время, но только на время. Буры теперь не становятся под открытый огонь артиллерии, а рассыпаются в стороны при приближении британцев с тем, чтобы опять сойтись, когда неприятель пойдёт мимо. Каждая команда держится своего округа, и буры даже посещают свои семейства. Страна полна всякими припасами. Если бы операции велись осмотрительно, то, благодаря перевесу артиллерии удавалось бы наносить бурам кое какие потери, но это преимущество часто утрачивалось, при каком ни будь нападении английские потери были 10 на 1, или же терялись целые патрули. 20 надёжных человек могли бы теперь на холме под хорошим прикрытием удерживать позицию в течение многих часов против целого батальона, который выдержал бы атаку в открытом поле даже без поддержки артиллерии, и затем уходят без повреждений, нанеся этому батальону большие потери. Всё же, если бы пехота поддерживалась артиллерией, то её атаки на открытой местности были бы удачны. Конечно, это всегда дорого стоит».

- Число буров, проникших в Капскую колонию с запада, всё увеличивается. Большая часть продвигается к югу. Как говорят, они прибегают к насилию в отношении тех из голландцев, которые отказываются примкнуть к ним. Теперь число их определяется в 18000. У них запас прекрасных лошадей и амуниции. Разведочные патрули буров, вошедших в колонию, находятся в 20 милях от Пикетберга.

«Temps» писало: В стратегическом отношении весьма серьёзным представляется положение английской армии, сосредоточенной в нескольких укрепленных пунктах Трансвааля и Оранжевой республики и находящейся под постоянным опасением быть отрезанной от своих четырёх баз: Капштадта, Порт-Элизабет, Ист-Лондона и Дурбана. ...они (буры) располагают значительными средствами для ведения этих операций».

Очевидно, северо-западная область Трансвааля – это огромная территория, куда англичане не рискнули послать ни одного отряда, служит неиссякаемым источником и надёжным убежищем для главной квартиры Боты, ...

Четверг 4 января 1901 г.

Телеграммы.

Лондон: Небольшой отряд буров произвёл внезапное нападение на британские отряды, занимающие место между Делагом и Преторией. Кроме того 15 тыс. буров проникло в Капскую колонию.

Капштадт: Последовало разрешение, чтобы кроме уже существующего, назначенного для защиты Йоханнесбургских коней отряда была образована команда в 250 человек для охраны алмазных копей Оранжевой республики.

Так как отряды велосипедистов доказали свою состоятельность в боевых действиях, то к регулярным войскам присоединяются роты велосипедистов.

Суббота 6 января 1901 г.

«Англо-Трансваальская война».

На остров Святой Елены прибыло 31-го декабря около 200 пленных буров.

«Neu Freie Presse»: «...теперь война заключается в наступательных действиях со стороны буров и в оборонительной тактике англичан».

...в окрестностях Раода (Йоханнесбург) заложены динамические мины.

«Daily Mail», энергично поддержавшая политику Чемберлена и упорно отрицавшая опасность положения дел в Южной Африке даже в наиболее критические для англичан минуты, открыто проговорила на днях, что война далеко ещё не окончена.

Телеграммы.

Успехи буров на театре военных действий вызвали необходимость организации новой армии волонтеров, которые усиленно вербуются теперь.

Йоханнесбург. Носятся слухи, что Девет перешел через реку Вааль... буры при отступлении, после безуспешной атаки на Цурфонтен и Кальфонтей понесли довольно большие потери (60 убитых и раненых).

Капшдадт. Буры ворвались в Эбердин, в 40 милях южнее Графрейнета.

Понедельник 8 января 1901 г.

«Англо-Трансваальская война».

Как сообщают из Лондона в «Birmingham Post», между германским и голландским правительствами произошел обмен весьма важными телеграммами по вопросу об отношении Голландии к бурам вообще и, в особенности, к пребыванию Крюгера и Лейдса на её земле.

Итальянский посланник Ричиарди, который командовал в Трансваале европейским добровольческим отрядом, и который недавно прибыл из Южной Африки в Рим, - как сообщает «Independence Belge», - был вызван президентом Крюгером из Рима в Гаагу. «Central News» в свою очередь об этом и прибавляет, что президент Крюгер возложил на полковника Ричиарди выполнение очень важного тайного поручения к президенту Оранжевой республики Штейну, на южноафриканском театре военных действий, куда Ричиарди опять отправился.

Телеграммы.

Капшдадт. Буры два раза пытались взять Барлейнет, но были отбиты. Несколько буров пало от выстрелов добровольцев, защищавших город.

Буры, проникшие в западную часть Капской колонии, не идут более вперед.

Около сотни голландцев примкнуло к вторгнувшимся бурам.

Лондон. Китченер сообщает из Претории, что новозеландский и австралийские войска атаковали в восьми милях к западу от Вентесбурга 800 буров и разбили их совершенно. Пять человек убито, два ранено. Найдено много лошадей без всадников. Большое количество седел и кожаных вещей захвачено в добычу. Со стороны англичан ранен 1.

Смесь.

Хорон благодарит Чемберлена:

-Благодарю вас, мой милый Джо, - ваши труды в Южной Африке настолько увеличили мои доходы, что я могу заменить мою старую лодчонку прекрасным паровым судном. Продолжайте дальше, я вас очень прошу.

Вторник 9 января 1901 г.

«Англо-Трансваальская война».

Англичанам нужно надеяться на то, что буры не получат большой поддержки в Капской колонии.

Лондонские газеты коверкают факты. «Агентство Гаваса» почти все газеты осуждают расправу Девета с тремя агентами мирного комитета.

Интервью корреспондентов «Daily Telegraph» с доктором Лейдсем и с господином Фишером. Указав на разницу в силах воюющих, интервьюер спросил, не опасаются ли они быть раздавленными. Ответ был таков: «Возможно, хотя и мало вероятно, что наши силы будут раздавлены, но раса наша никогда».

Среда 10 января 1901 г.

«Англо-Трансваальская война».

Битва при Линдсеме: «Буры окружили британские войска, заняв холмы, расположенные в виде подковы. Англичане оказались между двух огней. Бурская артиллерия произвела в их рядах большое опустошение. Только 1/3 английских солдат удалось спастись, оставив неприятелю свои траки и обозы.

Если главная масса африкандеров замыкаются в кажущемся нейтралитете и воздерживается от всяких враждебных действий, то это прежде всего по врожденной голландской расе осторожности, которая уживается у них на ряду с геройской спокойностью буров и которая внушает африкандерам подвергать себя страшному риску восстания лишь в случае крайней необходимости при наличии шансов на успех.

Четверг 11 января 1901 г.

«Англо-Трансваальская война».

-Парижская газета сообщает о любопытном проявлении общественных симпатий к бурам.

Группы представителей парижского бомонда с супругами Марини, инициаторами затеи, во главе, с гитарами под мышкой обходят улицы Парижа, и, останавливаясь там и сям, дают концерты перед окнами домов. Поют и играют на гитарах. Ничего нет удивительного, что затем они делают хорошие сборы и все эти деньги предназначены в пользу вдов и сирот буров.

Пятница 12 января 1901 г.

«Англо-Трансваальская война».

Разбросанные отряды отступают и примыкают к главной команде в Кальвинии....

...При Муррейсбурге 29 декабря произошло жаркое сражение, в котором англичане потеряли 20 человек. Около ста голландцев примкнули к вторгнувшимся бурам.

В «Central News» сообщено из Стадертона, что в округе Эрмело сосредоточено под началом Луи Боты шесть бурских отрядов, в которых насчитывается всего до 8 000 человек. Отряды эти готовятся к вторжению в Наталь.

Воскресение 14 января 1901 г.

Лорд Робертс на последней аудиенции с королевой высказал пессимистические настроения. Нужно держать постоянно около 300 тысяч человек в Южной Африке для контроля.

Телеграммы

После смерти Виктории буры надеются, что король Эдуард VII дарует им амнистию и ускорит заключение мира.

Понедельник 15 января 1901 г.

Телеграммы.

Капштадт. Буры взорвали железнодорожный мост близ Фуртенстрема и захватили военный поезд.

20 вновь завербованных полицейских сдались бурам в Девонделе, не оказав никакого сопротивления.

Вторник 16 января 1901 г.

«Англо-Трансваальская война».

«Полученное в Брюсселе письмо свидетельствует, что в английской армии свирепствует бубонная чума, прикрываемая тифом и дизентерией».

Среда 17 января 1901 г.

«Англо-Трансваальская война».

-В Фиумэ 10 января прибыл английский пароход «Суссекс», который должен привезти в Африку 1200 лошадей для британской армии.

-Ходит слух, будто бурские отряды в Капской колонии пробираются к морскому берегу, чтобы облегчить высадку предназначенных для них военных припасов с судов, пока не имеющих возможности нигде пристать.

-«Fclairg», указывая на крайнюю скудость английских известий с театра южноафриканской войны, заключает их этого, что, очевидно, дела англичан очень плохи, и генералы их не хотят лишней раз смущать общественное мнение и без того угнетенное кончиной королевы. Дело в том, что буры уже хозяйничают около Претории и Йоханнесбурга; это лучше всего доказывается тем, что на днях они совершенно

разрушили здание электрической станции, расположенной на окраине Йоханнесбурга. Очевидным успехом сопровождается и бурская агитация среди африкандеров Капской колонии.

-Симпатии населения Германии к бурам не только не падают, но, по-видимому, все возрастают. По словам «Frankf. ztg.» в Вормсе состоялось за последнее время два громадных митинга сторонников буров; устроители митинга не могли найти залы, достаточной просторной для того, чтобы вместить всех желающих присутствовать на митинге. Говорились речи, горячие и убедительные, читались адреса, резолюции, протестующие против «беззаконной войны». Наиболее деятельную агитацию в пользу буров ведут педагоги и клерикалы.

Четверг 18 января 1901 г.

«Англо-Трансваальская война».

-Насколько буры человечнее англичан ясно видно из сообщений корреспондента «Manchester Guardian», который рассказывает следующее: 17 декабря около тысячи буров пришли к жилищу одного английского бура в округе Мидлбурга. Он дал им немного припасов и корму для лошадей. Когда затем буры начали уходить, из другой части жилища по ним открыт огонь английским патрулем. Когда на следующее утро буры вернулись, они не растерзали англичанина и не сожгли его жилище, как бы это сделали англичане. Они, эти «невежественные бандиты», спросили хозяина фермы, почему он их предал. Они обыскали его жилище, и, не найдя патронов, поверили его утверждению, что он ничего не знал о присутствии английского патруля, и ушли не тронув ничего. «Berliner Tageblatt» замечает, передавая этот случай, что телеграмма была получена еще второго января, но задержана цензурой, так как подобные истории не могут способствовать возбуждению воинственного настроения и ненависти к бурам. Не лишен интереса факт, что сообщение это идет из английского источника и что, следовательно, не может быть речи о самовосхвалении со стороны буров.

4. Заключение

Вот лишь то небольшое из громадного количества материала, накопившегося за несколько лет англо-бурской войны на страницах уже известной нам газеты, но будь у нас возможность опубликовать все это, - какое замечательное учебное пособие получилось.

Но не будем расстраиваться, а лучше подведём черту под всем вышесказанным. Можно по-разному оценивать отношение тех или иных групп населения Российской империи и, в частности николаевщины, к англо-бурской войне. Но бесспорно, что именно эта война впервые привлекла внимание к Африке широкой общественности, как столицы России, так и провинции, подтверждение чему мы находим на пожелтевших от времени и пыли страницах николаевской газеты «Южанин» (позже - «Южная Россия»).

Глава IV

Нельсон Мандела: политический портрет борца против апартхеида

1. Жизнь в условиях расовой дискриминации (об апартхейде).

Обстановка, сложившаяся в мире после Второй мировой войны, вызвала сильную тревогу у правящих кругов Южно-Африканского Союза¹. Они боялись, что дальнейшее экономическое развитие и усиление контактов между различными национальными группами сметут расистские преграды. Их пугало, что разгром фашизма, укрепление демократии во всём мире, а также начавшийся распад колониальной системы могут вызвать серьёзные изменения и внутри ЮАС.

Правящие круги искали средств, чтобы не только ликвидировать уступки, сделанные в военные годы, но и создать систему, которая жесточайшим образом подавляла бы малейшие попытки сопротивления. Это давало возможность перехода власти в руки наиболее реакционных сил. Все большее влияние стал приобретать «Брудербонд». Никогда не показываясь на авансцене политической борьбы, он действовал через посредство «очищенной» Националистической партии, большинство лидеров которой были его членами, а некоторые, как Д. Малан или Хендрик Фервурд входили в его руководство. «Брудербонд» проник во все звенья государственного аппарата и подготовил условия для прихода этой партии к власти.

Она одержала победу на парламентских выборах 1948 г. Малан сформировал правительство и объявил, что будет осуществлять политику апартхейда. Слово «апартхейд» (в русских изданиях это слово транскрибируется иногда не вполне точно – «апартеид») означает на языке африкаанс «обособление, обособленное, раздельное существование и развитие». В период борьбы Националистической партии за власть апартхейд был лозунгом, означавшим резкое усиление расовой

дискриминации. И лишь в дальнейшем, уже сформировав правительство, лидеры и идеологи Националистической партии стали подводить под лозунг «апартхейд» теоретическую базу и все более подробно разъяснять, какие конкретные формы должно принять на практике «обособленное, раздельное существование и развитие», какими методами оно должно осуществляться.

Основным положением апартхейда была объявлена недопустимость расовой интеграции. Спекулируя на религиозных чувствах африканеров-кальвинистов, принадлежавших к голландским реформатским церквям, националисты с крайне расистских позиций толковали Библию и учение Кальвина, особенно идеи о судьбе и предопределении.

Националисты утверждали, что каждой расе предначертаны свыше особая судьба, особый путь развития, а следовательно, и особый образ жизни. Европейский образ жизни якобы не подходит для африканцев и африканский – для европейца; каждая раса может достичь расцвета лишь в том случае, если она идет указанным ей путем. Ассимиляция, утрата «чистоты крови» или нарушение предопределенного образа жизни – это роковой для каждой расы или народа отход от пути, указанного Провидением. Белая – «высшая» – раса в таком случае неизбежно деградирует, а особенно гибельна ассимиляция для «народа господ» как называют свой народ крайние африканерские националисты. Из этого делался вывод, что апартхейд, дает единственно верное решение расовой проблемы. Многие сторонники апартхейда, продолжая подобные рассуждения, заявляли, что, поскольку у каждой расы свой специфический, присущий только ей путь развития, плодами европейской цивилизации должны пользоваться исключительно европейцы, а африканцы могут жить лишь своим «традиционным» родоплеменным строем. Современная культура, всестороннее образование объявлялись монополией белой расы; африканцу же все это может лишь принести вред, поскольку отводит его в сторону от предначертанного свыше пути.

¹ Южно-Африканский Союз – с 1910 г.; с 1961 г. – Южно-Африканская Республика (ЮАР).

Сторонники апартхеида исходили из посылки, что в обществе, где представители различных рас тесно соприкасаются друг с другом, острые расовые конфликты абсолютно неизбежны, и считали, что только осуществление политики обособления может гарантировать мир между расами. Только расселив расовые группы отдельно друг от друга и сведя к минимуму контакты между ними, можно избежать взаимной враждебности и кровавых столкновений, которые в ином случае, согласно утверждениям правителей страны, неизбежно произойдут и неизбежно повергнут страну в состояние хаоса.

Провозгласив свою теорию единственно реальной гарантией расового мира, власти обвиняли противников апартхеида в разжигании расовой розни. «Идеальным» апартхейдом африканерские националисты назвали не только полное обособление различных расовых групп во всех сферах деятельности, но и территориальное их отделение друг от друга.

Однако полное осуществление апартхеида, разумеется, невозможно, ибо оно должно быть связано с отказом от использования рабочей силы небелых.

Таким образом, апартхейд с самого начала не был тем, за что его выдавали националисты. Он был направлен не на полное обособление, а на закрепление подчиненного положения всех небелых, прежде всего африканцев.

Апартхейд нельзя считать совершенно новым явлением для Южно-Африканского Союза. Политика сегрегации проводилась в стране с незапамятных времен как бурскими, так и английскими властями. Но апартхейд связан со значительно более широким кругом расистских и антидемократических мероприятий.

Обеспечение господства над многомиллионным африканским населением – важнейшая, но не единственная цель Националистической партии. Апартхейд теснейшим образом связан с идеями о том, что африканеры – это «народ господ», «избранный народ». В соответствии со взглядами идеологов «Брудербонда» и Националистической партии, все население страны

можно представить в виде пирамиды: на самом верху – африканеры, ниже – другие белые (англичане, немцы, еще ниже – евреи), затем – метисы и индийцы, а в самом низу – миллионы африканцев. На построение такой пирамиды направлены не только апартхейд, но и давние требования «Брудербонда» о провозглашении страны республикой, о ее полной независимости от Великобритании, об изменении всей общественной жизни и системы просвещения в духе «африканерского христианского национализма».

Все законодательство было подчинено апартхейду. Краеугольным камнем системы апартхеида стал закон 1950 г. о расселении по группам. Этот закон дал правительству право объявлять любую часть страны районом поселения какой-либо этнической группы. Лица, принадлежащие к другим группам, должны покинуть такой район. С середины 50-х годов началось осуществление серии мероприятий по выселению африканцев из больших городов.

Правительство усилило дискриминацию в экономической сфере. Многочисленные меры были направлены на закрепление «цветного барьера» в промышленности, на дальнейшее ограничение допуска африканцев к квалифицированному и полуквалифицированному труду. Закон об арбитраже в промышленности, принятый в 1956 г., предоставил министру труда право «резервировать» любые виды работ в любой отрасли промышленности за представителями одной расы. На практике это дало легальную возможность отстранения африканцев или даже всех небелых от любых видов квалифицированного труда.

Закон об образовании для банту (1953 г.) привел к выхолащиванию школьных программ для африканцев. Х.Фервурд, занимавший тогда пост министра по делам туземцев, объяснял цели этого закона: «Какая польза учить ребенка-банту математике, если он не сможет применить ее на практике? Образование людям нужно давать сообразно их возможности в жизни... Банту никогда не смогут подняться

выше определенных форм труда... Поэтому им бесполезно получать такое же образование, как европейцам».

Националистическая партия сразу же после прихода к власти провела через парламент закон, запретивший браки белых с любыми небелыми. А в следующем году новая поправка к закону запретила и внебрачные отношения. Была введена слежка за «нарушителями морали».

На борьбу за «чистоту расы» был направлен также закон о регистрации населения (1950 г.). Его цель состояла в лишении метисов возможности выдавать себя за белых, а африканцев – за метисов. По этому закону каждый житель страны, достигший 16 лет, обязан иметь при себе удостоверение личности, в котором описан его внешний облик и указана этническая группа. В 60-70-х годах был принят ряд мер для дальнейшего усиления политики апартеида. Важнейшей из них правительство Фервурда объявило закон о развитии самоуправления банту – он был принят еще в 1959 г., но его осуществление относится к 60-м годам.

В соответствии с этим законом, было намечено постепенно провести объединение существовавших в стране 264 резерватов в несколько территориальных единиц, которые должны стать как бы «национальными отечествами» (в просторечии – бантустанами) для крупнейших народов банту: зулу, коса, тсвана, северных и южных суто, венда, тсонга, свази, шангаан, ндебеле. Закон предусматривал, что каждому из народов банту должно быть предоставлено самоуправление в пределах таких «национальных отечеств».

Закон о бантустанах преследовал несколько целей. С пропагандистской точки зрения правительство хотело показать внешнему миру, будто и в этой стране расширяются права африканского населения. В действительности же создание бантустанов не улучшало, а ухудшало положение африканцев. Поскольку для южноафриканских банту официально создавались «национальные отечества», то за их пределами, на 87 % территории страны, представители народов банту теряли последние остатки прав; отныне они считались там лишь

временными обитателями, а постоянным местом жительства объявлялся бантустан. Отменялось даже то мизерное представительство, которое африканцы имели в парламенте страны: ликвидировались мандаты тех нескольких белых парламентариев, которых африканцы избирали в качестве защитников своих интересов.

В мае 1963 г. парламент утвердил закон о создании первого бантустана. Им был объявлен Транскей, крупнейший резерват страны, населенный народом коса. Транскей получал свое законодательное собрание и кабинет министров, свой флаг и гимн. Законы, принимаемые собранием, подлежали утверждению президентом страны. Вопросы, связанные с внешней политикой, обороной, внутренней безопасностью, средствами связи, эмиграцией, валютой и займами, вообще находились вне сферы компетенции транскейских властей и решались исключительно правительством и парламентом центрального правительства Южной Африки.

Жизнь в условиях расовой дискриминации, национальные притеснения и создание бантустанов вызвали волну возмущения и протеста среди коренных африканцев. Множество людей стало на путь борьбы за свои человеческие права. Одним из таких людей и стал Нельсон Мандела.

2. Детские и юношеские годы н.манделы.

Мандела родился 18 мая 1918 г. в местечке Куну неподалеку от г. Умата (Транскей) в Южно-Африканской Республике. При рождении мальчику дали два имени: христианское Нельсон и африканское Ролихлахла, что означает «Мятежный духом». Его отец - верховный вождь племени тембу из народности коса, т.е., по африканским понятиям, был знатным. Маленький Нельсон рос непокорным и имел склонности к лидерству. Племенными обычаями ему была запрещена черная работа, однако мальчик воспротивился архаичным нормам и с удовольствием пахал землю, пас скот и ходил на охоту.

Понимая необходимость образования, отец направил Нельсона в престижную миссионерскую школу, где преподавание вели миссионеры-методисты из Великобритании. После окончания школы в 1939 г. Мандела поступил в университет Форт-Хейр, но на втором курсе бросил его в знак протеста против недемократичности выборов в студенческий совет, членом которого он, по результатам голосования, должен был стать, если бы согласился с существующей в университете выборной системой. Примерно в это же время до Нельсона дошло известие о том, что его хотят женить. Это не совпало с его представлениями о будущем, и он попросту сбежал.

В поисках своего места в жизни Мандела испробовал много профессий: был ночным сторожем, разнорабочим, шахтером на приисках и везде сталкивался с несправедливым отношением к своим черным собратьям. Это заставило до сих пор не интересовавшегося политикой молодого человека задуматься. Он решил стать юристом и заняться политической деятельностью.

По рекомендации одного из друзей будущий политический лидер попал в адвокатскую контору «Виткин, Сидельский и Эйдельман». Лазарю Сидельскому Мандела понравился, и он взял его на работу стажером без оплаты, но дал ему 50 долларов подъемных, поношенный костюм и совет никогда не заниматься политикой. Позже Нельсон говорил, что Сидельский был первым белым, поступившим с ним по-человечески.

Получив работу, Мандела скоро осознал необходимость дальнейшего образования и в 1943 г. поступил на юридический факультет Витватерсрандского университета - одного из самых престижных в Южной Африке. Здесь к черным относились с плохо скрываемым презрением, и Нельсона вскоре отчислили под предлогом плохой успеваемости. Молодой человек, однако, не озлобился и в будущем не стал мстить притеснителям.

3. Становление борца с расовой дискриминацией. Годы заключения.

Повсеместно сталкиваясь с несправедливостью и дискриминацией Нельсон начал осознавать то предназначение, которое ему уготовила судьба. В Йоханнесбурге он увидел жизнь африканцев-горожан, которые подвергались унижениям и преследованиям со стороны властей. «Нельсон с его эмоциональным и ранимым характером не выносил унижения и покровительственного отношения, в нем это вызывало чувство горечи и стремление отплатить за обиду»². Он решает посвятить себя служению народу и борьбе с белыми угнетателями.

В 1944 г. Н. Мандела включается в активную политическую деятельность. Он вступает в ряды Африканского национального конгресса и одновременно вместе с У. Сисулу, О. Тамбо и А. Лембеде основывает Молодежную лигу АНК, появление которой на политической арене стало началом нового этапа освободительной борьбы в Южной Африке. Главное, что характеризовало Молодежную лигу и стало потом лейтмотивом всей деятельности АНК, было стремление активизировать освободительную борьбу, придать ей боевой и решительный характер.

В 50-х годах борьба достигла особого накала и размаха. Южноафриканские патриоты провели ряд мощных политических кампаний против расистского режима, в которых приняли участие самые широкие слои народа.

В 1952 г. Мандела возглавил так называемое движение добровольцев. Его активисты публично сжигали свои пропуска в знак протеста против расистского режима. Кроме того, он направил Малану, бывшему в то время премьер-министром ЮАР, два письма с предложением организовать «круглый стол» для обсуждения проблем урегулирования

² Н. Мандела. Нет лёгкого пути к свободе. Статьи, речи и выступления на суде. М., 1968, с. 30.

взаимоотношений белых и черных. Письма остались без ответа, а Манделу приговорили к 9 месяцам тюрьмы, лишили гражданских прав, запретили выезжать из Йоханнесбурга, а спустя некоторое время продлили срок заключения до двух лет. В 1955 г. состоялся Конгресс народов, который принял Хартию свободы – программный документ революционных сил, ведущих освободительную борьбу.

В 1957 г. Мандела и его соратник Лутули еще раз попытались добиться отмены несправедливого отношения к чернокожему населению, но вновь не получили ответа и призвали негров к бойкотам и забастовкам. Однако это не улучшило ситуацию. В 1960 г. терпение людей лопнуло. В селении Шарпевиль поднялась волна протеста против пропускной системы передвижения. Полицейские применили оружие. Было убито 69 и ранено 180 человек. Деятельность АНК запретили, а ее лидеры подверглись преследованиям. Партия была вынуждена ввести в арсенал своих методов вооруженную борьбу. Нельсона избрали первым главнокомандующим военного крыла АНК – «Умконто ве сизве» («Копья нации»). 16 декабря 1961 г. был нанесен первый удар по административным и экономическим объектам. Имя Манделы стало символом борьбы за свободу и права человека не только в Африке, но и во всем мире.

Власти ЮАР начали охоту за опасным лидером. Ему постоянно приходилось менять места жительства, переодеваться. По всей стране у него были конспиративные квартиры, как ни странно, в большинстве своем принадлежащие белым. Но несмотря на все предосторожности, в результате предательства 5 августа 1963 г. Манделу арестовали и приговорили к 5 годам каторжных работ на о. Роббен, где в тяжелейших условиях узники добывали известняк в каменоломнях. Но этим дело не ограничилось. Властям удалось захватить руководство «Копий нации». После суда 12 июня 1964 г. Мандела был осужден на пожизненное заключение. В глазах соплеменников он превратился в национального героя и мученика, стал знаменем борьбы против расизма. За рубежом в его честь проводили

конференции, семинары, рок-фестивали, слагали песни, о нем писали книги, его именем называли улицы и площади. «Самый знаменитый политзаключенный мира» – так писали журналисты о Манделе.

27 лет пробыл Мандела в тюрьме. Но эти годы не прошли даром. Он изучал экономику, географию, язык африкаанс, на котором говорили белые в ЮАР, читал художественную литературу. Его любимыми авторами стали Ч.Диккенс и Л.Толстой. В тюрьме Мандела переболел туберкулезом. За это время он также потерял мать и старшего сына, на похороны которых тюремные власти его не пустили.

Между тем борьба негров ЮАР за свои права не прекращалась. Идя навстречу требованиям мировой общественности, власти вынуждены были перевести Манделу сначала в тюрьму Полсмоор, отличавшуюся более мягким режимом, а в последние годы его заключения – на виллу, где он жил фактически под домашним арестом.

В конце 80-х гг. к власти в ЮАР пришло молодое поколение политиков. Новый президент Фредерик де Клерк 11 февраля 1990 г. освободил Манделу.

4. Первый президент ЮАР – африканец.

Сразу после освобождения Мандела вернулся к делу всей своей жизни. 10 мая 1994 года на первых демократических выборах в истории Южно-Африканской Республики Нельсон Мандела был избран президентом страны. А за год до этого Нельсон Мандела вместе с бывшим президентом Южной Африки Ф. В. де Клерком был удостоен Нобелевской премии мира за совместные усилия по мирному прекращению апарtheid. Президент Мандела сформировал новое правительство. Он призвал южноафриканцев к национальному примирению и выполнению программы реконструкции и развития государства, которая была провозглашена во время предвыборной кампании. Однако возникли сомнения в экономической обоснованности предложений. По подсчетам

экспертов, на реализацию проектов нужно было не менее 100 – 600 млрд. рандов. Мандела не стал вступать в полемику. Он просто продолжал действовать в пределах схем, реализуемых правительством де Клерка, и заявил, что от демократического правительства нельзя ждать мгновенного чуда. Были, однако, предприняты и некоторые конкретные действия. В «программе 100 дней» президента значилось обеспечение бесплатным медицинским обслуживанием детей до 6 лет. В июне объявили о введении данного проекта в силу. Но уже через несколько дней все медицинские учреждения были парализованы. Не хватало ни больниц, ни медперсонала, ни медикаментов. И таких примеров немало. В результате годы правления Нельсона Манделы не принесли счастья народу ЮАР. Пришедшие на смену белым функционеры АНК, не обладавшие опытом государственного управления и профессиональными навыками, не смогли улучшить положение своих соотечественников. Но главной своей цели Мандела все же достиг. В ЮАР начались процессы созидания демократического общества, где белые и черные имеют равные права.

5. Годы после отставки.

В 1999 году Мандела покинул пост президента ЮАР. Но все это время он продолжал оставаться в центре общественного внимания. Он собрал миллионы долларов для своих трех благотворительных организаций, на которые строятся больницы и школы в отдаленных частях ЮАР. Мандела помогал деньгами фонда бороться со СПИДом, был посредником во время гражданской войны в Бурунди. Мандела сделал все возможное, чтобы Южная Африка стала местом проведения чемпионата мира по футболу в 2010 году. Сейчас Мандела ведёт здоровый образ жизни. Он встает в полпятого утра, как бы поздно накануне ни лег, делает часовую зарядку, завтракает тарелкой овсянки и стаканом молока и начинает рабочий день в 6.30. Как он сам говорит, соблюдать

этот железный распорядок, заведенный еще в молодости, его приучила тюрьма.

А перед отходом ко сну он любит смотреть на закат, сидя на веранде своей виллы, расположенной на окраине Претории, и слушать Генделя или Чайковского.

Для своих 86 он отлично выглядит – его военной выправке (в молодости он действительно служил офицером охраны на золотых приисках), идеально прямой спине и уверенной походке могли бы позавидовать молодые люди.

Мандела был женат три раза. Со своей первой женой – Эвели Мейз – Мандела прожил 13 лет и имел трех детей. Потом он влюбился в юную Винни, бросил ради нее жену и детей и женился на ней. Девушка обладала поразительной красотой и аристократичностью. Она была принцессой Номзамо Мадиказела и главой рода Бизана. Когда молодожен оказался за решеткой, юная Винни не оставила осужденного на пожизненное заключение мужа, а активно включилась в борьбу против апартеида и за его освобождение. Вскоре она стала одним из лидеров Африканского национального конгресса. 38 лет состоял Нельсон в браке с Винни, 27 из них он провел в тюрьме. Однако после выхода на свободу президентскую чету стали преследовать скандалы. Отношения в семье особенно обострились, когда стало известно о многочисленных финансовых аферах и любовных похождениях «первой леди», ее участии в кровавых расправах над неугодными политическими противниками. В начале 1996 г. дело кончилось разводом.

К этому времени 80-летний Мандела уже был влюблен и в 1998 г. снова женился. Его избранницей стала Граса Машел, вдова бывшего руководителя национально-освободительного Движения Мозамбика и первого президента этого государства Саморы, оказывавшего Манделе серьезную помощь. В 1990 г., выйдя на свободу, Мандела стал опекуном детей погибшего в авиационной катастрофе мозамбикского президента. Тогда он и познакомился с Грасой. Вдова Саморы – женщина незаурядная. Она активно занимается политической и

общественной деятельностью, была министром просвещения Мозамбика, создала Ассоциацию помощи пострадавшим от гражданской войны детям и одиноким матерям. Затем заняла руководящий пост в Детском фонде ООН (ЮНИСЕФ), открывшем свое представительство в Претории.

В 2000 году Н. Мандела был объявлен Мужчиной 10-летия.

В 2001 году Манделе был поставлен диагноз рака предстательной железы.

Видимо, он порядком подустал от внимания публики. Когда год назад он сказал одному из своих помощников, что хочет уйти в отставку, тот недовольно пробурчал: «Вы и так в отставке», передает «Рейтер». «Так что теперь я ухожу в отставку из отставки», – пошутил Мандела.

Он не собирается прятаться от публики, но хочет теперь звонить сам, если соберется в чем-то участвовать, а не отвечать на звонки и приглашения.

Друзья и соратники не уверены, что Мандела долго вытерпит дома. Скорее всего, скоро он скажет, что хочет поехать туда и сделать то. И его никто не удержит – ни врачи, ни семья, считают друзья.

Сам же Мандела говорит, что примется за мемуары о своих годах в качестве президента. Это будет второй том его автобиографии «Долгая дорога к свободе».

Южноафриканские политики считают, что Нельсон Мандела заслужил отдых. Но его уход из активной общественной жизни знаменует конец целой эры, связанной с его именем.

Все благотворительные фонды, основанные Манделой, будут продолжать работать. На пресс-конференции, где он объявил о своей отставке, присутствовало немало богатых людей, которые жертвовали большие суммы для его благотворительных фондов. По окончании пресс-конференции Манделе устроили пятиминутную овацию. «Спасибо, – сказал он. – Приятно, когда тебе аплодирует столько миллионеров».

6. Заключение.

Неутомимый борец за права человека в Южной Африке и во всем мире, Нельсон Мандела является одной из важнейших фигур современной истории.

Да что там говорить, нобелевский лауреат, экс-президент Южно-Африканской Республики Нельсон Мандела – в расцвете духовных сил и в зените славы. Его авторитет на родине сопоставим, видимо, только с авторитетом какого-нибудь главного местного божества, его партия – Африканский национальный конгресс – правит в ЮАР безраздельно и, похоже, бессрочно.

Во всем мире нет политика более знаменитого и уважаемого, чем он. И дело не в плеядах звезд – Майкл Джексон, Найоми Кэмпбелл, Элтон Джон, Тина Тёрнер, – которые почитают за честь называться его друзьями и слетаются в Преторию или Йоханнесбург по первому его звонку, чтобы усладить слух и взгляд его гостей на каком-нибудь семейном торжестве. Сам характер его славы уникален.

Беспрецедентная среди современных политиков репутация мученика и праведника позволяет ему оставаться над любой схваткой, судить обо всем и всех нелицеприятно, не думая о необходимости политического маневра и компромисса, и дружить с теми, кто непримиримо враждует между собой.

Мандела – абсолютный нравственный авторитет в мире современной политики.

Библиография

Глава I

1. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России, с. 215-216.
2. Там же.
3. Архив князя Воронцова, I, с. 410, 413; III, с. 237; IV, с. 179-183.
4. Каллаш В.В. Рабства враг, с. 3.

5. Пушкин А.С. Соч., т. I, с. 284.
6. Каллаш В.В. Указ. соч., с. 14.
7. Биография А.Н.Радищева, написанная его сыновьями, с. 42.
8. Там же, с. 61.
9. Архив кн. Воронцова, V, с. 288.
10. Русский Вестник, 1858, XXI, с. 402, 426.
11. Семенников В.П. Радищев. Очерки и исследования, с. 128.
12. Там же, с. 1.
13. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву, с. 161-162.
14. Светочи русского самосознания на пути к свободе, с. 5.
15. Там же, с. 6. См.: Архив кн. Воронцова, V. – «Разбор сочинения Радищева «Путешествие из С.-Петербурга в Москву», написанный императрицею Екатериной Второй».
16. Ашешов Н. Александр Николаевич Радищев. Общественная характеристика, с. 10.
17. Биография А.Н.Радищева, написанная его сыновьями, с. 42.
18. Там же, с. 70-71.
19. Там же, с. 96.
20. McConnel, Allen. A Russian Philosopher Alexander Radishchev 1749-1802.
21. Ibid., p. 124.
22. Макогоненко Г.П. Радищев и его время, с. 507.
23. Там же, с. 551.
24. См.: Архив кн. Воронцова, V.
25. Семенников В.П. Указ. соч., с. 130-131.
26. Там же.
27. Там же, с. 136.
28. Замечательные богатства частных лиц в России, с. 221.
29. Там же, с. 222.
30. Буало-Депрео Никола (1636-1711) – франц. критик, теоретик классицизма. Основной труд Буало –

стихотворный трактат «Поэтическое искусство» (1674, рус. пер. 1752, 1957), ставший кодексом французского классицизма.

Вольтер (настоящее имя – Франсуа Мари Аруэ; 1694-1778) – франц. писатель. В 1734 г. опубликовал «Философские письма», в которых обличал феодальный строй. Произведения «Трактат о веротерпимости» (1763), «Философский словарь» (1764)

Монтескье Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред (1689-1755) – французский писатель-просветитель. В ряде своих произведений – «О духе законов» (1748), «Защита духа законов» (1750) – выдвинул прогрессивную для того времени идею закономерности исторических процессов развития общества.

Руссо Жан-Жак (1712-1778) – французский просветитель, философ, педагог, писатель, композитор. Важнейший труд «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762) развил взгляды, легшие в основу революционных требований буржуазно-демократического равенства. Осуждая официальную церковь, религиозную нетерпимость, Руссо был сторонником деизма, который понимал как религию чувства. Его педагогические взгляды изложены главным образом в романе-трактате «Эмиль, или О воспитании» (1762). Руссо считал феодальную систему воспитания, как и весь феодальный строй, порочной.

31. Записки княгини Е.Дашковой, с. 220-221.
32. Там же, с. 221.
33. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова, с. 5.
34. Портретная галерея русских деятелей, т. I, с. 35.
35. Там же.
36. Территория, которая в свое время называлась Новороссией, в настоящее время входит в состав

Республики Молдовы, Украины (области Одесская, Кировоградская, Николаевская, Херсонская, Днепропетровская, Запорожская, Крымская, часть Донецкой и Луганской) и РФ (части Ростовской, Волгоградской обл., Ставропольского края).

37. Мартинист – так называли в то время сторонников Мартинеса да ла Роса (1787-1862), участника революций в Испании 1808-1814 и 1820-1823 гг. Во времена Екатерины II в России «мартинистами» называли франкмасонов (от франц. – вольный каменщик; религиозно-этическое движение, возникло в начале XVIII в.). В XVIII в. Мартинес Паскалес основал мистическую секту, члены которой считали себя визионерами, т.е. способными иметь сверхъестественные видения. Однако русская императрица, заметившая, что А.Н.Радищев «едва ли не мартинист», имела в виду идентичность его воззрений со взглядами и деятельностью Н.И.Новикова (1744-1818) – русского просветителя, писателя, журналиста, издателя, примкнувшего в 1770-х гг. к масонам. Карбонарий (от итал. – угольщик), члены тайной организации, образованной в Италии в XIX в. Ее члены боролись за национальное освобождение и конституционный строй. Гетеристы – члены Гетерии (Этерии) тайной греческой революционной организации, боровшейся за национальную независимость.
38. Тайная организация декабристов, ставившая перед собой задачу уничтожения самодержавия и крепостничества.
39. Атлас Д.Р. Старая Одесса, ее друзья и недруги, с. 34.
40. Архив кн. Воронцова, VIII, с. 450.
41. Из прошлого Одессы, с. 80.
42. Там же, с. 93. Ришелье Арман дю Плесси (1766-1822), эмигрировал в Россию во время Великой французской революции. В 1803 г. он был назначен

градоначальником Одессы, получив обширные полномочия. С 1805 по 1814 гг. герцог де Ришелье (или «Дюк», как его называли в Одессе) стоял во главе управления всей Новороссией и немало сделал для развития города.

43. Всеволожский Н.С. Путешествие через Южную Россию..., с. 91.
44. Атлас Д. Указ. соч., с. 62.
45. Пушкин А.С. Соч., т. I, с. 308.
46. Петр Яковлевич Чаадаев (1794-1856) – мыслитель и публицист, друг А.С.Пушкина.
47. Одесса. Очерки истории города-героя, с. 31.
48. Там же, с. 33. Точка зрения, изложенная в цитируемом издании, весьма типична для большинства исследований.
49. Троицкий И. Архив Воронцова, с.402.
50. Там же.
51. Бартенев Петр Иванович, русский историк, издатель, библиограф. С 1863 г. и до конца жизни (1912) издавал в Москве журнал «Русский архив», где наряду с историческими публиковались литературно-библиографические работы.
52. Гримм Фридрих Мельхиор (1723-1807) – один из французских энциклопедистов, друг Дидро. Немец по происхождению, писавший только по-французски; с 1776 г. дворянин и барон. Известен своими письмами о литературной жизни Франции, которые он писал ряду европейских монархов, в том числе Екатерине II. После Французской революции бежал в Германию. Миранда Франсиско (1756-1816) – один из руководителей борьбы испанских колоний в Америке за независимость. Д'Артуа Карл-Филипп (1757-1836), впоследствии французский король Карл X (1824-1830). Брат Людовика XVI и Людовика XVIII. Был свергнут Июльской революцией 1830 г.

- Граф Прованский (1755-1824), впоследствии французский король Людовик XVIII, из династии Бурбонов (1814-1815 и 1815-1824).
53. Пальмира – древний город в Сирии, возникший в I тыс. до н.э. Играл важную роль в караванной торговле западных стран с Аравией и Месопотамией. В русской литературе с конца XVIII в. – «Северная Пальмира» – образное название Петербурга, который сравнивался по богатству и красоте с древней Пальмирой.
54. В 1795 г. Хаджибей (так называлось это место) был переименован в Одессу. Присвоение Хаджибею такого названия объясняется тем, что тогда ошибочно полагали, будто на месте Хаджибея находилась древнегреческая колония Одессос.
55. Одесса. Очерки истории..., с. 20.
56. Всеволожский Н.С. Указ. соч., I, с. 92-93.
57. Атлас Д. Указ. соч., с. 51.
58. Из прошлого Одессы, с. 364-365.
59. Скальковский К. Воспоминание молодости, с. 22.
60. Там же, с. 23.
61. См. подробнее: сб. «Из прошлого Одессы» – «Рассказы одесского старожила».
62. «Черта оседлости» существовала в России с конца XVIII в. и до 1917 г. В конце XVIII в. царское правительство узаконило порядок, согласно которому евреям – подданным Российской империи – запрещалось поселяться в определенных губерниях, а также в столичных городах.
63. Скальковский К. Указ. соч., с. 16.
64. Одесса. Очерки истории..., с. 27.
65. Языков Николай Михайлович (1803-1847) – русский поэт. Основные мотивы лирики Языкова – воспевание любви, пиров и дружбы, свободы. Языков был дружен с А.С.Пушкиным, высоко ценившим его поэзию.

Лажечников Иван Иванович (1792-1869) – русский писатель. Участник войны 1812 г. Автор ряда исторических романов, среди которых наиболее известны «Последний новик...» (1831-1833); «Ледяной дом» (1835); «Басурман» (1838).

Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807-1873) – русский поэт. Его творчеству была свойственна пейзажная и любовная лирика («Стихотворения» (1835)), имевшая определенный успех в 30-х гг. XIX в.

Кукольник Нестор Васильевич (1809-1868) – русский писатель. Автор исторических драм «Рука всевышнего отечество спасла» (1834); «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» (1835) и др.

66. Атлас Д. Указ. соч., с. 49.
67. Там же, с. 48.
68. Николай Никифорович Мурзакевич. Автобиография, с. 7.
69. Там же, с. 8.
70. Атлас Д. Указ. соч., с. 50. Я.П.Полонский после окончания Московского университета в 1844 г. переехал в Одессу. Здесь он постоянно встречался с людьми, знавшими А.С.Пушкина и сохранившими предания ушедшей поэтической эпохи. Я.П.Полонского можно назвать продолжателем пушкинской поэтической традиции. Впечатления одесской жизни позже составят основу автобиографического романа Я.П.Полонского «Дешевый город» (1879).
71. См. подробнее: Скальковский К. Указ. соч.; Атлас Д. Указ. соч., с. 57.
72. Одесса. Очерки истории..., с. 30.
73. Атлас Д. Указ. соч., с. 58.
74. Там же.
75. Там же, с. 59.
76. Там же, с. 60.
77. Русские писатели. Библиографический словарь, т. 2, с. 157.

78. Атлас Д. Указ. соч., с. 51.
79. Там же, с. 55.
80. Там же.
81. Русская старина, 1887, апрель, т. 54, № 4, с. 143.
82. Клочков Василий Иванович (1861/62-1915) – известный русский книгопродавец-антиквар и библиофил, один из учредителей «Кружка любителей русских изящных изданий» в Петербурге (1903). Через его магазин были проданы такие ценные книжные собрания, как библиотеки князя М.С.Воронцова, графа С.А.Апраксина, В.И.Асташева и многие др.
83. Неприязненные отношения между Воронцовыми и Шуваловыми имеют свою историю, которую в данной работе нет нужды излагать. Отмечу лишь, что обострение борьбы между двумя вельможными родами относится к концу 50-х – началу 60-х гг. XVIII в. и связано со стремлением укрепить влияние каждой из семей при царском дворе.
84. Новороссийский университет был образован в 1865 г. на базе Ришельевского лицея.
85. В этом письме М.В.Воронцова жаловалась: «Я, к великому прискорбию, до сих пор лишена возможности исполнить его волю, вследствие незаконных притязаний опекунского управления графов Шуваловых на это имущество». Лишь после опубликования решения совета Новороссийского университета Шуваловы были вынуждены отказаться от своих претензий. См.: А.И.Маркевич. 25-летие Новороссийского университета. Одесса, 1890. – С. 596-597.
86. Шильдер Николай Карлович (1842-1902) – русский историк; автор жизнеописаний Павла I, Александра I, Николая I и Э.И.Тотлебена (1818-1884) – известного русского военного инженера, генерала, графа. Строганов Сергей Григорьевич (1794-1882) – граф, русский государственный деятель.
87. Кто бы мог подумать, что спасенная библиотека спустя десятилетия после Великой Отечественной войны буде влачить в общем-то жалкое существование. Автор этих строк лично свидетельствует: подвальное помещение, где находится книжное хранилище и где стоят шкафы с книгами семьи Воронцовых, совершенно не пригодно для тех функций, которые оно ныне выполняет. Здание, где расположена библиотека университета, не предназначено для хранения сотен тысяч томов; оно систематически разрушается. В начале 70-х гг., когда мне посчастливилось неоднократно спускаться в подвал университетской библиотеки для работы с изданиями из Воронцовского фонда, я обратил внимание на ужасающую тесноту, антисанитарные условия, в которых содержатся редкие книги, разбитые стекла в шкафах, некогда украшавших залы Воронцовского дворца... Прошли годы, но библиотека по-прежнему умоляет о помощи.
88. Проблемы Британской истории, с. 217.
89. В 1834 г. А.А.Плюшар (1806-1865), сын основателя издательства, приступил к изданию «Энциклопедического лексикона» под ред. Н.И.Греча и О.И.Сенковского. К 1841 г. вышло 17 томов из намеченных 40, издание позднее пришлось прекратить. Татищев Василий Никитич (1686-1750) – историк и государственный деятель. Ему принадлежит также заслуга в составлении «Лексикона российского исторического, географического, политического и гражданского» (в 3-х частях, 1793).
90. Д'Аламбер Жан Лерон (1717-1783) – французский математик и философ-просветитель. Вместе с Д.Дидро работал над созданием и редактированием «Энциклопедии наук, искусств ремесел», написал к ней вступительную статью «Очерк происхождения и развития наук» (1751).

Дидро Дени (1713-1784) – французский философ, писатель и теоретик искусств. Издавал «Энциклопедию наук, искусств и ремесел» (1751-1780). В 1773 г. посетил Россию, пытаясь убедить Екатерину II провести прогрессивные реформы. Был избран почетным членом Петербургской Академии Наук.

91. В 1726 г. в Англии вышло крупнейшее произведение английского писателя-сатирика Джонатана Свифта (1667-1745) «Путешествие Гулливера». Свифт, используя популярный с XVIII в. жанр путешествий, под видом страны лилипутов изобразил социально-политический строй Англии, показал произвол и кичливость знати, алчность буржуазии. Писатель бичует социальную несправедливость, ужасы колонизации и кровопролитных войн. С момента своего издания это произведение Д.Свифта стало повсюду в Европе чрезвычайно популярным, оказав большое влияние на мировую литературу.
92. Клаппертон Хью (1788-1827) – исследователь Африки. В 1822-24 гг. капитан Х.Клаппертон, майор Д.Денэм и доктор У.Аудни совершили экспедицию в глубь Африки через Сахару, достигнув озера Чад с запада. Этим путешественникам досталась слава первых европейцев нового времени, пересекших Сахару и своими глазами повидавших озеро Чад. Кроме того, английские исследователи предоставили ценные сведения о государствах и народах, населявших район Чада.
93. Holman J. The Narrative of a Journey...
94. Holman J. Travels through Russia...
95. Holman J. Voyage Round the World.
96. Thompson G. Travels and Adventures in South Africa.
97. Issacs N. Travels and Adventures...
98. См.: Брухнов М.А. Чака. – М., 1974.
99. Ритгер Э.А. Чака-зулу.
100. The Dairy of Henry Francis Fynn (1950).

101. Брухнов М.А. Указ. соч., с. 161.
102. Там же, с. 163.
103. Там же, с. 168.
104. См. подробнее: Потехин И.И. Формирование национальной общности южноафриканских банту. – М., 1953.
105. Scenes and Occurrences...
106. Catalogue of Books and Pamphlets...
107. Africana Notes and News, № 16, p. 130.
108. Scenes and Occurrences... p. 149.
109. Поэтический перевод А.Е.Гейера.

Глава II

1. The Macmillan's Magazine. Febr., 1880, p. 273-295.
2. Macmillan's Bibliographical Catalogue 1843-1889. – L.-N.Y., 1891, p.58.
3. Encyclopedia Britannica. – I., 1929, v.10, p.918.
4. Macmillan's Bibliographical Catalogue, p.29.
5. Хаггард Г.Р. Указ. соч., С.25-28.
6. История XIX в. – М., 1939. – Т.7. – С.100.
7. Encyclopedia Britannica, v.15, p.805.
8. В ряде исследований, посвященных англо-зулусской войне 1879 г., Р.Пул упоминается как майор британской армии. См.: J.Guy. The Detruction of the Zulu Kingdom. The Civil War In Zululand, 1879-1884. L., 1979, - p.128.
9. A Zulu King Speaks... p. 1.
10. Op. cit., p. XIX.
11. Encyclopedia of Southern Africa. L., N.Y., 1970, p. 101.
12. Ритгер Э.А. Указ. соч.
13. Кетчвайо приходился племянником Чаке.
14. A Zulu King Speaks... p.3-4.
15. Isaaks, N. Travels and Adventures in Eastern Africa. L., 1836, v.I, p.326-327.
16. Ритгер Э.А. Указ. соч., С.181.
17. Там же, С.115-129.

18. Isaaks, - Op. cit, p.72.
19. Motgomery, M. History of the British Colonies, v.IV, L., 1835, p.105.
20. Первые английские поселенцы, основавшие Капскую колонию на Юге Африки. Они состояли из голландских, немецких и французских иммигрантов.
21. A Zulu King Speaks... p.13.
22. В целом период правления Мпанде отличался от предшествующих более спокойной обстановкой на границах, а также устойчивым положением среди подвластных инкоси племен. См.: Dictionary of African Historical Biography. – L., 1978, p.44.
23. A Zulu King Speaks... p.13.
Относительно этого утверждения Кетчвайо имеются некоторые сомнения. Так, С.А.Аблина считает, что в результате поражения воинов зулу на р.Инкоме в 1838 г. «буры захватили южную половину страны зулу; зулу сохранили независимость лишь к северу от р.Тугела.» См.: Африка: энциклопедический справочник. – М., 1987. – Т.2. – С.609.
24. A Zulu King Speaks... p.14.
25. Ibid., p.14.
26. Т.Шепстон прибыл с родителями в Южную Африку еще в 1820 г. с первой большой волной английских эмигрантов. В дальнейшем колониальные власти, учитывая знание Шепстоном некоторых африканских языков, использовали его в качестве переводчика, а затем резидента в Косаленде. В 50-е гг. XIX в. он служил секретарем «по делам туземцев» в Питермарицбурге. Шепстон, как это не раз бывало в прошлом, проявил удивительную способность изображать себя «другом африканцев». Кетчвайо не раз обращался за помощью к Шепстону, не подозревая, что именно этот чиновник прежде всего окажется причастен к его трагедии. И только позднее, находясь в

- ссылке, инкоси сумел понять истинную «дружбу и бескорыстие» этого человека.
27. Хаггард Г.Р. Указ. соч., С.24.
28. Dictionary of African Historical Biography, p.45.
29. A Zulu King Speaks... p.25.
30. Г.Б.Фрер (1815-1884) занимал важные посты в Индии. В 1877 г. он был назначен на пост губернатора Капской колонии и Верховного комиссара в Южной Африке.
31. Хаггард Г.Р. Указ. соч., С.33.
32. Там же, С.24.
33. A Zulu King Speaks... p.27.
34. Брайант А.Т. Указ. соч., С.272.
35. A Zulu King Speaks... p.77.
36. Op. cit., p.28.
37. Ibidem.
38. Barthorp. M. The Zulu War. – L., 1980, p.8.
39. Ibidem.
40. A Zulu King Speaks... p.70.
41. Op. cit., p.28.
42. Шкляж И.М. Изандлвана // Вопросы истории. – М., 1979. – С.216.
43. Лорд Фредерик Челмсфорд (1827-1905) начал свою военную карьеру в 17-летнем возрасте. Он участвовал в Крымской войне (1853-1856), служил в Индии и других колониальных владениях. В марте 1878 г. генерал Челмсфорд был назначен командующим британскими войсками в англо-зулусской войне 1879 г.
44. A Zulu King Speaks... p.31.
45. Clammer, D. The Zulu War. – L., 1973 p.45.
46. Binns, C.T. The Last Zulu King. – L., 1963 p.118.
47. Военный сборник. 1879. – № 4. – С.176.
48. The Edinburgh Review, April, 1879 p.364.
49. Clammer, D. Op. cit., p.276.
50. Хаггард Г.Р. Указ. соч., С.35-36.
51. A Zulu King Speaks... p.32.
52. Op. cit., p.31.

53. Ibid., p.31, 34.
54. Ibid., p.34.
55. Ibid., p.37.
56. A Zulu King Speaks... p.XVIII-XIX.
57. Encyclopedia of Southern Africa, p.311. A Zulu King Speaks... p.XIX.
Следует отметить некоторую неточность, обнаруженную в энциклопедическом словаре «Африка». В нем утверждается, будто вождь Лангалибалеле «после подавления восстания был сослан на о.Роббен». См.: Африка: энциклопедический справочник. – М., 1987 – Т.2. – С.40.
58. Геркулес Робинсон, сын адмирала Геркулеса Робинсона, свой первый ответственный пост получил в 1854 г. в Вест-Индии, затем был назначен губернатором в Гонконг. В 1880 г. Г.Робинсон прибыл в Капскую колонию и принял должность губернатора этой территории, а также верховного комиссара Южной Африки.
Encyclopedia of Southern Africa, p.475.
59. Его называли «Дизраэли капской колонии». Этот энергичный деятель преуспел на различных поприщах общественной, политической и коммерческой деятельности. Он слыл либералом и борцом за права небелых жителей Южной Африки. Свои политические взгляды С.Соломон пропагандировал через газету «Кейп Аргус». Op. cit., p.525.
60. Видный общественный и политический деятель Капской колонии. С 1875 по 1876 гг., а также с 1881 по 1884 гг. занимал важный пост комиссара по делам «коронных земель». Ibid., p.361.
61. Государственный деятель Южной Африки, с 1881 по 1884 гг. был секретарем «по делам туземцев». Ibid., p.493.
62. С 1881 по 1882 гг. занимал пост премьер-министра Капской колонии. Ibid., p.494.

63. В 80-е гг. XIX в. служил в комиссии, занимавшейся делами Трансвааля. Ibid., p.639.
64. Этот документ был извлечен составителями сборника «A Zulu King Speaks» К.Веббом и Дж.Райтом из «British Parliamentary Papers». С.2950, L., 1881 p.129-139.
65. Вождь Кетчвайо считал, что поражение в англо-зулусской войне 1879 г., а также его пленение равносильны смерти. A Zulu King Speaks... p.41.
66. Ibid., p.42.
67. Риттер Э.А. Указ. соч., С.115.
68. Там же, С. 116-117.
69. Там же, С. 115-121.
70. A Zulu King Speaks... p.20.
71. Риттер Э.А. Указ. соч., С.275-286.
72. A Zulu King Speaks... p.20.
73. Ibidem.
74. Ibidem.
75. Ibid., p.19.
76. Ibidem.
77. Ibid., p.42.
78. Брайант А.Т. Указ. соч., С. 294.
79. A Zulu King Speaks... p.42-43.
80. Кузнецова Н.А. Политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XVIII – первой половине XIX в. – Очерки новой истории Ирана. – М., 1978. – С. 12-13.
81. A Zulu King Speaks... p.43.
82. Ibidem.
83. Ibidem.
84. Ibidem.
85. Barthorp, M. Op. cit., p.15.
86. The Wrongs of Caffre Nation; A Narrative by Justus. L., 1837.
87. A Zulu King Speaks... p.44. См.: Шкляж И.М. Йоханнес Ван дер Кемп...
88. Ibid., p.45.

89. Ibidem.
90. Ibidem.
91. Guy, J. Op. cit., p.43.
92. A Zulu King Speaks... p.46.
93. Ibid., p.47.
94. Ibidem.
95. Ibid., p.47-48.
96. Ibid., p.47.
97. Город был основан в 1855 г. С 1860 г. Претория стала столицей бурской республики Трансвааль.
98. Мзиликази (1795-1868) – первый инкоси и основатель политического объединения матабеле.
99. A Zulu King Speaks... p.48.
100. Ibid., p.48-49.
101. Ibidem., карта 1.
102. Ibid., p.49.
103. Ibid., p.50.
104. Ibidem.
105. Ibid., p.51.

Относительно хронологии этого события следует отметить некоторые расхождения между двумя источниками: «Письмом Кетчвайо к губернатору Капской колонии» и «Рассказом Кетчвайо о Зулусской нации и войне». Последний определяет срок назначения комиссии непосредственно после «коронации» Кетчвайо и, следовательно, еще задолго до встречи Т.Шепстона и зулусских вождей. A Zulu King Speaks... p.23.

106. Что касается состава комиссии, то в двух документах также существуют разногласия. Если в «Письме...» перечислены члены комиссии в составе четырех человек: «Гебула, Сийабулава, Ианьоси и Шелли» Ibid., p.71, то в документе из «Макмилланз мэгэзин» отмечается, что комиссия состояла из «двух вождей наталских кафров, двух человек от Кетчвайо и одного белого» Ibid., p.23.

107. Ibid., p.51, карта 1,2.
108. Ibidem.
109. Ibid., p.52.
110. Ibid., p.14, 52, карта 1.
111. Ibidem.
112. Ibid., p.53.
113. Ibidem.
114. Ibid., p.55.
115. Ibid., p.56.
116. Ibid., p.56, 57.
117. Ф.Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Соч. – Т.21. – С.98.
118. A Zulu King Speaks... p.57.
119. Ibidem.
120. Ibid., p.58.
121. Ibidem.
122. Ibidem.
123. Ibid., p.59.
124. Брайант А.Т. Указ. соч., С.317.
125. A Zulu King Speaks... p.19.
126. Ibidem.
127. Ibid., p.60.
128. Ibid., p.25.
129. Ibid., p.60.
130. Ibid., p.19.
131. Ibidem.
132. Ibid., p.60.
133. Ibid., p.61.
134. Ibid., p.61-62.
135. «Свидетельства Кетчвайо Капской правительственной комиссии по законам и обычаям туземцев» были опубликованы в Сине́й книге Капской колонии. (Cape of Good Hope Blue Book G. 4-683, part 1, Cape Town, 1883, p.517-534).
136. Берр, сэр Джекоб. Родился в Капской колонии. Получил юридическое образование в Кембриджском

- университете. В Южной Африке занимался юридической практикой, с 1880 г. занимал высокую должность Председателя суда Восточных районов Капской колонии.
Encyclopedia of Southern Africa, p.44.
137. Апингтон, сэр Томас. Родился в Ирландии, обучался в университете Дублина. В 1874 г. переселился в Южную Африку, где через четыре года был назначен генеральным прокурором. С 1884 по 1886 гг. был премьер-министром правительства Капской колонии. Позднее Апингтон вновь занимал должность генерального прокурора.
Encyclopedia of Southern Africa, p.596.
138. A Zulu King Speaks... p.65.
139. Ibid., p.66.
140. Ibidem.
141. Риттер Э.А. Указ. соч., С.227.
142. A Zulu King Speaks... p.66.
143. Брайант А.Т. Указ. соч., С.255.
144. A Zulu King Speaks... p.66.
145. Брайант А.Т. Указ. соч., С.326.
146. A Zulu King Speaks... p.66.
147. Ibid., p.63.
148. Ibid., p.69.
149. Ibid., p.73.
150. Ibid., p.69.
151. Ibid., p.66.
152. Ibid., p.89.
153. Ibid., p.72.
154. Ibid., p.88.
155. Ibid., p.82.
156. Ibid., p.83.
157. Брайант А.Т. Указ. соч., С.128.
158. Риттер Э.А. Указ. соч., С.404.
159. Ф.В.Финни – наталский пограничный агент, впоследствии инспектор туземных школ.

- Theal, - G. Catalogue., p.111.
160. British South Africa and The Zulu War, by John Noble. – L., 1879 p.28.
161. Ibidem.
162. A Lady's Life and Travels in Zululand and The Transvaal During Cetewayo's Reingh. – L., 1882 p. 92-93.
163. Брайант А.Т. Указ. соч., С.323.
164. A Zulu King Speaks... p.70.
165. Ibidem.
166. Брайант А.Т. Указ. соч., С.128-129.
167. A Lady's Life and Travels... p.78.
168. A Zulu King Speaks... p.70.
169. Ibidem.
170. Ibid., p.90.
171. Ibid., p.90.
172. Ibidem.
173. Ibid., p.83.
174. Ibidem.
175. Ibid., p.79.
176. Ibid., p.93.
177. Ibid., p.79.
178. Ibid., p.80.
179. Ibid., p.92.
180. Ibid., p.91.
181. «Русский вестник». – М., 1877. – № 4. – С.856.
182. Там же, С. 862-863.
183. «Нива». – СПб., 1875 - № 8.
Этот журнал выходил в Петербурге под ред. А.Ф.Маркса (1838-1904) в 1870-1918 гг. и являлся еженедельным иллюстрированным литературно-художественным и научно-популярным изданием. Был рассчитан на массового читателя.
184. Там же, С.120.
185. «Русский Вестник». – М., 1879. – № 6. – С.971.
186. «Иллюстрированный Вестник». – СПб., 1879 – № 8. – С. 256.

187. «Иллюстрированный мир». – СПб., 1879. – № 4. – С. 59.
188. «Нива». – СПб., 1879. – № 11.
189. Там же, С. 210.
190. Там же.
191. Там же.
192. Там же.
193. Там же.
194. «Иллюстрированный мир». – СПб., 1879. – № 5.
195. Там же, С. 68.
196. Там же.
197. «Вестник Европы». – СПб., 1879. – № 5. – С.332-333. Этот журнал выходил в издательстве, основанном М.М.Стасюлевичем (1826-1911). «Вестник Европы» издавался с 1866 по 1918 гг., название было выбрано в память Н.М.Карамзина, основавшего в 1802 г. в Москве одноименное издание. В 1866-1908 гг. редактором-издателем был М.М.Стасюлевич. Первоначально «Вестник Европы» выходил 4 раза в год, освящая вопросы истории и политики. С 1868 г. журнал был преобразован в литературно-политический ежемесячник, имевший буржуазно-либеральное направление.
198. Там же, С. 340.
199. Там же, С. 341.
200. Там же, С. 343.
201. «Военный сборник». – СПб., 1879. – № 4. Русский ежемесячный военный журнал, выходивший с 1858 по 1917 гг. Создан по инициативе Д.А.Милютин (1816-1912), генерал-фельдмаршала, военного министра. В 1858 г. издавался при штабе Гвардейского корпуса при участии Н.Г.Чернышевского и Н.Н.Обручева, выступал с критикой крепостных порядков в русской армии. В 60-е гг. превратился в орган военного министерства, в 1868 г. объединился с газетой «Русский инвалид». Освещал теоретические и

практические вопросы военного дела и организации русской армии. Сыграл положительную роль в подготовке буржуазных реформ в армии.

202. Там же, С. 169.
203. Там же, С. 172.
204. Там же, С. 176.
205. Там же, С. 177.
206. Там же, № 6. – С. 183.
207. Там же, С. 184.
208. Там же, С. 7, С. 80.
209. Там же, С. 83.
210. Там же, С. 84.

Глава III

1. «Журнал для всех». Петербург, 1900г., №1.
2. «Бурофил. В помощь бурам! Причины войны и её течение. Возможные последствия англо-бурского столкновения». Санкт-Петербург. 1900. с. 25.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф.677. он. 1, д.475. л. 1-2.
4. ГАРФ, ф. 7, оп. 7, д. 143, л. 117.
5. ГАРФ, ф. 565, оп. 8, 1897 г., д. 29362.
6. Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ), ф. II департамент, оп. 929, д. 2. 1895 г., л. 32.
7. ГАРФ, ф. 565, оп. 8, 1897 г., д. 29362, л. 26.
8. Дневник Николая II. – ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 240, тетрадь 22. II. – 30. XI. 1899, л. 181.
9. Николай Романов об англо-бурской войне. – Красный архив, 1934, №63, с. 125-126.
10. Санкт - Петербургские ведомости, 30.IX.1899.
11. Красный архив, 1930, №5 (18), с. 6.
12. Новое время, 25.XII.1899.
13. British Documents of the Origins of the War, 1898 – 1914, v. I, №294.
14. Lee S. The King Edward VII, v. I. London, 1925, p. 767.

15. Красный Архив, 1926, т. 5(18), стр. 8
16. Захват бурских республик Англией (1899-1902). И.А. Никитина. М. 1970, стр. 153.
17. ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 82, л. 1, 26-27, 35.
18. Lee S. Op. cit., v. I, p. 763.
19. Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. Санкт – Петербург, 1909, с. VII – VIII.
20. Правительственный вестник, 19.I.1900.
21. Русское богатство, 1900, №2, с. 138.
22. Русские ведомости, 9.XII.1899.
23. Московские ведомости, 19.II.1900; Курьер, 1900, №№ 44 – 51.
24. Hillegas H.C. With the Boer Forces. London. 1900, p. 257; The Times History of the War in South Africa. 1899 – 1902, v. VII, p. 89; Война англичан с бурами. Редактировано 2-м бюро французского генерального штаба. Пер. с франц. Санкт – Петербург, (1905), с.65.
25. «Африканцы глазами русских в англо-бурской войне». Г. Шубин. Африка и Азия сегодня. №5-2002.
26. Россия, 15.X.1899.
27. Московские ведомости, 24.X.1899.
28. Война Англии с южноафриканскими республиками... с.63. 303. приложение 8.
29. Kandyba – Foxcroft E. Op. cit. p. 218 – 219.
30. Рубанов В. От Петербурга до Претории. Санкт – Петербург, 1900. с. 39.
31. Варшавский военный журнал, 1902. №1. с. 13.
32. Сошонко В. Н. Коломяжский ипподром. Документальная повесть о русском авиаторе Николае Евграфовиче Попове. Л., 1983.
33. Davidson A., Filatova I. The Russian Boer General. – Historia. Pretoria. v. 40, № 2, November 1995.
34. Вестник РОКК, 1900, №53, с.449; 1902, №19, с. 227.
35. Davidson A., Filatova I. Russian Doctors and Nurses in the South African. – Historia, Pretoria, v. 42, №1.

36. Новое время, 20.X.1999. Под статьей подпись: «Петербуржец».
37. Там же.
38. Начало и конец англо-бурской войны 1899 – 1900. Санкт – Петербург, 1900, с. 22.
39. Московские новости, 27. II.1900. Подпись: «Мысли русского читателя».
40. Новое время, 3.X.1899.
41. Новое время, 18. X.1899.
42. Курьер, 6.X.1899.
43. Вестник Европы, 1900, №1, с. 383.
44. Неделя, 1899, № 44, с. 1463 – 1464.
45. Жизнь, 1899, № 12, с. 380.
46. Адрес-календарь и справочная книга Николаевского градоначальства на 1902 год. Издан в 1901 году.
47. Там же.

Глава IV

1. Апартеид: правда о расизме в Южной Африке. М. 1985г.
2. Городнов В.П. А. Лутули и Н. Мандела – южноафриканские патриоты // Народы Азии и Африки. 1982. №4. С. 135-144.
3. История Тропической и Южной Африки, 1918-1988. [А.С. Балезин, В.Н. Горшков, Е.А. Глущенко и др., Редкол: А.Б. Давидсон (отв. ред.) и др.] МГУ им. М.В. Ломоносова – М.: Наука, 1989. – 410 с. С.345-361.
4. Макаров А.А. Борьба африканского населения ЮАР (70-е годы XX в.) М.: Наука, 1981. – С. 205.
5. Мандела Нельсон Нет лёгкого пути к свободе. Статьи, речи, выступления в суде. Пер. с англ. И.П. Ястребовой. Вступит. статья В.П. Городнова [с. 5-25]. М., «Прогресс», 1968.
6. Южная Африка: борьба против апартеида. М. 1991 г.

*исангома – «искатель колдунов», «вынюхиватель колдунов».
**инката – гирлянда из талисманов, обладавших, по мнению зулусов, магической силой.
***«Байте!» - военное приветствие, предназначавшееся для инкоси.
****«Куамейзиканье» - «ты можешь войти».

Таинственные показания вождя

*унгого – молодая перепелка.

Словарь терминов (яз. зулу)

Сенсационная публикация в английском журнале

*асегай – боевое оружие, среднее между топориком и копьем.
**изигодло – огороженное место, где расположены хижины семьи вождя.
***инкоси – верховный вождь.
****импи – отряд зулусских воинов.
*****индуна – титул военачальника, который был также ближайшим советником инкоси.

«Письмо к губернатору...»

Оглавление

К читателю

Глава I. Африка в книжном собрании семьи

Воронцовых

Глава II. Зулусский вождь Кетчвайо – гроза английских

колонизаторов

Глава III. Общественность Российской империи и
пресса г. Николаева об англо-бурской войне (1899-1902)

Глава IV. Нельсон Мандела: политический портрет
борца против апартхеида

Библиография

Словарь терминов (яз. зулу)

фото

Шкляж Иосиф Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Николаевского Государственного Университета им. В.А. Сухомлинского; автор более 180 публикаций, среди которых монографии, исследования по истории зарубежных стран, учебные пособия... Специалист по истории стран Азии и Африки.
Веселков Дмитрий Андреевич, студент 5-го курса НГУ, один из авторов учебного пособия «Из истории Крымской войны», специализируется по истории стран Азии и Африки.
Хилимов Юрий Петрович, студент 4-го курса НГУ, специализируется по истории стран Азии и Африки; публикуется впервые.
Хмиль Артем Викторович, студент 5-го курса НГУ, один из авторов учебного пособия «Из истории Крымской войны».